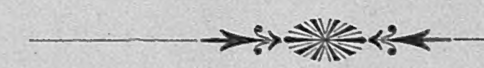
УЧАСТІЕ РУССКАГО ДУХОВЕНСТВА И МОНАШЕСТВА

ВЪ РАЗВИТІИ ЕДИНОДЕРЖАВІЯ И САМОДЕРЖАВІЯ

ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ

въ концѣ XV и первой половинѣ XVI в.в.

В. С—каго.



ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17
1902.

Отдѣльные оттиски изъ ж. «Вѣра и Разумъ» за 1902 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Какъ сословіе, пользовавшееся всеобщимъ глубокимъ уваженіемъ въ древней Руси и обладавшее весьма широкими общественными правами и преимуществами, русское духовенство и монашество не могло не быть и дѣйствительно было однимъ изъ могущественныхъ факторовъ въ дѣлѣ созиданія Московскаго единодержавія и самодержавія, смѣнившихъ собою господствовавшій дотолѣ на Руси такъ называемый удѣльно-вѣчевой порядокъ политической жизни. Раскрыть—на основаніи точныхъ историческихъ данныхъ—съ возможною подробностію и обстоятельностію, въ чемъ именно состояло участіе представителей русской церкви въ развитіи и упроченіи на Руси указанныхъ новыхъ началъ политической жизни,—и составляетъ *задачу предлагаемаго изслѣдованія*.

Эту задачу авторъ осуществляетъ въ *четырехъ отдѣлахъ* своего труда. Въ *первомъ* изъ нихъ, имѣющемъ характеръ вступительнаго, предлагается обзоръ главнѣйшихъ, существующихъ въ наукѣ Русской Исторіи, теорій по вопросу о томъ, какъ въ нашей исторіи совершился переходъ отъ удѣльнаго періода къ періоду Московскаго единодержавія и самодержавія,—дѣлается краткая характеристика взятой эпохи (кон. XV и первая полов. XVI в.в.),—перечисляются, согласно указаніямъ историковъ, различные факторы, содѣйствовавшіе возвышенію и усиленію Москвы и ея великихъ князей,—и, наконецъ, соотвѣтственно поставленной задачѣ, останавливается вниманіе на одномъ изъ перечисленныхъ факторовъ, именно на русскомъ духовенствѣ и монашествѣ, при чемъ авторъ выясняетъ, чѣмъ обусловливались сила и дѣйственность этого фактора, какими побужденіями руководилось духовенство, оказывая содѣйствіе осуществленію политическихъ плановъ великихъ князей Московскихъ, и въ какихъ мѣрахъ выражало оно свое участіе въ развитіи Московскаго единодержавія и самодержавія.—Во *второмъ* отдѣлѣ труда раскрывается участіе духовенства и монашества въ развитіи новаго порядка политической жизни въ Московскомъ государствѣ, насколько это участіе проявилось въ обстоятельствахъ борьбы великихъ князей Москов-

скихъ съ прочими князьями удѣльными и съ политическою самостоятельностію общинно-вѣчевыхъ народоправствъ.—*Третій* отдѣлъ сочиненія посвященъ главнымъ образомъ обстоятельному анализу тѣхъ произведеній письменности конца XV и первой полов. XVI в.в., которыя вышли изъ-подъ пера представителей тогдашняго духовенства и монашества (Іосифлянскаго направленія) и въ которыхъ содержится прямое или косвенное изображеніе высоты положенія и соединенныхъ съ этимъ положеніемъ правъ и обязанностей государей Московскихъ, какъ замѣстителей православныхъ Византійскихъ царей, какъ верховныхъ представителей богохранимой русской державы, куда бѣжала, послѣ паденія Константинополя, вселенская церковь и гдѣ отселѣ должны рѣшаться судьбы всего человѣчества.—Въ послѣднемъ—*четвертомъ* отдѣлѣ сочиненія изложены государственно-политическія воззрѣнія извѣстныхъ противниковъ „Іосифлянъ"—такъ называемыхъ „Заволжскихъ нестяжателей", и указано отличіе этихъ воззрѣній отъ политическихъ взглядовъ представителей „Іосифлянской партіи". Въ „*заключеніи*" авторъ отмѣтилъ политическіе взгляды самихъ Московскихъ государей—съ цѣлію показать, насколько эти взгляды соотвѣтствовали идеалу царской власти, обрисованному въ литературно-публицистическихъ воззрѣніяхъ представителей русскаго духовенства и монашества даннаго времени.

Какими источниками и пособіями пользовался авторъ при составленіи предлагаемаго труда,—читатель увидитъ изъ находящихся въ книгѣ подстрочныхъ примѣчаній.

Участіе русскаго духовенства и монашества въ развитіи единодержавія и самодержавія въ Московскомъ государствѣ въ концѣ XV и первой половинѣ XVI в.в.

(Изслѣдованіе по памятникамъ древне-русской письменности конца XV и первой половины XVI в.в.).

I.

Какъ совершился въ нашей исторіи переходъ отъ удѣльнаго періода къ періоду Московскаго единодержавія и самодержавія. Краткая характеристика взятой эпохи (кон. XV и перв. полов. XVI в.в.). Русское духовенство и монашество, какъ одинъ изъ факторовъ, содѣйствовавшихъ развитію новаго порядка политической жизни въ Московскомъ государствѣ.

Вопросъ о томъ, какъ въ нашей исторіи совершился переходъ отъ такъ называемаго удѣльнаго періода съ родовымъ порядкомъ наслѣдованія княжеской власти къ періоду Московскаго единодержавія и потомъ самодержавія, когда прежній родовой порядокъ началъ уступать мѣсто порядку государственному,—вопросъ этотъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ великую важность. Рѣшить этотъ вопросъ значитъ охарактеризовать одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ историческаго роста русскаго народнаго самосознанія. Естественно поэтому, что наши историки занимались этимъ вопросомъ, но, какъ почти всегда бываетъ, приходили къ различнымъ рѣшеніямъ его.

С. М. Соловьевъ, первый изъ историковъ, занявшійся разработкою даннаго вопроса, въ своихъ сочиненіяхъ [1]) высказалъ на этотъ разъ весьма оригинальную и остроумную тео-

[1]) „Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ“ М. 1845; „Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома“ М. 1847 г.; „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ Т. II, изд. 5, М. 1879.

рію. По его мнѣнію, государственная исторія Россіи до XIII в. представляетъ исключительное господство родовыхъ отношеній: всѣ князья суть члены одного княжескаго рода, вся Россія составляетъ его нераздѣльную родовую собственность. При такомъ порядкѣ не можетъ быть рѣчи о частной собственности князей, не можетъ быть понятія объ удѣлѣ. Рѣчь идетъ лишь о томъ, кто изъ князей старше, кто моложе въ родѣ, и за это всѣ споры, всѣ междоусобія. Владѣніе, города, области имѣютъ значеніе только въ той степени, въ какой соотвѣтствуютъ старшинству князей, ихъ притязаніямъ на старшинство, и потому князья безпрестанно мѣняютъ ихъ. Словомъ, всѣ междукняжескія отношенія указаннаго времени опредѣляются однѣми личными, родственными, кровными связями: всѣ счеты происходятъ изъ-за старшинста, дающаго высшее или низшее мѣсто въ общей родовой княжеской іерархіи и, сообразно съ этимъ, то или другое владѣніе. Эпоха, въ теченіе которой царитъ данный порядокъ вещей, частнѣе можетъ быть подраздѣлена такимъ образомъ: съ начала такъ называемаго періода удѣловъ—отъ Ярослава до смерти Мстислава I—столкновенія и распри между князьями происходятъ вслѣдствіе исключенія изъ общаго владѣнія племянниковъ дядями; съ этого времени до Андрея Боголюбскаго возникаетъ уже борьба между князьями за старшинство, дающее право на такое или другое владѣніе, и преимущественно Кіевомъ. Князь Андрей Боголюбскій полагаетъ начало новому порядку вещей. Этотъ князь, которому не полюбилось Кіевское княженіе, который предпочелъ славному и богатому Кіеву бѣдный Владиміръ на Клязьмѣ, обосновался на сѣверѣ и создалъ себѣ здѣсь независимое, могущественное положеніе, давшее ему возможность перемѣнить прежнее поведеніе старшаго князя относительно младшихъ, измѣнить родовыя отношенія къ младшимъ или слабѣйшимъ князьямъ въ государственныя. Примѣръ Боголюбскаго могъ оказаться и дѣйствительно оказался плодотворнымъ только въ сѣверной Руси. „Въ южной половинѣ Руси—говоритъ Соловьевъ—онъ не нашелъ подражателей: здѣсь не умѣли и не хотѣли понять важности этого явленія, не могли подражать ему; здѣсь самые доблестные князья обнаружили

отчаянное сопротивленіе ему; здѣсь старыя преданія были слишкомъ укоренены; здѣсь ни одинъ князь не обладалъ достаточною матеріальною силою для того, чтобы создать для себя независимое и могущественное положеніе въ своей волости; здѣсь, при борьбѣ разныхъ племенъ (линій) Ярославова потомства за старшинство, это старшинство и столъ Кіевскій обыкновенно доставались старшему въ томъ племени, которое одерживало верхъ; власть великаго князя была крѣпка не количествомъ волостей, но совокупною силою всей родовой линіи, въ которой онъ былъ старшимъ...; наконецъ, утвержденію новаго порядка вещей на югѣ препятствовали разныя другія отношенія, основанныя или, по крайней мѣрѣ, развивавшіяся, укрѣплявшіяся въ силу родовыхъ отношеній княжескихъ: мы говоримъ объ отношеніяхъ къ дружинѣ, городамъ, войску, составленному изъ пограничнаго варварскаго народонаселенія, извѣстнаго подъ именемъ черныхъ клобуковъ и т. п. Но другое дѣло на сѣверѣ: здѣсь была почва новая, дѣвственная, на которой новый порядокъ вещей могъ приняться гораздо легче, и точно принялся; здѣсь не было укорененныхъ старыхъ преданій о единствѣ рода княжескаго; сѣверъ начиналъ свою историческую жизнь этимъ шагомъ князя своего къ новому порядку вещей: Всеволодъ III наслѣдуетъ стремленія брата своего; всѣ князья сѣверные происходятъ отъ этого Всеволода третьяго: слѣдовательно, между ними новое преданіе о княжескихъ отношеніяхъ есть преданіе родовое, преданіе отцовское и дѣдовское; но главное обстоятельство здѣсь было то, что новымъ стремленіемъ князей на сѣверѣ открылось свободное поприще, они не могли встрѣтить себѣ препятствій въ другихъ отношеніяхъ, въ отношеніяхъ къ народонаселенію страны... Если бы на югѣ какой нибудь князь захотѣлъ ввести новый порядокъ вещей относительно счетовъ по волостямъ, то встрѣтилъ бы сильное сопротивленіе въ городахъ, которое, вмѣстѣ съ сопротивленіемъ многочисленной толпы князей-родичей, помѣшало бы ему достигнуть своей цѣли. Но существовало-ли это препятствіе на сѣверѣ? Господствовали-ли тамъ тѣ неопредѣленныя отношенія между князьями и гражданами, какія существовали въ старыхъ городахъ, старыхъ общинахъ, какія были остаткомъ прежнихъ родовыхъ

отношенiй народонаселенiя къ старшинамъ и поддерживались родовыми отношенiями, безпрестанными переходами и усобицами князей Рюриковичей? Здѣсь, на сѣверѣ, въ обширной области, граничащей съ одной стороны съ областями, принадлежавшими изгнанной линiи Святославичей, а съ другой соприкасавшейся съ владѣнiями Великаго Новгорода, въ этой суровой и рѣдко населенной странѣ находился только одинъ древнiй городъ, упоминаемый лѣтописцемъ еще до прихода варяговъ: то былъ Ростовъ великiй, отъ котораго вся окружная страна получила названiе земли Ростовской. Скоро начали возникать около него города новые; сынъ Мономаха Юрiй особенно прославилъ себя, какъ строитель неутомимый; эти новопостроенные города входили къ древнимъ въ отношенiе младшихъ къ старшимъ, становились ихъ пригородами и должны были находиться въ ихъ волѣ; отсюда младшiе города или пригороды не имѣли самостоятельнаго быта и во всемъ зависѣли отъ рѣшенiя старшихъ, которые для ихъ управленiя посылали своего посадника или тiуна; эта зависимость выражается въ лѣтописи такъ: „на чемъ старшiе положатъ, на томъ и пригороды станутъ". Ясно, что если въ этихъ младшихъ городахъ, не имѣвшихъ самостоятельности, привыкшихъ повиноваться вѣчевымъ пригородамъ старшихъ, князь утвердитъ свой столъ, то власть его будетъ развиваться гораздо свободнѣе; при этомъ не забудемъ, что въ Ростовской области всѣ эти новые города были построены и населены князьями; получивъ отъ князя свое бытiе, они необходимо считали себя его собственностiю. Такимъ образомъ, на сѣверѣ, въ области Ростовской, вокругъ старыхъ вѣчниковъ, вокругъ одинокаго Ростова, князь собралъ себѣ особый мiръ городовъ, гдѣ былъ властелиномъ неограниченнымъ, хозяиномъ полновластнымъ, считалъ эти города своею собственностiю, которою могъ распоряжаться: неудивительно послѣ того, что здѣсь явился первый князь, которому лѣтописецъ приписываетъ стремленiе къ единовластiю, неудивительно, что здѣсь впервые явились понятiя объ отдѣльной собственности княжеской, которую Боголюбскiй поспѣшилъ выдѣлить изъ общей родовой собственности Ярославичей, оставивъ примѣръ своимъ потомкамъ, могшимъ без-

препятственно имъ воспользоваться" [1]). И потомки эти дѣйствительно имъ воспользовались: они дѣлили свою вотчину, княженія, между дѣтьми; каждый старался усилить и умножить ее на счетъ другихъ, не уважая или мало уважая родовыя права, нормировавшія прежде между—княжескія отношенія. При такихъ обстоятельствахъ, одной княжеской линіи, а именно Московской, удалось усилиться надъ всѣми прочими. Результатомъ этого явилось отнятіе владѣній у прочихъ князей и ихъ подданническое служебное отношеніе къ Московскому; наконецъ, независимые князья совсѣмъ исчезли въ Россіи, и она обратилась въ Московское государство, окончательно основанное на развалинахъ прежняго удѣльнаго родового порядка Іоанномъ III-мъ и IV-мъ.

Таковъ взглядъ по разбираемому вопросу историка Соловьева. Сущность этого взгляда, какъ видимъ, состоитъ въ томъ, что пока вся земля была во владѣніи всѣхъ князей извѣстнаго княжескаго рода, у отдѣльнаго князя не было точки опоры для борьбы съ своими родичами и побѣды надъ ними. Но вотъ на сѣверѣ князья строятъ новые города и, имѣя ихъ своею собственностію, получаютъ въ то же время твердую опору для своихъ властныхъ притязаній. Такъ начинается новый государственный порядокъ.

Остроумная гипотеза Соловьева о старыхъ и новыхъ городахъ встрѣтила сильное возраженіе со стороны К. Д. Кавелина. „Гипотеза о различіи старыхъ и новыхъ городовъ—говоритъ Кавелинъ—не нужна и весьма неправдоподобна. Дѣйствительно-ли различались новые города отъ старыхъ?... Мы съ своей стороны тщетно перебирали въ памяти историческіе факты, напрасно пересматривали лѣтописи: ни одно данное не приводитъ къ ней. Во первыхъ, въ устройствѣ старыхъ и новыхъ городовъ мы не находимъ рѣшительно никакой разницы; вольныя общины отличались особенной организаціей—это правда; но если всѣ вольные города древней Руси были старые, то далеко нельзя сказать наоборотъ, что всѣ старые города были вольные. Напротивъ, лѣтописи представляютъ намъ

---

[1]) „Ист. Россіи съ древнѣйш. врем." изд. 5, т. II, стр. 230—234.

множество старыхъ городовъ, которые безусловно повиновались князьямъ, приходившимъ къ нимъ безъ призванія, и множество новыхъ городовъ, построенныхъ князьями, и въ сѣверо восточной Россіи, которые не повиновались князьямъ и своевольствовали. Различіе между тѣми и другими невозможно провести, потому что устройство городовъ древней Руси не имѣло никакой опредѣленности, правильности, постоянства, которыя, при возмужалости народа, кладутъ особенную, неизмѣнную печать на всю исторію города и глубокими чертами отличаютъ ее отъ исторіи и быта всѣхъ другихъ городовъ... Исторія нашихъ городовъ въ древности служитъ этому неопровержимымъ доказательствомъ. Тѣ только изъ нихъ сохраняютъ самостоятельность, которые удалены отъ главной сцены дѣйствія русской исторіи; придетъ съ ними въ соприкосновеніе сильный князь—они отдаются ему „на всей его волѣ", конечно, не безъ сопротивленія, но все-таки отдаются: князь на лицо—городъ исполняетъ его волю, нѣтъ—тогда городъ начинаетъ дѣйствовать, собираться на вѣче, распоряжается. Ослабѣютъ князья—города ихъ не слушаются и заключаютъ съ ними условія; усилились они—города опять замолкли. А когда утвердилось московское единовластіе, достаточно было ста лѣтъ, чтобы сравнить какой нибудь Новгородъ со всѣми другими городами,—Новгородъ, который до конца XV вѣка составлялъ цѣлое государство съ огромной территоріей; а тогда еще не было и помина о тѣхъ административныхъ средствахъ совершеннаго покоренія, которыя изобрѣтены уже въ новѣйшее время. Что можетъ быть краснорѣчивѣе этихъ фактовъ? Не говорятъ-ли они, что тогда города сами по себѣ ничего не значили, что ихъ муниципальныя права не были правами, а обычаями, не имѣвшими даже юридическаго характера, потому что эти права не были созданы и усвоены и только въ отсутствіе или при слабости князей предъявляли свое существованіе. Стало быть, не изъ характера новыхъ городовъ развилось понятіе объ отдѣльной княжеской собственности" [1]).

Какую же теорію на данный разъ предлагаетъ самъ Кавелинъ?

---

[1]) „Собраніе сочин. К. Д. Кевелина, т. I. СПБ. 1897 г., стр. 287—289.

По его словамъ, „никакихъ сильныхъ переворотовъ во внутреннемъ составѣ нашего отечества не происходило; отсюда можно a priori безошибочно заключить, что всѣ измѣненія, происшедшія постепенно въ политическомъ быту Россіи, развились органически изъ самого патріархальнаго, родового быта... Исторія нашихъ князей представляетъ совершенно естественно перерожденіе кровнаго быта въ юридическій и гражданскій. Сначала князья составляютъ цѣлый родъ, владѣющій сообща всею русскою землею. Такую картину представляетъ до-общественный, до-историческій бытъ всякаго человѣческаго общества. Отношеній по собственности нѣтъ и быть не можетъ, потому что нѣтъ прочной осѣдлости. Князья безпрестанно переходятъ съ мѣста на мѣсто, изъ одного владѣнія въ другое, считаясь между собою только по родству, старшинствомъ. Впослѣдствіи они начинаютъ осѣдаться на мѣстахъ. Какъ только это сдѣлалось, княжескій родъ раздробился на вѣтки, изъ которыхъ каждая стала владѣть особеннымъ участкомъ земли—областію или княжествомъ. Вотъ первый шагъ къ собственности. Правда, въ каждой отдѣльной территоріи продолжался еще прежній порядокъ вещей: общее владѣніе, единство княжеской вѣтви, имъ обладавшей, и переходы князей. Но не забудемъ, что эти территоріи были несравненно меньше, княжескія вѣтви малочисленнѣе: стало быть, теперь гораздо легче могла возникнуть мысль, что княжество—ни болѣе, ни менѣе, какъ княжеская вотчина, наслѣдственная собственность, которою владѣлецъ можетъ распоряжаться безусловно. Когда эта мысль, конечно безсознательно, наконецъ, укрѣпилась и созрѣла, территоріальные, владѣльческіе интересы должны были одержать верхъ надъ личными, то есть, по тогдашему кровными и родственными. Вотъ какимъ образомъ князья мало по-малу утратили живое сознаніе, что они члены одного рода, кровные между собою. Они стали относиться между собою, какъ владѣльцы, собственники, у которыхъ владѣльческіе интересы на первомъ планѣ. Родъ княжескій чрезъ это превратился во множество отдѣльныхъ, независимыхъ владѣльцевъ. Здѣсь лежитъ первый, хотя и слабый, зародышъ гражданскаго общества. Оно нестройно и без-

связно, потому что не судъ, не верховная власть опредѣляли ихъ отношенія, а произволъ и сила оружія. Одному изъ такихъ князей—собственниковъ удалось, наконецъ, съ помощію разныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, усилиться на счетъ другихъ. Онъ и его преемники усердно, правдой и неправдой, прибирали владѣнія послѣднихъ къ своимъ рукамъ. Такъ образовалась огромная вотчина, въ которой исподволь стали появляться первые зачатки государства; но и они условливались не степенью нашего тогдашняго развитія, а, такъ сказать, громадностію факта, физическими средствами владѣльца. Этотъ порядокъ вещей продолжался два съ половиною вѣка, пока, наконецъ, въ началѣ XVIII в. Московское царство дѣйствительно преобразовалось въ политическое, государственное тѣло и стало державой въ настоящемъ значеніи слова“ [1]).

Взглядъ Кавелина въ свою очередь встрѣтилъ вѣское возраженіе со стороны Соловьева. Послѣдній замѣчаетъ, что указанный Кавелинымъ процессъ „изнашиванія“ родового начала невозможенъ, что процессъ этотъ долженъ вести къ слѣдствіямъ, какъ разъ противоположнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда территорія меньше, когда княжеская вѣтвь малочисленнѣе, тогда-то и представляется полная возможность развиться родовымъ отношеніямъ, укорениться понятію объ общемъ владѣніи, потому что обширная территорія и многочисленность княжескихъ вѣтвей всего болѣе содѣйствуютъ раздробленію рода, порванію родовой связи [2]). Кавелинъ какъ будто опустилъ изъ виду, что съ раздѣленіемъ родовой единицы отдѣльныя вѣтви ея могли сохранить у себя то понятіе, какое хранилось въ цѣломъ, и это тѣмъ удобнѣе, что, съ разложеніемъ рода, родовой счетъ вести было легче.

Тогда какъ Соловьевъ и Кавелинъ, при рѣшеніи вопроса о переходѣ удѣльнаго родового начала въ начало государственное, поставляютъ на видъ внутренній органическій ходъ событій русской исторіи, не привнося при этомъ сюда никакихъ

[1]) Собран. сочин., Т. стр. 285—287; см. также его „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россі Ibid. стр. 6—66.

[2]) См. полемику Соловьева съ Кавелинымъ по данному вопросу въ прилож. ко II т. „Истор. Росс. съ древнѣйш. врем.“, стр. 461—462.

внѣшнихъ положительныхъ факторовъ, проф. Д. Я. Самоквасовъ, при рѣшеніи того же вопроса, выдвигаетъ на первый планъ именно факторъ внѣшній, и въ немъ видитъ главный ключъ къ объясненію даннаго явленія. Такимъ факторомъ является у него завоеваніе Руси монголами.

По взгляду Самоквасова, со времени Ярослава Владиміровича всѣ области его державы (за исключеніемъ Новгородской земли, образовавшей изъ себя народоправство—республику, въ которой власть князя принималась только по волѣ народа) получаютъ значеніе родового владѣнія, наслѣдуемаго по закону, измѣнить который сонаслѣдники не имѣли права. Этотъ законъ состоялъ въ наслѣдованіи государственной власти по началу отчины, въ порядкѣ бокового первородства, т. е. старшимъ по степени, по линіи и по рожденію. До Всеволода Ольговича законное преемство великокняжеской власти опредѣляется исключительно родовымъ старшинствомъ.

Со времени Всеволода Ольговича до завоеванія Руси монголами наслѣдованіе по началу отчины, въ порядкѣ бокового первородства, сохраняетъ значеніе законнаго порядка преемства великокняжеской власти; но споры между размножившимися потомками Ярослава за родовое старшинство и удѣлы въ родовомъ владѣніи выдвигаютъ волю народа, какъ силу, дающую преобладаніе одному претенденту надъ другимъ. Въ этомъ періодѣ законный порядокъ преемства государственной власти иногда нарушается, подъ вліяніемъ народной воли, склонявшейся на сторону князей, не имѣвшихъ за собою родового старшинства.

Завоеваніе Руси монголами, по Самоквасову, произвело рѣшительный переворотъ въ отношеніяхъ политическихъ силъ древней Руси. Это событіе превратило самостоятельныя удѣльныя государства въ части одного ханскаго улуса, подвластнаго волѣ хана, ярлыки котораго имѣли значеніе общихъ законовъ, обязательныхъ одинаково для всѣхъ русскихъ князей, для всѣхъ удѣльныхъ государствъ. Удѣлы русскихъ князей теряютъ характеръ родового владѣнія и получаютъ значеніе поземельной собственности, получаемой отъ хана—завоевателя. Власть русскихъ князей, потерявъ самостоятельность по отно-

шенію къ завоевателю, усилилась въ русской землѣ по отношенію къ русскому народу. Получивъ ярлыкъ въ ордѣ, русскій князь возвращался на родину полнымъ господиномъ своего удѣла, господствовалъ надъ нимъ именемъ верховнаго царя, какъ неограниченной власти надъ русскою землею. Подъ владычествомъ орды, борьба между русскими князьями получаетъ новый смыслъ по ея цѣли и новый характеръ по ея средствамъ. Цѣль борьбы составляетъ не родовое старѣйшинство, потерявшее прежній смыслъ, а расширеніе поземельныхъ владѣній. Средства борьбы опредѣляются не княжескими дружинами, а ханскою милостію. Родовое право князей является ничтожнымъ при столкновеніи съ выгодами завоевателя; значеніе старѣйшаго и сильнѣйшаго князя получаетъ тотъ изъ претендентовъ, за которымъ стоитъ сила орды.

За періодъ времени отъ завоеванія Руси монголами до времени Московскаго князя Юрія Даниловича законный порядокъ преемства великокняжеской власти въ русской землѣ, ставшей собственностію князя, состоитъ, какъ и прежде, въ наслѣдованіи по началу отчины, въ порядкѣ бокового первородства, а въ спорахъ князей за родовое старшинство и размѣры удѣловъ въ родовомъ владѣніи волю русскаго народа замѣняетъ судъ орды. Со времени Юрія Даниловича, по волѣ орды, родовой порядокъ преемства великокняжеской власти нарушается въ пользу рода Московскихъ князей, обратившихъ великое княженіе въ свою отчину не по родовому праву и передавшихъ въ своемъ родѣ государственную власть по завѣщанію въ новомъ, нисходящемъ порядкѣ [1]).

Нельзя, конечно, отрицать, что въ ряду обстоятельствъ, при пособіи которыхъ развивался на Руси, начиная съ XIII в., новый порядокъ вещей, были и монгольскія отношенія, но нельзя и утверждать за монгольскимъ игомъ такого рѣшительнаго въ нашей исторіи значенія, какое признаетъ за нимъ проф. Самоквасовъ, приписывающій монголамъ самое сильное, почти исключительное, вліяніе на произведеніе данныхъ явленій нашей исторіи.

---

[1]) См. „Главнѣйшіе моменты въ государ. развитіи древней Руси и происхожд. Московск. государства". Варшава 1886 г., стр. 65—66 (въ первой статьѣ) и Стр. 1, 30—31 (во второй).

Историкъ Бестужевъ—Рюминъ въ первомъ томѣ своей „Русской Исторіи", послѣ изложенія и оцѣнки взглядовъ на государственный бытъ древней Руси С. М. Соловьева, К. Д. Кавелина, Н. И. Костомарова (теорія господства въ древней Руси федеративнаго начала) и В. И. Сергѣевича (теорія господства договорнаго начала или теорія договоровъ), дѣлаетъ такое заключеніе: „изъ всего сказаннаго ясно, что мы недовольны ни одной изъ теорій, взявшихся объяснить государственный бытъ древней Руси, отыскать его движущее начало; мы держимся того мнѣнія, что одного движущаго начала не было, и что пестрота событій объясняется очень хорошо переплетающимся взаимодѣйствіемъ многихъ началъ, какъ, по вѣрному замѣчанію одного изъ величайшихъ историковъ XIX в. Гизо, и бываетъ всегда въ создающихся обществахъ" [1]). Какія именно эти „многія начала", Бестужевъ-Рюминъ не указываетъ, и такимъ образомъ уклоняется отъ прямого отвѣта на нашъ вопросъ.

Не вѣрнѣе-ли, кажется, будетъ приступить къ рѣшенію даннаго вопроса вотъ съ какой стороны. Разложеніе родового начала могло совершиться подъ дѣйствіемъ начала противоположнаго, т. е. начала личнаго. При господствѣ родового порядка наслѣдованія княжескихъ столовъ члены рода представляли изъ себя какъ бы одну вытянувшуюся въ длину линію, и у князя, стоящаго позади, не было законной возможности выдвинуться впередъ по этой линіи. Но предположимъ, что нашлась въ этой линіи такая выдающаяся талантливая личность, которая не мирится съ даннымъ порядкомъ, старается выйти изъ своего подавленнаго состоянія; ей нужно только встрѣтить благопріятный для себя случай, и личность, пользуясь этимъ случаемъ, нарушаетъ давящій ея свободу порядокъ. Такъ оно бывало и въ самой дѣйствительности. Исторія представляетъ намъ неоднократные примѣры подобнаго нарушенія господствовавшаго порядка во имя личности. Первый такой примѣръ она указываетъ въ лицѣ славнаго Владиміра Мономаха, бывшаго безспорно однимъ изъ лучшихъ

---

[1]) „Русск. Исторія" т. I, СПБ. 1872 г., стр. 162.

князей древней Руси. По свидѣтельству лѣтописи, названный сейчасъ князь занялъ столъ Кіевскій, обойдя старшинство племени Святославова, и сдѣлалъ это по приглашенію и просьбѣ Кіевлянъ, отдавшихъ справедливое предпочтеніе доблестному Мономаху предъ Черниговскими князьями Святославичами [1]). Такимъ образомъ, послѣ перваго же старшаго князя во второмъ поколѣніи нарушенъ уже былъ порядокъ первенства вслѣдствіе личныхъ достоинствъ сына Всеволодова. Въ фактѣ избранія Мономаха выступило на сцену земское начало, и это начало во имя личности нарушало родовое право. По смерти Мономаха старшее племя Святославово опять было устранено отъ стола Кіевскаго: на столъ этотъ сѣлъ старшій сынъ Мономаха Мстиславъ [2]). Въ личныхъ достоинствахъ Мономахова сына, обезпечивавшихъ ему народное расположеніе, была вѣрная гарантія не страшиться соперниковъ [3]). Въ княженіи Мстислава произошла распря между Черниговскими князьями, гдѣ Всеволодъ Ольговичъ не по праву занялъ Черниговскій столъ, устранивъ дядю своего Ярослава Святославича. Соперники обратились за помощію къ великому князю (Мстиславу) и послѣдній думалъ встать ратью на Всеволода въ защиту родовыхъ правъ Ярослава. Но по приговору духовнаго собора, на судъ котораго передано было дѣло и на рѣшеніе котораго можно смотрѣть, какъ на выраженіе общаго народнаго мнѣнія, племянникъ удержалъ за собою старшій столъ вопреки правамъ дяди [4]). Личное начало, вспомоществуемое земскимъ, такимъ образомъ опять торжествуетъ.

Въ исторіи дальнѣйшаго развитія этого новаго порядка княженіе Андрея Юрьевича Боголюбскаго по справедливости можетъ быть названо эпохой. Андрей первый изъ русскихъ князей энергически проводилъ въ своемъ лицѣ типъ князя—„само-

---

[1]) Кіевляне, „съвѣтъ створивше", два раза посылали къ Владиміру съ приглашеніемъ занять Кіевскій столъ. Послѣ второго посольства „Володимеръ пойде въ Кіевъ". Полн. собр. лѣт. Т. II, стр. 4.

[2]) См. Полн. собр. лѣт. Т. I, стр. 129; т. II, стр. 10; т. IX, стр. 153.

[3]) Недаромъ лѣтопись, начиная разсказъ о княженіи Мстислава, говоритъ, что этотъ князь еще „юнъ сый" одолѣлъ дядю своего Олега Святославича. Полн. собр. лѣт. Т. IX, стр. 153.

[4]) Полн. собр. лѣт. Т. I, стр. 130; II, стр. 10—11, IX, стр. 154.

властца", стремившагося прежнія родственныя отношенія старшаго къ младшимъ замѣнить отношеніями новыми, подручническими или подданническими. „Мы тя до сихъ мѣстъ акы отца имѣли по любви, заявлялъ Андрею недовольный его образомъ дѣйствій одинъ изъ южныхъ князей—Ростиславичей (именно Мстиславъ), аже еси съ сякыми рѣчьми прислалъ, не акы къ князю, но акы къ подручнику и просту человѣку, а что умыслилъ еси, а тое дѣй, а Богъ за всѣмъ" [1]). Дѣйствуя во имя новыхъ стремленій, Андрей не терпитъ: родовой іерархіи въ своихъ владѣніяхъ, которая опутывала и стѣсняла одинаково и младшихъ, и старшихъ князей, и желая быть единоправнымъ, не даетъ своимъ братьямъ и племянникамъ волостей и выгоняетъ ихъ изъ своихъ владѣній; вмѣстѣ съ ними изгоняетъ онъ изъ своего княжества и старыхъ бояръ отца своего [2]), Онъ хочетъ, такимъ образомъ, самъ—одинъ держать всѣ области своего княжества, только при помощи нѣкоторыхъ новыхъ приближенныхъ къ нему людей. Но и эти люди не потерпѣли деспотизма сѣвернаго „самовластца"—и онъ палъ отъ ихъ руки.

Личное начало, нанесшее при Андреѣ Боголюбскомъ столь сильный ударъ началу родовому, было выдвинуто, какъ мы видѣли, самою землею. Въ землѣ нужно было искать поддержки и для дальнѣйшаго развитія этого новаго начала. Но чтобы поддержка со стороны земской силы была вѣрна и постоянна, нужно было освободиться отъ той неустойчивости и случайности, какія присущи были дѣйствіямъ названной силы. Для достиженія этого лучшимъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ являлось пріобрѣтеніе собственности. А гдѣ же легче и удобнѣе можно было это сдѣлать, какъ не на сѣверѣ, вдали отъ Кіева, тамъ, гдѣ родовое начало было слабо развито и гдѣ, слѣдовательно, привязанность къ государственному порядку могла скорѣе привиться и возрасти? Андрей Юрьевичъ Боголюбскій лучше всѣхъ созналъ эту потребность земельной собственности. Оставивъ Кіевъ—этотъ старѣйшій и богатѣйшій изъ городовъ русскихъ, владѣніе которымъ давало старѣйшинство между братьями и

---

[1]) Ibid. Т. II, стр. 109.
[2]) Полн. Собр. Лѣт. Т. IX, стр. 221.

около котораго толпились спорившие за это старѣйшинство князья—родичи,—Андрей удалися на любимый имъ сѣверъ, въ свою наслѣдственную Ростовско-Суздальскую область и здѣсь утвердилъ свое мѣстопребываніе во Владимірѣ и Боголюбовѣ, гдѣ чувствовалъ себя княземъ—собственникомъ, хозяиномъ—владѣльцемъ, имѣющимъ право располагать своимъ владѣніемъ. Опираясь на силу собственной личности князя—собственности, съ одной стороны, на преданность и покорность окружающаго народонаселенія съ другой [1]), Андрей принялъ на сѣверѣ характеръ правителя—„самодеръжца" [2]). Данный имъ примѣръ нашелъ ревностныхъ подражателей въ лицѣ его потомковъ, и этимъ примѣромъ они воспользовались съ полнымъ успѣхомъ.

Итакъ, личное и земско-территоріальное начало—вотъ общія условія, подъ дѣйствіемъ которыхъ разложился удѣльный родовой порядокъ и перешелъ въ Московско-государственный. Имѣли при этомъ свою долю значенія и нѣкоторыя другія обстоятельства, въ томъ числѣ и монгольскія отношенія, что мы и отмѣтимъ ниже, въ рѣчи о причинахъ возвышенія Москвы на степень всероссійской столицы, а ея князей на степень государей всея Руси.

Новый порядокъ политическихъ отношеній, столь замѣтно проявившійся въ сѣверной Руси въ княженіе Андрея Боголюбскаго, еще замѣтнѣе и яснѣе начинаетъ выступать здѣсь со времени возвышенія и усиленія въ первой половинѣ XIV в. Москвы, или со временъ извѣстныхъ князей—братьевъ Даниловичей—этихъ, какъ ихъ называютъ, первоначальниковъ собиранія русскихъ земель подъ Московскимъ главенствомъ. Въ Москвѣ—„городкѣ, по замѣчанію одного изъ нашихъ историковъ, дотолѣ незначительномъ, рѣдко упоминаемомъ въ лѣтописяхъ, бывшемъ удѣломъ младшихъ и потому наименѣе сильныхъ князей" [3]),—постепенно устанавливается государственный центръ, къ которому тяготитъ сѣверо-восточная Русь; Москва пріобрѣтаетъ первенствующее значеніе среди

---

[1]) Полн. Собр. Лѣтоп. Т. IX, стр. 209.

[2]) Ibid., стр. 210.

[3]) Бестужевъ-Рюминъ. „Русс. Ист." Т. I. СПБ. 1872 г., стр. 387.

другихъ русскихъ земель и городовъ и принимаетъ на себя дѣло государственнаго единства и національной независимости. Начинается періодъ постепеннаго сосредоточенія и укрѣпленія верховной государственной власти въ рукахъ великихъ Московскихъ князей, при чемъ великокняжеское званіе утверждается въ одной княжеской линіи и наслѣдованіе этого званія подчиняется не старымъ родовымъ началамъ, не древнеславянскимъ понятіямъ о естественномъ старшинствѣ дяди надъ племянникомъ, а началу новому: утверждается порядокъ престолонаслѣдія по прямой нисходящей линіи [1]). Съ образованіемъ въ Москвѣ прочнаго государственнаго средоточія, удѣльно-родовой порядокъ политической жизни все болѣе и болѣе сходитъ съ исторической сцены; территоріально и политически раздробленная русская земля собирается въ одно цѣлое подъ единою верховною властію великаго князя Московскаго. Вотчина Московскихъ Даниловичей все болѣе и болѣе расширяется во всѣ стороны и превращается въ государство Московское и всея Руси. Возникаетъ въ собственномъ смыслѣ Московское единодержавіе, рядомъ съ которымъ развивается и Московское самодержавіе.

Такъ—какъ замѣна стараго новымъ нигдѣ и никогда не обходится безъ борьбы (исключенія въ этомъ отношеніи весьма

---

[1]) Въ договорѣ Димитрія Донскаго съ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ въ первый разъ ясно выражено новое начало старшинства: старшинство сына умирающаго князя надъ его братомъ, господство племянника надъ дядею. Здѣсь сказано: „быти ны за одинъ, и имѣти ему мене отцомъ, а сына моего князя Василья братомъ старѣйшимъ“... См. Собр. Госуд. грам. и договоровъ, т. I, № 33, стр. 55. Государственная идея, намѣченная Димитріемъ Донскимъ, развита; узаконена и проведена въ жизнь въ договорахъ, завѣщаніи и другихъ распоряженіяхъ Іоанна III Васильевича. По мысли послѣдняго, нисходящіе родственники государя устраняли отъ наслѣдованія государственной власти всѣхъ его боковыхъ родственниковъ, а между членами семейства государя наслѣдника престола указывала воля его предшественника. И этому, назначенному волею государя, наслѣднику должны были безусловно повиноваться, наравнѣ со всѣми другими подданными, всѣ члены княжескаго рода, какъ близкіе, такъ и дальніе. Собр Госуд. грам. и догов. Т. I, №№ 123—126 (договоры Іоанна III съ братьями Андреемъ Угличскимъ и Борисомъ Волоцкимъ), № 133, 134 (договоръ сына и наслѣдника Іоанна, Василія съ братомъ Юріемъ, заключенный при жизни и по приказанію отца), № 144 (дух. грамота Іоанна Васильевича), см. Акты Запад. Россіи Т. I, № 192. (наказныя рѣчи посламъ Іоанна къ Литовскому правительству).

рѣдки), то, естественно, неизбѣжна была борьба эта и въ данномъ случаѣ. Добровольнаго, тихаго подчиненія старыхъ независимыхъ княжествъ одному изъ самыхъ младшихъ городовъ не могло быть. Выступившему въ лицѣ носителей великокняжеской Московской власти новому порядку политической жизни, естественно, поэтому пришлось пережить многія и часто опасныя столкновенія съ порядкомъ старымъ, представители котораго не замедлили давать отпоръ враждебной новизнѣ. Но трудно уже было вполнѣ оживить исчезавшую старину, исчезавшія политическія отношенія. Хода общественной жизни остановить было нельзя: новый порядокъ вещей, находившій для себя могучую поддержку въ самомъ общественномъ сознаніи, всегда выходилъ изъ борьбы побѣдителемъ и съ успѣхомъ двигался по пути своего дальнѣйшаго развитія. Вспыхнувшая при Василіи Темномъ Шемякинская смута, грозившая ниспровергнуть довольно уже прочно къ тому времени сложившійся Московскій государственный порядокъ, явилась, можно сказать, послѣднимъ сильнымъ возбужденіемъ мятежнаго духа древне-русскихъ усобицъ, происшедшихъ какъ будто для того, чтобы сказать свою послѣднюю предсмертную рѣчь о полной несостоятельности старозавѣтныхъ началъ жизни. Старое зданіе удѣльно—родовыхъ отношеній оказалось въ своихъ основаніяхъ расшатаннымъ, и нужны были послѣдніе и при томъ немногіе удары, чтобы оно окончательно и безвозвратно рушилось. Это и совершается во взятую нами эпоху русской исторіи.

Конецъ XV и первая половина XVI в.в. были временемъ, когда, можно сказать, приведено было къ окончанію дѣло объединенія сѣверо-восточной Руси въ одну „Московскую державу" подъ единою самодержавною властію великихъ Московскихъ князей—государей, были временемъ, когда въ Московской Руси исчезли послѣдніе удѣльные ручьи и новый государственно-политическій порядокъ прочно установленъ былъ по всѣмъ сѣверно-русскимъ областямъ. Единодержавный строй политической жизни, съ неограниченною властію государя, подавляя собою послѣдніе остатки удѣльно-вѣчевого быта, хотя уже и парализованные, но все еще существовавшіе, достигаетъ за это время широкаго развитія и сильнаго могущества. Мо-

сковскіе государи—единовластители, съ такимъ терпѣливымъ усердіемъ и съ такою изобрѣтательностію въ способахъ дѣйствія сосредоточивавшіе въ своихъ рукахъ разбитую на части русскую землю, ясно сознаютъ теперь высоту своего положенія и ревниво оберегаютъ свои, вѣковыми усиліями пріобрѣтенныя, права. Гордые потомки древнихъ самостоятельныхъ князей и сами недавно бывшіе независимыми князьями—владѣльцами, а равно потомки старыхъ дружинниковъ (удѣльныхъ бояръ), которые были необходимыми и дѣятельными участниками политическихъ думъ и предпріятій своего князя и считали себя въ правѣ говорить послѣднему: „о собѣ еси, княже, замыслилъ, а не ѣдемъ по тобѣ: мы того не вѣдали“ [1]), и тѣ, и другіе должны были преклониться предъ быстро возрастающимъ значеніемъ Московскихъ единовластителей, съ болью въ сердцѣ должны были поникнуть предъ ихъ могучей силой, предъ ихъ державнымъ достоинствомъ, которое уже не считало нужнымъ сообразовать свои дѣйствія съ совѣтомъ и волею своихъ слугъ. Порядки удѣльной старины отходили для нихъ въ область несбыточныхъ мечтаній, дѣлались анахронизмами, а при новыхъ (volens—nolens) приходилось имъ принимать на себя роль, какую угодно было назначить Московскому повелителю, приходилось занять положеніе его „холоповъ“ [2]), сдѣлаться его служилыми людьми, и всѣмъ стать рядомъ въ распоряженіи одной власти, подъ дѣйствіемъ одного государственнаго порядка. Князь Московскій могъ теперь говорить своимъ боярамъ: мы вамъ государи прирожденные, а вы наши извѣчные бояре“ [3]), или: „пойди, смердъ, прочь, ненадобенъ ми еси“ [4]). Младшіе братья государя строго обязываются „держать старшаго своимъ господиномъ честно и грозно“ [5]):

---

[1]) Полн. собр. лѣт. Т. II, стр. 97 и др. лѣтописныя мѣста въ этомъ родѣ.

[2]) См. Соловьева „Ист. Россіи съ древнѣйш. врем.“ кн. I, стр. 1503; кн. II, стр. 9.

[3]) Слова Василія III. См. Ключевскаго „Боярская дума древней Руси“. М. 1882 г., стр. 185.

[4]) См. отрывокъ слѣдств. дѣла о Иванѣ Берсенѣ и Θеодорѣ Жареномъ... въ актахъ арх. экспед. Т. I, № 172, стр. 143.

[5]) См. договоръ Іоанна Васильевича III съ братомъ Юріемъ въ Собр. госуд. грам. и догов. т. I, № 133, 134.

они становятся въ положеніе не болѣе, какъ богатыхъ владѣльцевъ, такихъ же подданныхъ, какъ прочіе князья и бояре; государь—самодержецъ всегда имѣлъ возможность подъ всякимъ предлогомъ лишить ихъ вотчинъ и земель. Такъ называемое право свободнаго отъѣзда, право вольнаго слуги-боярина выбирать себѣ мѣстомъ службы любой изъ княжескихъ дворовъ, встрѣчаетъ за описываемое время настойчивыя попытки къ его ограниченію, и фактическое пользованіе имъ, въ виду предпринимавшихся на этотъ разъ политическихъ мѣръ со стороны Московскихъ властителей, становится настолько затруднительнымъ, что невольно приходилось отказываться отъ такого пользованія. „Вотъ какъ онъ съ нами поступаетъ,—жаловался на Іоанна III одинъ изъ его братьевъ другому (Борисъ Волоцкій Андрею Угличскому),—нельзя уже никому отъѣхать къ намъ!.. Кто отъѣдетъ отъ него къ намъ, того беретъ безъ суда, считаетъ братью свою ниже бояръ,... забылъ и договоры, заключенные съ нами послѣ смерти отцовской“ [1]). Власть князей и бояръ склонялась такимъ образомъ къ окончательному упадку, а параллельно этому единая самодержавная власть главы окончательно объединявшагося Московскаго государства достигала все большей и большей силы и крѣпости.

Рядомъ съ внѣшне-политическимъ объединеніемъ русскихъ земель подъ главенствомъ Москвы и ея великихъ князей-государей, успѣшно совершалось въ описываемое время и объединеніе ихъ въ сферѣ религіозно-нравственныхъ интересовъ. Для Москвы, становившейся, вмѣстѣ съ объединеніемъ Руси въ одно политическое цѣлое и съ централизаціей государственной власти въ лицѣ ея великихъ князей, общерусскимъ центромъ въ государственно-политическомъ отношеніи, важно было сдѣлаться такимъ же центромъ и въ отношеніи религіозно-церковномъ. Дѣло объединенія различныхъ русскихъ областей подъ ея главенствомъ являлось бы болѣе твердымъ и несокрушимымъ, еслибы параллельно внѣшне-политической

---

[1]) См. Соловьева „Ист. Россіи съ древнѣйш. врем.“ кн. I, стр. 1395; Полн. собр. лѣт. т. VI, стр. 222. О строгихъ мѣрахъ противъ отъѣздовъ при Василіи Іоанновичѣ III см. у Соловьева „Ист. Россіи съ древн. врем.“ кн. I, стр. 1670—1671.

централизаціи шла и создавалась централизація внутренняя, еслибы со связью внѣшнею полагалась и усиливалась связь внутренняя, единеніе на началахъ религіозно-нравственныхъ въ видѣ тождества религіозныхъ убѣжденій, единства богослуженія, нравовъ, обычаевъ... Въ виду этого, уничтоживъ внѣшнеполитическую особность различныхъ русскихъ областей, Москва должна была сгладить еще особность характера церковно-религіознаго, очень часто въ своемъ основаніи имѣвшую мотивы чисто политическіе,—должна была соединить въ себѣ все, что было святого и священнаго въ каждой отдѣльной области и сдѣлать это общецерковнымъ достояніемъ.

И вотъ какъ бы въ отвѣтъ на эту потребность—внѣшнеполитическое объединеніе Руси довершить и закрѣпить объединеніемъ внутреннимъ, въ царствованіе Василія III и Іоанна IV развивается широкая собирательная дѣятельность церкви. И въ этой церковно-собирательной дѣятельности самая видная роль по справедливости должна быть приписана знаменитому Макарію, который въ данномъ отношеніи вполнѣ заслуживаетъ названіе „собирателя церкви" въ параллель Московскимъ князьямъ—„собирателемъ Руси".

Первымъ крупнымъ проявленіемъ собирательной церковной дѣятельности, начавшейся по иниціативѣ названнаго іерарха русской церкви и совершавшейся при его главномъ участіи и подъ его главнымъ вліяніемъ, служатъ знаменитыя такъ называемыя „Макарьевскія Четьи-Минеи", или: „собраніе всѣхъ книгъ чтомыхъ, которыя въ русской землѣ обрѣтаются",—собраніе, лучшіе и полнѣйшіе списки котораго пожертвованы были собирателемъ—іерархомъ въ Москву: одинъ—Государю, а другой—въ Успенскій соборъ [1]). Это многолѣтній собирательный трудъ, совершенный стараніями Макарія въ Новгородѣ, восполненный и нѣсколько видоизмѣненный имъ потомъ въ Москвѣ, „представляетъ—по словамъ проф. Ключевскаго—такую же попытку централизаціи въ области древне-русской письменности, какой были соборы 1547—1549 г.г. въ области русскихъ церковно-историческихъ воспоминаній" [2]). Понятно,

[1]) См. „Ист. русс. церкви" Преосв. Макарія, т. VII, СПБ. 1874 г., стр. 428.

[2]) „Древнерусскія житія св., какъ историч. источникъ". М. 1871 г., стр. 229.

съ какой идеей могло, между прочимъ, связываться составленіе обширнаго сборника всей русской церковной письменности. Желаніе поставить Москву въ положеніе церковно-учительнаго центра занимало, конечно, не послѣднее мѣсто въ ряду побужденій къ подобному предпріятію. Что въ данномъ отношеніи являлось мѣстнымъ, то теперь, благодаря указанному труду, приводилось во всеобщую извѣстность и присовокуплялось къ общей сокровищницѣ національнаго благочестія, центромъ котораго являлся царствующій градъ Москва.

Но составленіе „Четьи—Миней" было только, такъ сказать, прологомъ къ болѣе значительному предпріятію въ дѣлѣ начавшейся церковной централизаціи, подобнаго которому мы не находимъ ни ранѣе, ни послѣ въ русской церкви. Разумѣемъ совершенную при Макаріи на соборахъ 1547—1549 г.г. канонизацію русскихъ святыхъ. Это событіе было дѣйствительно однимъ изъ самыхъ крупныхъ проявленій централизаціи, развивавшейся въ русской церкви объ руку съ государственной,—было „новымъ фактомъ церковно-политическаго объединенія, съ которымъ возвышался авторитетъ Московской церковной и государственной власти" [1]).

Чтобы понять вполнѣ церковно-политическое значеніе этого церковнаго предпріятія, нужно вспомнить, какими характерными свойствами, и часто съ оттѣнкомъ политическимъ, запечатлѣно было и какими своеобразными обстоятельствами сопровождалось одно лишь мѣстное почитаніе святыхъ. По мѣрѣ того, какъ все болѣе и болѣе осязательно проявлялись стремленія Москвы усилиться на счетъ другихъ русскихъ областей, объединить ихъ подъ своимъ главенствомъ во всѣхъ отношеніяхъ, сгладить и уничтожить мѣстныя историческія преданія, нарушавшія связь ихъ съ новой столицей русскаго государства, каждая мѣстность этого государста, заботившаяся о сохраненіи своей самобытности, естественно должна была дорожить своими преданіями и отстаивать ихъ. Руководимая этимъ желаніемъ, она старалась свои мѣстныя историческія преданія связать съ мѣстною святынею, послѣднею освятить пер-

[1]) А. Н. Пыпинъ „Ист. русск. литературы", т. II, Спб. 1898 г., стр. 193.

выя и такимъ образомъ показать свое значенie и силу. „При политическомъ раздѣленiи, которое сопровождалось нерѣдко прямою враждою земель, церковная святыня извѣстной земли, благочестивый подвижникъ, получившiй признанie святости, оставались мѣстною принадлежностiю этой земли. Ихъ священный авторитетъ былъ прибѣжищемъ въ благочестивой жизни, въ самой военной защитѣ земли и въ удѣльныхъ раздорахъ: мѣстныя святыни и святые были патронами своей земли“ [1]). Въ жизнеописанiяхъ святыхъ нерѣдко разсказывается, съ какою охотою исполняетъ просьбы извѣстнаго святого, возымѣвшаго намѣренiе поселиться въ какомъ нибудь глухомъ мѣстечкѣ и построить здѣсь монастырь, мѣстный удѣльный князь, радуясь, „яко близь его державства хощетъ Богъ обитель воздвигнути“ [2]). Недаромъ и „Господинъ великiй Новгородъ“, чувствуя близость грозы со стороны властолюбивой Москвы и сознавая слабость своего жизненнаго пульса, перенесъ свои думы съ Ярославова двора, гдѣ замолкалъ его голосъ, на св. Софiю и другiя мѣстныя святыни, вызывая изъ нихъ преданiя старины. Открытie архiепископомъ Евѳимiемъ въ 1439 г. мощей владыки Iоанна, вмѣстѣ съ установленiемъ паннихиды 4-го октября всѣмъ „княземъ, лежащимъ въ святѣй Премудрости Божiи, и ихъ сродникомъ, и архiепископомъ Великаго Новограда“ [3]), должны были сильно содѣйствовать оживленiю мѣстныхъ преданiй. Объ архiепископѣ Евѳимiи извѣстно также, что онъ предпринималъ попытку собрать всѣ древнiя преданiя о Новгородской святынѣ, записать ихъ и предать въ назиданie народу. Этотъ патрiотическiй подвигъ Новгородскаго владыки выступаетъ—по словамъ г. Буслаева—„въ особенномъ свѣтѣ въ исторiи развитiя литературныхъ идей, если возьмемъ въ соображенie ту эпоху, когда Новгороду въ борьбѣ съ Москвою не оставалось иныхъ средствъ, кромѣ авторитета литературнаго. Это духовное ополченie, окруженное

[1]) Ibid., стр. 194 и слѣд.

[2]) См. напр. Житie Дiонисiя Глушицкаго въ рукоп. сборн. Кiев. дух. акад. подъ знакомъ Аа 154, л. 33 и об., л. 45; Житie преп. Iосифа Волоцкаго, написанн. Саввою Чернымъ, изданн. Невоструевымъ, стр. 20.

[3]) Житie архiеп. Новгор. Iоанна въ рукоп. сборн. той же акад. Аа 118, л. 24 об. и л. 25; житie архiеп. Евѳимiя, ibid., 37 об.

ореоломъ святости, какъ нельзя болѣе во время вызвано было изъ старыхъ преданій и какъ бы пущено на встрѣчу притязаніямъ Москвы, еще столь бѣдной въ то время своими мѣстными святынями“ [1]). Стремленіемъ заявить свою обособленность и индивидуальность чрезъ мѣстную святыню объясняется и то нерѣдкое въ тѣ времена явленіе, что святой, почитаемый въ одной области, не почитался въ другой,—и въ этомъ случаѣ непочтеніе къ чуждому святому часто носило политическій оттѣнокъ. Свободолюбивый Новгородъ почти до самыхъ послѣднихъ годовъ своей политической независимости не хотѣлъ чествовать преподобнаго Сергія, особенно почитавшагося въ Москвѣ, именно какъ покровителя Московскаго государства [2]). И Москва съ своей стороны какъ будто нарочито иногда стремилась даже унизить Новгородскую святыню. Яснымъ отраженіемъ этого стремленія служитъ извѣстный разсказъ объ Іоаннѣ III Васильевичѣ, который, желая показать свою царственную власть надъ святымъ покровителемъ Новгорода, преподоб. Варлаамомъ Хутынскимъ, какъ и надъ самымъ Новгородомъ, съ яростію приказалъ раскопать при себѣ могилу чудотворца, за что и получилъ чудесное вразумленіе [3]). А списатель житія Новгородскаго владыки Моѵсея разсказываетъ о первомъ Новгородскомъ архіепископѣ—москвичѣ Сергіи, что этотъ послѣдній, заѣхавъ по пути изъ Москвы въ Новгородъ въ Сковородскій монастырь и получивъ отказъ въ своей просьбѣ открыть находившійся здѣсь гробъ св. Моисея, „вознесеся—по словамъ списателя—умомъ высоты ради сана своего, яко отъ Москвы пріиде, укори преподобнаго Моисея архіепископа, рекъ, кого сего смердія сына смотрѣти, за что и бысть ему ума отъятіе и смысла изступленіе“ [4]).

---

[1]) „Лѣтописи русс. литерат. и древн.“ кн. VI, стр. 72, 77—79.

[2]) Этого св. патрона Москвы въ Новгородѣ стали почитать лишь при Василіи Темномъ. Архіепископъ Новгор. Іона, отправившись въ Москву, чтобы заступиться предъ названнымъ велик. княземъ за свободу своего родного города, далъ обѣтъ выстроить въ Новгородѣ первый храмъ въ честь св. Сергія, и исполнилъ потомъ свой обѣтъ. См. Житіе Архіеп. Новгор. Іоны въ рукоп. сборн. Кіев. Дух. Акад. подъ знакомъ Аа 118, л. 55.

[3]) См. Костомарова „Сѣвернорусскія народоправства во времена удѣльно—вѣчевого уклада“ т. II, Спб. 1863 г., стр. 334—335.

[4]) Житіе Моѵсея въ рукоп. сборн. Кіев. Дух. Акад. Аа 118, л. 76 об.

Вотъ для устраненія этой-то церковно-религіозной особности областей, часто шедшей рука объ руку съ особностію политической и проявлявшейся иногда въ довольно рѣзкихъ формахъ, „дивный во святителѣхъ“ Макарій чрезъ произведенную при немъ канонизацію святыхъ и имѣлъ, между прочимъ, въ виду съ одной стороны дать на мѣсто областныхъ священныхъ преданій, дорогихъ преимущественно для каждой отдѣльной мѣстности, преданія, такъ сказать, общерусскія, а съ другой—подчинить центральному (Московскому) контролю и самыя мѣстныя преданія, и такимъ образомъ ставшую уже окончательно центромъ политической жизни Москву сдѣлать и центромъ церковно-религіозной жизни Руси. Вмѣстѣ съ тѣмъ чрезъ данное предпріятіе какъ нельзя болѣе рельефно осуществлялась и та общая церковно-политическаго характера цѣль, чтобы съ новымъ блестящимъ внѣшнимъ положеніемъ русскаго царства, какое заняло оно со времени торжественнаго принятія царскаго титула Іоанномъ Васильевичемъ IV, находилась въ полной гармоніи и внутренняя высота русской церкви, чтобы русскій царь являлся единымъ правовѣрнымъ обладателемъ государства, въ которомъ повсюду сіяетъ померкшее въ Царьградѣ солнце истиннаго православія и благочестія, надъ которымъ почиваетъ свыше небесное благословеніе, являющее свою силу въ множествѣ святыхъ угодниковъ Божіихъ, нетлѣнныя тѣлеса коихъ покоются въ разныхъ мѣстахъ обширной русской земли.

Если „собраніе всѣхъ книгъ чтомыхъ, которыя въ русской землѣ обрѣтаются“, сдѣланное при главномъ участіи и подъ ближайшимъ вліяніемъ и руководствомъ митр. Макарія, являлось, между прочимъ, фактомъ централизаціи въ области церковно-учительной, а канонизація святыхъ—фактомъ централизаціи въ области церковно-отечественной святыни, то Макарьевская редакція такъ называемой „Степенной книги“ представляла изъ себя того же рода явленіе по отношенію къ исторіографіи. На Руси издревле существовали лѣтописи—Новгородская, Псковская и пр., лѣтописи мѣстныя не только по району описываемыхъ дѣйствій, но и по духу и идеѣ. Мѣстный или областной характеръ ихъ неизбѣжно выражался

какъ въ явномъ пристрастіи къ своимъ князьямъ или іерархамъ, такъ и въ непріязненномъ тонѣ по отношенію къ другимъ областямъ, съ которыми случались столкновенія. Между тѣмъ сочувствіе составителей „Степенной“ лежитъ на сторонѣ тѣхъ только лицъ, которые содѣйствовали возвышенію Москвы. Личности великихъ князей Московскихъ—собирателей Руси здѣсь обрисовываются обыкновенно чертами самыми возвышенными, —чертами, изъ совокупности которыхъ слагается образъ „единаго православнаго царя—самодержца“ въ собственномъ смыслѣ этихъ словъ. Вотъ для примѣра величественная характеристика личности Іоанна Васильевича III: „Богомъ поставленный бодреливый стражъ и истинный пастырь, благоразумная и правдивая глава превозлюбленнѣй его рустѣй велицѣй земли, коренеплодному отечеству изрядный наслѣдникъ и крѣпкій поборникъ православію,. всяку ересь потребляющій и всяку вражду пресѣкающій, и многоначаліе и самовластіе упраздняющій, иже окрестъ державы его властодержателей подъ свою державу покоряющій,.. славный и пресловущій,.. свѣтлѣшій самодержецъ, благовѣрный и христолюбивый... всея Русіи Государь и царь“ [1]). Говоря вообще, „Степенная книга“ стремится окружить русское государство и его верховнаго представителя—Государя Московскаго ореоломъ величія, стремится показать, что русскій царствующій домъ и руководимая имъ русская исторія сіяютъ блескомъ и славой и имѣютъ на себѣ особенное божественное покровительство. Она старается представить, такъ сказать, историческій апоѳеозъ русскаго царствующаго дома, связывая его происхожденіе съ римскою имперію [2]). Отмѣ-

[1]) Степенная книга, ч. II, стр. 98—99.

[2]) Въ помѣщенномъ въ самомъ началѣ книги житіи княгини Ольги, которое приписываютъ знаменитому во времена Грознаго Благовѣщенскому іерею Сильвестру (см. „Ист. русс. церк.“ Преосв. Макарія, т. VII, изд. Спб. 1874 г., стр. 454—прим. 361; см. также Погодина „Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о русской исторіи“ т. III, М. 1846 г., стр. 89, прим. 147), рядомъ съ указаніемъ, что апостолъ Андрей жезломъ преобразовалъ въ Руси самодержавное скипетро-правленіе, стоитъ извѣстіе, что это самодержавное скипетро-правленіе „начася отъ Рюрика, иже бѣ отъ племени Прусова, по его же имени Прусская земля именуется; Прусъ же братъ бысть единоначальствующаго на земли римскаго кесаря Августа“. Степенн. кн. ч. I, стр. 7; см. также стр. 52, 78.

тимъ, наконецъ, что такъ называемый „Стоглавъ“ стремится уничтожить мѣстные религіозные и другіе обычаи, ввести однообразіе въ богослуженіи, регламентировать, подчинить опредѣленному центральною властію закону то, что было дѣломъ обычая или личной иниціативы и т. п.

Итакъ, мы видимъ, что конецъ XV и первая половина XVI в.в.—время знаменательное въ нашей исторіи, время усиленной Московской централизаціи какъ въ сферѣ чисто политической, такъ и въ сферѣ религізно-нравственной. Въ области политической съ успѣхомъ приходитъ къ концу дѣло объединенія сѣверно-русскихъ областей подъ главенствомъ Москвы и прочно слагается Московское государство съ единымъ самодержавнымъ Государемъ во главѣ. А шедшая рука объ руку съ этимъ централизація въ области религіозно-нравственной внѣшне-политическое объединеніе Руси скрѣпляла и утверждала объединеніемъ внутреннимъ.

Не случайно, конечно, безъ всякихъ обусловливающихъ или опредѣляющихъ причинъ, Москва возвысилась на степень столицы русскаго государства, а ея великіе князья сдѣлались едиными неограниченными государями всея Руси. Съ другой стороны, ошибочно было бы считать это исключительно созданіемъ единичныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ тутъ во имя своихъ личныхъ стремленій и цѣлей. Дѣятельность отдѣльныхъ лицъ всегда и въ сильной степени „обусловлена бываетъ состояніемъ общества, посреди котораго они дѣйствуютъ, и соединеніемъ разныхъ обстоятельствъ, при которыхъ они дѣйствуютъ“ [1]). Эта общая точка зрѣнія необходимо требуетъ признанія не одной, а нѣсколькихъ причинъ, дѣйствіемъ которыхъ достаточно объяснялось бы указанное сейчасъ историческое явленіе.

Какія же это были причины?

Къ такимъ причинамъ историки относятъ: А) особенные тактъ и ловкость, составлявшіе отличительную черту князей Московскихъ, которые съумѣли самихъ татаръ обратить въ орудіе для достиженія своихъ цѣлей. „Московскіе князья,—характеризуетъ ихъ К. Д. Кавелинъ,—наслѣдственные господа

---

[1]) Бестужевъ-Рюминъ „Русская Исторія“, т. I, Спб. 1872 г. Введеніе, стр. 6-7.

надъ своими вотчинами, прежде всего заботятся о томъ, чтобы умножить число своихъ имѣній. Лучшимъ средствомъ для этой цѣли было великокняжеское достоинство,—и они стараются удержать его за собою. Единственнымъ средствомъ для удержанія великокняжескаго достоинства была милость, благоволеніе хановъ,—и они ничего не щадятъ, чтобы имъ нравиться... Ограждаемые покровительствомъ хановъ, авторитетомъ ихъ власти, и опираясь на свою собственную силу, Московскіе великіе князья угнетаютъ князей, отнимаютъ у нихъ владѣнія, вмѣшиваются въ ихъ распри, становятся ихъ судьями и собираютъ въ ихъ владѣніяхъ ордынскій выходъ. Такъ дѣйствовали всѣ великіе Московскіе князья. Быстро подвигались они къ своей цѣли, быстро обращалась Россія въ ихъ наслѣдственную вотчину... Чѣмъ далѣе, тѣмъ они становились самостоятельнѣе. Опираясь на собственное могущество, они начали рѣшительно господствовать надъ удѣльными князьями и сбрасывать иго орды, тягостное, и для нихъ болѣе ненужное" [1]).—B) Малочисленность княжеской Московской семьи въ теченіе довольно долгаго времени и недолговѣчность ея членовъ, чѣмъ обусловливался преобладающій порядокъ наслѣдства отъ отца къ сыну. „Обстоятельства сложились такъ, что, когда княжеское семейство размножилось, власть великаго князя успѣла окрѣпнуть и усилиться: прямой переходъ наслѣдства отъ отца къ сыну уже пріобрѣлъ свойство преданія, привычки, а что особенно важно, населеніе успѣло оцѣнить выгоды такого перехода и было рѣшительно на его сторонѣ" [2]).—C) Тѣсный союзъ великихъ князей Московскихъ съ духовною властію. „Союзъ этотъ—по словамъ Бестужева-Рюмина—былъ самый естественный: если князья

---

[1]) „Взглядъ на юридическій бытъ древ. Россіи". Собр. сочин. Кавелина, т. I, Спб., 1897 г., стр. 43; см. объ этомъ также у Соловьева: „Взглядъ на истор. устр. государ. порядка въ Россіи", М. 1852 г., стр. 51; у Бестужева-Рюмина „Русс. Ист.", Спб. 1872 г., т. I, стр. 389; у Иловайскаго „Исторія Россіи", М. 1884 г., т. II, стр. 54.—Монгольскія отношенія, касавшіяся большею частію богатыхъ и сильныхъ московскихъ князей, пріучали послѣднихъ смотрѣть на себя, какъ на собственниковъ русской земли, а другихъ князей—смотрѣть на нихъ, какъ на своихъ представителей.

[2]) Иловайскій „Исторія Россіи". т. II, стр. 53.

нуждались въ авторитетѣ церкви, то духовенство, представитель высшихъ—сравнительно съ остальною Русью—идей гражданскаго порядка, искало этого порядка, который былъ нуженъ ему даже въ его экономическихъ отношеніяхъ"[1]).—D) Стремленіе русскаго боярства покидать и сосѣднія, и отдаленныя области, и поступать въ болѣе почетную, болѣе обезпеченную службу великихъ князей Московскихъ, какъ князей сильнѣйшихъ. „Уже въ XIV в.—скажемъ словами профессора Ключевскаго—Московская служба представляла выгоды, какихъ бояринъ не находилъ при другихъ дворахъ; отсюда и усиленный приливъ служилыхъ людей въ Москву, и сравнительно меньшая наклонность Московскихъ бояръ переѣзжать къ другимъ князьямъ. Уже около половины XV в. Московское боярство по происхожденію своему представляло собою всю русскую землю, состояло изъ многочисленныхъ фамилій, родоначальники которыхъ сошлись въ Москву, чуть не изъ всѣхъ угловъ Руси, даже изъ такихъ, гдѣ тогда еще слабо пахло Русью. Это сообщало здѣшнему боярству большую устойчивость, его положенію и отношеніямъ большую опредѣленность. Выгоды Московской службы росли вмѣстѣ съ политическими успѣхами Москвы; отсюда дружное содѣйствіе, какое великіе Московскіе князья находили въ своихъ и иногда даже въ чужихъ боярахъ... Выгоды службы тянули боярство къ великому Московскому князю, и подъ рукой этого князя оно стало могущественнымъ орудіемъ политическаго объединенія русской земли"[2]). Споры за мѣста или взаимное соперничество боярскихъ фамилій—по справедливому замѣчанію Иловайскаго—также въ свою очередь не мало способствовали возвышенію и усиленію власти

---

[1]) „Русская Ист.", т. I, стр. 390; см. также у Соловьева „Ист. Россіи съ древн. врем.", кн. I, стр. 1076; у Иловайскаго „Ист. Россіи" т. II, стр. 55, 357; у Забѣлина: „Взглядъ на развитіе Москов. единодержавія". Истор. Вѣстн. за 1881 г., № 1, стр. 518; у проф. Самоквасова: „Главнѣйш. моменты въ госуд. развитіи древней Руси и происхожд. Москов. Государства". Варшава 1886 г., стр. 4—5 (вторая статья).

[2]) „Боярская дума древней Руси", М. 1882 г., стр. 183—184, 188; см. также у Иловайскаго „Ист. Россіи" т. II, стр. 55, 360; у проф. Самоквасова: „Главнѣйшіе моменты въ государ. развитіи древн. Руси...", стр. 6 (вторая статья); у Соловьева: „Историческія отнош. между русскими князьями Рюрикова дома". М. 1847 г., стр. 402, 410, 467.

и значенія государя Московскаго, ибо соперничество велось о большей или меньшей близости къ великому князю. Въ то же время оно мѣшало пока внутреннему сплоченію самаго боярскаго сословія и, слѣдовательно, съ его стороны не могло явиться дружнаго отпора развивающемуся Московскому самодержавію [1]).—E) Выгодное географическое положеніе княжества Московскаго, достаточно удаленное отъ сильныхъ внѣшнихъ враговъ и удобное въ промышленно-торговомъ отношеніи. Причина второстепенная, безъ другихъ не имѣвшая бы значенія, какъ вѣрно называетъ ее Бестужевъ-Рюминъ [2]).—F) Ослабленіе орды и распаденіе ея со второй половины XIV в., чѣмъ не замедлила воспользоваться ловкая Московская политика [3]). Отмѣчаютъ еще, какъ условія же и обстоятельства, способствовавшія возвышенію Москвы и ея князей, слабость и неустройство другихъ княжествъ, равно и вѣчевыхъ общинъ сѣверо-восточной Руси, а также умъ и энергію Великорусскаго племени, которое неудержимо потянуло къ Москвѣ, какъ скоро почувствовало въ ней надежное средоточіе для собранія своихъ силъ въ борьбѣ съ варварскимъ игомъ и внутренними неурядицами [4]).

Таковы, по указаніямъ историковъ, въ общихъ чертахъ факторы, содѣйствовавшіе усиленію и возвышенію Москвы и ея великихъ князей.

Соотвѣтственно нашей спеціальной задачѣ, мы остановимъ теперь свое вниманіе на одномъ изъ перечисленныхъ факторовъ, именно на русскомъ духовенствѣ, въ тѣсномъ союзѣ съ которымъ находились великіе князья Московскіе. Духовенство

1) „Исторія Россіи“, т. II, стр. 363; сн. „Лекціи и изслѣдованія по древн. истор. русскаго права“ проф. Сергѣевича. СПБ. 1894 г., стр. 55.

2) См. „Ист. Россіи“ Иловайскаго, т. II, стр. 357; „Русская Исторія“ Бестужева-Рюмина, т. I, стр. 391—392.

3) „Ист. Россіи“ Иловайскаго, т. II, стр. 357; „Русс. Ист.“ Бестужева-Рюмина, т. I, стр. 392.

4) См. „Ист. Россіи“ Иловайскаго, т. II, стр. 357. По мнѣнію автора, это—самое главное условіе. Московскіе князья—замѣтимъ здѣсь отъ себя—являлись въ глазахъ земскаго населенія князьями наиболѣе сильными и дѣятельными, не разъ оказавшими важныя услуги отечеству въ борьбѣ съ иноплеменными врагами. Естественно отсюда, что на ихъ сторону склонялось народное сочувствіе и расположеніе, обезпечивая имъ успѣхъ въ борьбѣ съ соперниками.

русское, дѣйствительно, представляло собою одинъ изъ могучихъ и дѣйственныхъ факторовъ, способствовавшихъ успѣшному достиженію тѣхъ политическихъ цѣлей, какія преслѣдовали носители Московской великокняжеской власти.

И не трудно понять, чѣмъ обусловливались сила и дѣйственность этого фактора, если принять въ соображеніе то господствующее положеніе въ странѣ, какое занимало въ древней Руси духовенство, и тѣ обширныя духовныя и гражданскія права, которыми они пользовались. Не забудемъ, что то было время, когда общество воспитывалось почти подъ исключительнымъ вліяніемъ Церкви, когда Церковь въ лицѣ своихъ передовыхъ вождей являлась почти единственной представительницей умственныхъ и нравственныхъ интересовъ общества. Это было время господства во всѣхъ сферахъ жизни религіозныхъ идей, когда всѣ движенія и событія освящались знаменемъ религіи и только подъ условіемъ этого освященія находили для себя поддержку въ общественномъ сознаніи. Уже это одно ясно говоритъ, какимъ громаднымъ нравственнымъ вліяніемъ владѣли представители духовенства по отношенію къ русскому обществу того времени, такъ сильно чувствовавшему потребность божественнаго освященія формъ своей жизни. Ихъ наставленія служили выраженіемъ Слова Божія, и высшая небесная кара угрожала тѣмъ, кто осмѣливался нарушать ихъ [1]). Другая нравственная сила духовенства заключалась въ епитиміяхъ и отлученіяхъ, которыя были равно для всѣхъ обязательны. Слова: „не буди на тобѣ наше благословеніе ни въ сій вѣкъ, ни въ будущій“ [2]) были слишкомъ грозны и потому почти всегда достигали своей цѣли.

Параллельно развитію нравственнаго вліянія духовенства шло развитіе его матеріальнаго положенія. Мало-по-малу въ рукахъ высшей іерархіи, а особенно въ рукахъ монастырскаго духовенства сосредоточилась обширная земельная территорія, подлежавшая ихъ непосредственному управленію и суду. „Въ частной и государственной жизни нашихъ предковъ XV и XVI в.в., по замѣчанію профессора Павлова,—господствовало, въ качествѣ

[1]) См. Акты историческія, т. I, №№ 7 и 9.

[2]) См. Полн. собр. лѣтоп. т. VI, стр. 274.

высшаго опредѣляющаго начала, то убѣжденіе, что благотворительное усердіе къ церквамъ и монастырямъ, выражающееся въ обычныхъ приношеніяхъ къ нимъ тѣхъ или другихъ имуществъ, есть вѣрнѣйшій залогъ всякаго блага, общественнаго и частнаго"[1]). Подъ сильнымъ и всеобщимъ вліяніемъ этого убѣжденія частныя лица и правительство надѣляли церкви и монастыри сокровищами и имѣніями, видя въ этомъ непосредственныя приношенія Богу и Его святымъ угодникамъ. Набожность вѣка создала изъ этого твердый общественный обычай и скопила въ рукахъ духовенства громадныя богатства и обширныя земельныя владѣнія. И все это по отношенію къ духовнымъ лицамъ и монастырямъ соединялось къ тому же со множествомъ различныхъ привиллегій, сдѣлавшихся мало-по-малу почти общимъ правиломъ.

Великій нравственный авторитетъ духовенства, связанный съ самымъ званіемъ и служеніемъ его, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его матеріальное положеніе, какъ богатаго собственника, открывали по этому самому предъ представителями церкви широкія права на участіе въ ходѣ общественныхъ и политическихъ дѣлъ. Знаменитѣйшіе князья считали своею обязанностію совѣтоваться съ епископами и духовными лицами, которые являлись всегда съ совѣтами на добро. „Епископы, и попы, и игумены—завѣщалъ еще славный Мономахъ своимъ дѣтямъ—съ любовію взимайте отъ нихъ благословеніе, и не устраняйтеся отъ нихъ, и по силѣ любите и снабдите"[2]). Этотъ завѣтъ Мономаха исполнялся въ точности и во все послѣдующее время. Припомнимъ, что во всѣхъ важныхъ случаяхъ общественно-государственной жизни великіе князья приходили „на совѣтъ и думу къ своему отцу митрополиту"[3]); различныя ратныя предпріятія они обыкновенно совершали не иначе, какъ „по благословенію преосвященнаго митрополита и еже о немъ священнаго собора архіепископовъ, и епископовъ, и всего

---

[1]) „Историч. очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи". Одесса 1871 г., ч. I, стр. 158.

[2]) См. Погодина: „Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о русс. Исторіи", т. VII, М. 1856 г., стр. 377.

[3]) Полн. Собран. Лѣтоп., т. VI, стр. 224.

священническаго чина“ [1]); между собою, въ своихъ взаимныхъ счетахъ, князья „укрѣплялись въ правдѣ крестомъ честнымъ да владыками“ [2]); они иногда поставляли себѣ даже за правило, въ случаѣ взаимныхъ споровъ и несогласій, обращаться къ третейскому суду митрополита [3]). У представителей духовенства князья испрашивали совѣтовъ и содѣйствія относительно управленія, суда и вообще лучшаго устройства своей земли [4]). „Соборъ духовенства православный! Отче митрополитъ и владыки!—произносилъ торжественно Іоаннъ Васильевичъ Грозный.—Я совѣтовался съ вами о Казанскихъ измѣнахъ, о средствахъ прекратить оныя, погасить огонь въ нашихъ селахъ, унять текущую кровь Россіанъ, снять цѣпи съ христіанскихъ плѣнниковъ, возвратить ихъ отечеству, церкви... Молю васъ и нынѣ, да способствуете мнѣ утвердить законъ, правду, благіе нравы внутри государства“ [5]). Замѣтимъ, наконецъ, что у древнихъ списателей житій святыхъ и у древнихъ лѣтописцевъ лучшею похвалою для хорошаго князя выставляется то, что онъ „любилъ священники, священническому и иноческому чину честь велію подавалъ“, что „почиталъ митрополита и епископовъ, какъ самого Христа“ [6]). Духовенство было сильно правомъ печалованія [7]); его вліяніе на общественныя дѣла увеличивалось еще отъ того, что весьма многія изъ этихъ дѣлъ совершались подъ присягой, и когда обстоятельства требовали измѣненія, тогда утвержденное прежде посредствомъ присяги только духовенство могло разрѣшить, и успокоить совѣсть [8]).

---

[1]) Ibid. стр. 206, 283, 302—303; сн. Степенн. Кн., ч. II, стр. 109, 139, 256.

[2]) Полн. Собр. Лѣтоп., т. VI, стр. 176.

[3]) См. Договорн. Грам. велик. кн. Василія Темнаго съ княземъ Рязанскимъ. Собр. госуд. грам. и договор. ч. I, № 66; они положили: „а о чемъ ся сопрутъ, ино имъ третей митрополитъ, а кого митрополитъ обвинитъ, ино обидное отдати“.

[4]) „Боярская дума древ. Руси“ Ключевскаго, стр. 520—521.

[5]) „Стоглавъ“ Казан. изд. 1862 г., стр. 30, 31 и сл.; см. также „Русс. Ист.“ Бестужева-Рюмина, т. II, Спб. 1885 г., стр. 216, пр. 21.

[6]) См. напр. житіе св. Стефана Махрищскаго въ рукоп. сборн. Кіев. дух. акад. подъ знак. Аа 155, л. 191 об.; см. Полн. Собр. Лѣтоп., т. II, стр. 221; IV, стр. 183, 200 и др.; см. сказаніе о смерти князя Тверскаго Михаила Александровича въ Никон. Лѣтоп., ч. VI, стр. 285—296.

[7]) Полн. Собр. Лѣтоп., т. IV, стр. 251, 295.

[8]) См. Акты Историч., т. I, № 23.

Кажется, достаточно и этихъ немногихъ, сказанныхъ нами, словъ о положеніи и правахъ духовенства древней Руси, чтобы видѣть, насколько могучей являлась эта общественная сила въ исторической жизни нашего отечества того времени, и отсюда понять, какую твердую и сильную опору могла она представить для политическихъ стремленій великихъ князей Москвы къ водворенію единодержавной и самодержавной формы правленія въ Московскомъ государствѣ. Такою опорою для нихъ наше духовенство, дѣйствительно, и послужило, особенно въ лицѣ высшей своей іерархіи и, въ частности, митрополитовъ, жившихъ и дѣйствовавшихъ рядомъ и вмѣстѣ съ великими князьями, а также въ лицѣ игуменовъ—основателей монастырей, пользовавшихся глубокимъ уваженіемъ и вліяніемъ среди современниковъ и потомства. Сдѣлаться такой опорой представители духовенства имѣли и достаточныя побужденія, и вполнѣ надежныя средства.

Долгъ служенія христіанскаго представлялъ постоянное и сильное побужденіе для пастырей нашей церкви стоять на стражѣ благоденствія русской земли среди вражды и междусобій княжескихъ; онъ возлагалъ на нихъ ревностную заботу всѣми зависящими отъ нихъ средствами предотвращать пагубное разъединеніе Руси и всячески предупреждать неизбѣжно вытекавшее изъ этого разъединенія ослабленіе силъ государства. Какъ люди, составлявшіе, можно сказать, въ то время единственную умственную силу страны, представители духовенства лучше другихъ понимали, насколько пагубно отражались на благосостояніи русской земли ея раздробленность, почти постоянныя политическія неурядицы, а вмѣстѣ съ этимъ они, конечно, прекрасно сознавали, что только путемъ сосредоточенія верховной государственной власти въ однѣхъ рукахъ могла быть вполнѣ гарантирована безопасность страны и ея жителей. „Проникнутое понятіями о царской власти,—власти, получаемой отъ Бога и независимой ни отъ кого и ни отъ чего, наше духовенство должно было находиться постоянно во враждебномъ отношеніи къ старому порядку вещей, къ родовымъ отношеніямъ, не говоря уже о томъ, что усобицы княжескія находились въ прямой противоположности съ духомъ религіи,

а безъ единовластія онѣ не могли прекратиться. Вотъ почему, когда Московскіе князья начали стремиться къ единовластію, то стремленія ихъ совершенно совпали со стремленіями духовенства; можно сказать, что вмѣстѣ съ мечемъ свѣтскимъ, великокняжескимъ, противъ удѣльныхъ князей постоянно былъ направленъ мечъ духовный [1]).

Другое, не менѣе сильное, побужденіе для нашего духовенства и монашества стать опорою для Московскихъ великихъ князей въ ихъ стремленіяхъ къ утвержденію единодержавія связывалось съ существованіемъ многочисленныхъ церковныхъ и монастырскихъ вотчинъ и невольно вытекавшею отсюда зависимостію ихъ владѣтелей отъ свѣтской власти. „Князья—говоритъ Милютинъ—извлекали изъ существованія монастырскихъ имуществъ чисто политическую пользу, ибо посредствомъ этихъ имуществъ, сохраненію и увеличенію которыхъ они могли содѣйствовать или препятствовать, держали въ постоянной отъ себя зависимости одно изъ самыхъ могущественныхъ и вліятельныхъ сословій; съ другой стороны, они выигрывали чрезвычайно много и отъ того, что это сословіе присоединяло къ своему нравственному могуществу могущество матеріальное. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ борьбѣ своей съ удѣльными князьями и вольными городами, и вообще въ исполненіи своихъ политическихъ видовъ и намѣреній, великіе князья Московскіе получали много содѣйствія и помощи отъ духовенства, и нѣтъ сомнѣнія также, что это содѣйствіе не было бы такъ искренно и въ тоже время такъ могущественно, если бы, съ одной стороны, существованіе церковныхъ имуществъ не связывало интересовъ духовенства съ интересами Московскихъ князей, а съ другой, не увеличивало бы вліянія его на народъ и не возвышало его значенія въ дѣлахъ общественныхъ. Въ особенности должно обратить при этомъ вниманіе на содѣйствіе, оказанное духовенствомъ великимъ князьямъ Московскимъ въ борьбѣ ихъ съ удѣльными князьями и въ стремленіи къ водворенію единодержавія; нѣтъ никакого сомнѣнія, что одной изъ главныхъ причинъ преданности духовенства видамъ и

---

[1]) Соловьевъ: „Исторія Россіи съ древнѣйш. врем.“, кн. I, стр. 1076.

политикѣ князей Московскихъ было убѣжденіе въ тѣхъ матеріальныхъ выгодахъ, которыя оно должно было пріобрѣсти отъ сосредоточенія всѣхъ владѣній въ рукахъ одного князя. Дѣйствительно, при существованіи удѣловъ, съ одной стороны, духовенству было гораздо труднѣе охранить безопасность своихъ владѣній и правъ, ибо сохраненіе этой безопасности зависѣло не отъ одного, но отъ многихъ, а съ другой—удѣльные князья чаще нарушали права духовенства, чѣмъ великіе, что и было причиною желанія многихъ монастырей освободиться отъ зависимости мѣстнымъ владѣльцамъ и перейти въ непосредственное вѣдѣніе великихъ князей Московскихъ. Нигдѣ права духовенства не нарушались такъ часто, какъ въ Новгородѣ, и нигдѣ не появилась такъ рано, какъ въ этомъ городѣ, мысль о секуляризаціи, именно потому, что тамъ покровительство Московскихъ князей и митрополита имѣло наименѣе значенія, и мѣстное духовенство находилось въ совершенной зависимости отъ мѣстнаго свѣтскаго правительства. Разсѣянность монастырскихъ вотчинъ по разнымъ княженіямъ еще болѣе заставляла духовенство желать уничтоженія удѣловъ, ибо сопровождалась не только неудобствами въ управленіи, но и большою трудностію въ сохраненіи пріобрѣтенныхъ правъ и въ огражденіи ихъ отъ нарушеній. Особенно, въ случаѣ войны между удѣльными князьями, духовенство одного удѣла легко могло лишиться своихъ вотчинъ, находившихся въ другомъ удѣлѣ, потому что въ то время всѣ средства вредить врагу считались дозволенными. По всѣмъ этимъ причинамъ духовное сословіе должно было ревностно желать сосредоточенія всѣхъ удѣловъ въ рукахъ одного князя, ожидая отъ того многихъ выгодъ и не предвидя тѣхъ неудобствъ, которыя впослѣдствіи для него возникли именно изъ этого сосредоточенія" [1]). Хорошо понимая проистекавшую отъ этихъ ревностныхъ желаній духовенства выгоду для утверждавшагося политическаго порядка, князья—государи московскіе и съ своей стороны не менѣе ревностно желали усилить расположеніе къ себѣ его (духо-

[1]) „О недвижимыхъ имуществахъ духов. въ Россіи". Чтен. въ Общ. истор. и древн. Россійск. при Моск. универс. 1861 г., кн. I, стр. 397—398.

венства) представителей. Это послѣднее желаніе, по крайней мѣрѣ, отчасти, лежало въ основѣ и тѣхъ близкихъ отношеній, въ которыя старались поставить себя и, дѣйствительно, стояли къ монастырямъ московскіе государи. Эти отношенія хорошо извѣстны. Достаточно вспомнить, что монастырямъ они —по выраженію одного изъ списателей житій—„подавали довольную милостыню, нивы и удолія и езера на препитаніе мнихомъ“ [1]); изъ монастырей избирали они придворныхъ духовниковъ и крестныхъ отцовъ для своихъ дѣтей [2]); туда обращались они за молитвою по случаю домашнихъ несчастій и радостей [3]); посѣщеніе монастырей было ихъ постояннымъ и любимымъ удовольствіемъ [4]).

Но каковы-бы ни были побужденія, которыми руководились представители нашего духовенства, оказывая содѣйствіе осуществленію политическихъ плановъ великихъ московскихъ князей, во всякомъ случаѣ то неоспоримо, что въ представителяхъ церкви великокняжеская власть Москвы находила прочную и вѣрную опору для успѣшнаго достиженія своихъ цѣлей. Въ чемъ-же проявлялись дѣйствія этой опоры, или говоря иначе: въ какихъ-же мѣрахъ выражало духовенство свое участіе въ развитіи единодержавія и самодержавія въ московскомъ государствѣ?

Какъ увидимъ ниже, съ самаго того времени, когда со стороны князей московскихъ было ясно обнаружено стремленіе къ единодержавію, которое должно было принести столько благотворныхъ послѣдствій для возвышенія Россіи,—представители нашего духовенства рѣшительно становятся на сторо-

---

1) См. Житіе Стефана Махрищскаго. Рукоп. сборн. Кіев. дух. акад. Аа 155, л. 200, 201 об. и л. 202.

2) См. Житіе Дмитрія Вологодскаго. Рукоп. сборн. той-же акад. подъ знак.: О. 4. 79, л. 332; Полн. собр. Лѣтоп. т. VI, стр. 223, 265, 266; Степенн. кн. ч. II, стр. 207, 227; см. такъ называемое „письмо о нелюбкахъ“ въ прибавл. къ твор. св. о.о. 1851 г., ч. X, стр. 505.

3) См. Житіе Александра Свирскаго. Рукоп. сборн. Кіев. дух. акад. подъ знак.: Аа 106, л. 266; Полн. собр. Лѣтоп., т. VI, стр. 261, 268—269, 283; Степенн. кн., ч. II, стр. 136, 191, 205.

4) См. Житіе Корнилія Комельскаго. Рукоп. сборн. той-же акад. подъ зн.: Аа 155, л. 79 об.—85; Полн. собр. Лѣт. т. VI, стр. 49, 265, 267; Степен. кн. ч. II, стр. 167, 225, 227, 268.

нѣ московскихъ князей—собирателей Руси, и всѣми зависящими отъ нихъ средствами стараются поддерживать этихъ князей при всякихъ посягательствахъ на ихъ единодержавное преобладаніе, при всякихъ столкновеніяхъ ихъ съ различными препятствіями, стоявшими на пути къ полному развитію и окончательному утвержденію новаго строя политической жизни. И смысломъ своей проповѣди, и самымъ дѣломъ стараются они въ такихъ случаяхъ выразить свое содѣйствіе московскимъ властителямъ въ дѣлѣ осуществленія ихъ политическихъ плановъ.

Но это лишь одна сторона, или одна форма проявленій содѣйствующаго участія представителей церкви въ данномъ направленіи. Въ концѣ XV и первой половинѣ XVI в.в., такъ сказать, рука объ руку съ нею особенно ярко выступаетъ и другая сторона или форма этихъ проявленій, не менѣе, если не болѣе, существенная, чѣмъ первая. Разумѣемъ въ данномъ случаѣ ту исходившую за указанное время изъ среды духовенства и монашества литературную проповѣдь, которая направлялась къ теоретическому и практическому примѣненію къ личности единаго представителя русскаго государства—великаго князя московскаго византійскихъ принциповъ царской власти, къ перенесенію на эту личность возвышенныхъ чертъ того величественнаго царственнаго образа, какой сложился на почвѣ Византіи и олицетворялся въ лицѣ ея православныхъ царей—самодержцевъ. Идея о богоустановленности царской власти, усиливаемая часто идеей объ ея особомъ, священномъ значеніи (тема, заимствованная изъ ветхозавѣтно-библейскаго ученія и изъ писаній отцовъ церкви) и почти всегда тѣсно связанная съ основаннымъ на божественномъ писаніи ученіемъ о почитаніи властей, идея или ученіе о вытекающихъ изъ самой высоты и священнаго величія царскаго сана правахъ и обязанностяхъ носителей этого послѣдняго во всѣхъ сферахъ жизни, не исключая и жизни церковно-религіозной,—все это становится виднымъ и въ подробностяхъ раскрываемымъ—предметомъ духовно-литературной проповѣди даннаго времени. Правда, всѣ эти идеи не были совершенно новыми на русской почвѣ: ихъ пропаганда началась здѣсь, можно сказать, вслѣдъ

за принятіемъ изъ Византіи Христіанства и велась то съ большею, то съ меньшею настойчивостію. Упоминанія о нихъ по частямъ мы находимъ еще въ извѣстномъ лѣтописномъ разсказѣ объ искорененіи разбоя при князѣ Владимірѣ [1]), въ извѣстномъ знаменитомъ словѣ митрополита Илларіона о законѣ и благодати [2]), въ поученіяхъ Новгородскаго епископа Луки Жидяты [3]), въ различныхъ поученіяхъ XIII—XIV в.в. неизвѣстныхъ авторовъ [4]), въ поученіяхъ митрополитовъ—Кирилла, Алексія, Фотія и др. [5]). Но современная этимъ проповѣдни-

---

1) Епископы по этому поводу внушали Владиміру Равноапостольному, что онъ обязанъ судить и казнить преступниковъ, такъ-какъ получилъ свою власть „отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на помилованіе". См. Полн. собр. лѣтоп., т. V стр. 123; Степенн. кн., ч. I, стр. 165, 312.

2) Обращаясь къ кагану Владиміру, авторъ слова говоритъ: добръ же зѣло и вѣренъ послухъ сынъ твой Георгій, егожъ сотвори Господь намѣстника по тебѣ; твоему владычеству". См. Прибавл. къ твор. св. о.о. за 1844 г., кн. II, стр. 246, сн. „Ист. русс. церкви" Преосв. Макарія, т. I, СПБ. 1857 г., стр. 99.

3) Въ „поученіи къ братіи" онъ наставляетъ: „Бога бойтеся, князя чтите: мы рабы во первыхъ Бога, а потомъ государя"... См. „Ист. русс. церкви". Преосв. Макарія, СПБ. 1857 г., т. I, стр. 89, пр. 221.

4) См. напр. „поученіе избранно отъ св. писаній како подобаетъ кртіаномъ жити". Рук. сборн. XVI—XVII в.в. Кіев. Дух. Акад. подъ зн. о 4, 79. Въ этомъ поученіи (на л. 96 и обор. сборника) сказано: „наипачеж. князю своему прияйте всѣмъ сердцемъ и не помыслите нань зла: „глаголетъ бо апостолъ властители отъ Бога суть учинени, аще кто противится властелемъ, то Господню повелѣнію противится".

5) Вотъ что напр. писалъ митр. Фотій въ одномъ поученіи велик. князю Василію Дмитріевичу: „Христосъ Богъ поставилъ тебя на престолѣ отеческомъ великимъ княземъ и представителемъ всей Руси великой. Церковь Божія, тебя породившая крещеніемъ и воспитавшая, приготовила тебя къ тому, чтобы ты могъ дѣйствовать къ ея утвержденію и устроенію... и паству Христову охранялъ и соблюдалъ отъ всякихъ озлобленій"...; а въ другомъ поученіи ему же говорилъ: „Ты царствуешь съ Богомъ надъ Его избранною паствою; потому долженъ подвизаться за Его паству и за Его правду противъ всякаго возстанія, даже до крови". См. твор. св. о.о. за 1852 г., кн. 2-я, стр. 224, 225. См. Полн. собр. лѣт. т. X, стр. 149 (Поученіе митр. Кирилла Новгородцамъ); см. Прибавл. къ Твор. св. о.о. за 1847 г., стр. 33—34 („Поученіе отъ апостол. правилъ къ христолюб. христіанамъ" митр. Алексія). Въ посланіи митр. Никифора къ Владиміру Мономаху о латинахъ особенно ярко указывается основывающаяся на высокомъ значеніи государств. власти, какъ института богоустановленнаго, обязанность ея носителей быть блюстителями чистоты правовѣрія: „князьямъ, отъ Бога избраннымъ и призваннымъ къ православной вѣрѣ Его, должно хорошо знать ученіе Христово и твердое основаніе церковное, да послужатъ сами подпорами для святой церкви, въ назиданіе и наставленіе порученнымъ имъ отъ Бога людямъ". См. „Ист. русс. церкви" преосв. Макарія, СПБ. 1857 г., т. II, стр. 149. Идея

камъ государственно-политическая жизнь не поставляла твердо на видъ, такъ сказать, единаго объекта, къ которому бы указанныя идеи могли всецѣло примѣняться, такъ что затруднительнымъ являлось самое примиреніе этихъ идей съ господствовавшими началами (удѣльно-родовыми) дѣйствительной жизни, съ постоянно колебавшимися государственно-политическими отношеніями. Не то было въ отмѣченное выше время, когда вполнѣ подходящій объектъ для этихъ идей явился въ лицѣ единаго сильнаго властителя всея Руси—государя Московскаго. Примѣненіе къ его единой личности всѣхъ этихъ чисто византійскихъ началъ власти могло теперь совершаться легко и удобно, а вмѣстѣ съ этимъ оно являлось, какъ нельзя болѣе кстати, и для личныхъ интересовъ государя Московскаго, и при томъ именно въ данное время. Русскія области только что окончательно собирались теперь въ одно цѣлое подъ единою властію князя Московскаго; единодержавная великокняжеская власть только что начинала утверждаться на прочномъ незыблемомъ основаніи фактически совершившагося подчиненія ей остатковъ удѣльно—вѣчевого порядка. Въ то же время различные сторонники исчезавшей старины не забывали дорогихъ для нихъ преданій и при случаѣ не замедляли дѣлать попытки къ ихъ оживленію. Поэтому для окончательно утверждавшейся теперь единодержавной и самодержавной власти государей Московскихъ, естественно, являлось на пользу начавшееся съ особенной силой какъ разъ въ это время и продолжавшееся въ теченіе всей данной эпохи теоретическое и практическое примѣненіе къ личности этихъ государей правъ и обязанностей византійскихъ царей. Внѣшне установившееся въ русскомъ государствѣ въ лицѣ великихъ Московскихъ князей единодержавіе находило для себя въ этомъ великую, такъ сказать, внутреннюю поддержку. Это примѣненіе проводило въ сознаніе русскаго общества и укореняло въ немъ мысль о Московскомъ государѣ, не только какъ о еди-

---

объ обоготвореніи государственной власти ясно высказывается напр. въ поученіи, или какъ оно озаглавлено: наказаніи княземъ иже даютъ волость и судъ не Богобоинымъ и лукавымъ мужемъ". „См. Памятн. старинн. русс. литературы", изд. Кушелевымъ—Безбородко, ч. IV, стр. 184.

номъ властителѣ всей русской земли съ внѣшне-политической стороны, но и какъ о единомъ неограниченномъ носителѣ такой власти, права и обязанности которой, вытекая изъ самыхъ основъ, на которыхъ эта власть зиждется, простираются и обнимаютъ собою всѣ области жизни ввѣреннаго ея попеченію государства, включая сюда и область религіозно-церковныхъ отношеній. Путемъ такого примѣненія развивался и укрѣплялся въ русскомъ общественномъ сознаніи образъ истиннаго православнаго царя—самодержца въ томъ смыслѣ и значеніи, въ какомъ образъ этотъ сложился на почвѣ родной намъ Византіи.

II.

Участіе духовенства и монашества въ развитіи и усиленіи власти Московскихъ князей на счетъ власти прочихъ князей удѣльныхъ и въ ущербъ политической сомостоятельности общинно-вѣчевыхъ народоправствъ.

Прежде чѣмъ приступить къ частнѣйшему раскрытію участія русскаго духовенства въ развитіи московскаго единодержавія и самодержавія въ теченіе взятаго нами времени, считаемъ нужнымъ бросить взглядъ на времена предшествующія, и посмотрѣть, что сдѣлано было русскимъ духовенствомъ на томъ же самомъ поприщѣ въ эти именно предшествующія времена, въ продолженіе которыхъ въ исторіи политической жизни Руси получилъ особое значеніе родъ князей Московскихъ, успѣвшій потомственно удержать въ своихъ рукахъ великокняжское достоинство и съ его помощію до того расширившій и увеличившій свои отчинныя владѣнія, что, наконецъ, они обняли всю Россію.

Въ то время, когда Іоаннъ Даниловичъ Калита, который первый приложилъ къ себѣ названіе „князя Великаго всея Руси“ [1]), только что полагалъ прочное начало собиранію разрозненной русской земли въ одно государственное цѣлое, и

[1]) См. его жалованную грамоту объ освобожденіи Печерскихъ сокольниковъ отъ даней и повинностей въ Акт. Археогр. Экспед., т. I, № 2, стр. 1—2; см. также Соловьева „Истор. отношен. между кн. Рюрикова дома“. М. 1847 г., стр. 347—349.

задумывалъ свою отчину Москву сдѣлать столицей всей Россіи, всероссійскій митрополитъ Петръ перемѣщаетъ митрополичью каѳедру изъ Владиміра Клязьменскаго въ Москву. Не случайно, конечно, какъ повѣствуетъ простодушный лѣтописецъ [1]), приходитъ онъ сюда и утверждаетъ здѣсь свое мѣстопребываніе, а скорѣе всего слѣдуетъ думать, что его привлекъ самъ великій князь Московскій, хорошо понимавшій всѣ благотворныя послѣдствія перенесенія въ его городъ всероссійской митрополіи [2]). И дѣйствительно, для Москвы и ея великихъ князей это событіе имѣло чрезвычайную важность. Постоянное пребываніе въ Москвѣ первопрестольника Русской церкви, въ которомъ сосредоточивались всѣ нити русскаго православія и который своею духовною властію такъ или иначе объединялъ всѣ политически разрозненныя части русской земли, необходимо сообщало ей (Москвѣ) въ глазахъ народа видъ града первопрестольнаго, значеніе всероссійской столицы, „ибо единство Руси поддерживалось въ это время единымъ митрополитомъ" [3]). Церковь русская, не смотря на политическое раздробленіе русскихъ областей, была всегда единая и недѣлимая; она одна и представляла сначала наше народное единство, и въ теченіе столѣтій своимъ единеніемъ подготовляла единеніе государственное. Существованіе на Руси одного митрополита, при недостаткѣ общей центральной власти, сообщало ему важное положеніе въ странѣ. Князья Московскіе, конечно, прекрасно сознавали значеніе для ихъ интересовъ совершившагося

---

1) См. Степенн. кн., ч. I, стр. 404.

2) На церковномъ соборѣ, бывшемъ въ Переславлѣ—Залѣсскомъ по дѣлу о доносѣ на митр. Петра къ Визант. патріарху со стороны Тверского еп. Андрея, Иванъ Даниловичъ Калита, занимавшій тогда Переяславскій удѣлъ, „по всѣмъ признакамъ держалъ сторону митрополита, тогда какъ во главѣ противниковъ послѣдняго стоялъ Тверской епископъ и, вѣроятно, не безъ поддержки своего князя. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь завязались тѣсныя дружескія отношенія митр. Петра съ Иваномъ Калитою, которыя впослѣдствіи не мало способствовали возвышенію Москвы". Иловайскій „Исторія Россіи" т. II, М. 1884 г. стр. 11—12, 27. См. также изслѣд. Вишнякова: „О причинахъ возвыш. Московск. княжества". СПБ. 1851 г., стр. 74.

3) См. Соловьевъ „Истор. отнош. м. русскими князьями Рюр. дома". М. 1847 г., стр. 335 и слѣд.

факта: въ лицѣ митрополита они пріобрѣтали ближайшаго и постояннаго помощника въ своей политической дѣятельности, который силою своей духовной власти могъ имѣть большое вліяніе на отношенія Московскаго князя къ прочимъ русскимъ князьямъ. Такъ смотрѣлъ и самъ святитель Петръ на перенесеніе въ Москву каѳедры русской митрополіи, когда, изрекая предъ Калитою свое знаменитое пророчество о будущемъ великомъ значеніи Москвы, будущее возвышеніе князей Московскихъ во главѣ государственной власти въ Россіи и будущее величіе Москвы въ ряду всѣхъ прочихъ городовъ русскихъ поставлялъ въ связь съ этимъ именно событіемъ. „Аще мене сыне послушаеши и храмъ Пресвятыя Богородицы воздвигнеши въ своемъ градѣ,—пророчески говорилъ святитель Іоанну Даниловичу—самъ прославишися паче инѣхъ князей и сынове и внуцы твои въ родъ и родъ, и градъ сей славенъ будетъ во всѣхъ градехъ русскихъ и святители поживутъ въ немъ и взыдутъ руки его на плещи враговъ его и прославится Богъ въ немъ“ [1]). Эти пророчественныя слова перваго Московскаго святителя вскорѣ же начали исполняться: любимый имъ князь Іоаннъ былъ утвержденъ ордынскимъ властителемъ въ великокняжескомъ достоинствѣ; Москва при немъ же стала возвышаться надъ старшими стольными городами; митрополитъ Ѳеогностъ и его преемники не искали другого города для своего престола, кромѣ Москвы. И нельзя здѣсь не отмѣтить того обстоятельства, что другіе князья русскіе тогда же прекрасно поняли всю важность для Москвы и ея князей совершеннаго св. Петромъ церковно-государственнаго шага: многіе изъ нихъ съ сильнымъ неудовольствіемъ смотрѣли на удаленіе его изъ Владиміра въ Москву [2]). Хорошо понимали также значеніе даннаго событія тѣ свободолюбивыя русскія области, которыя рѣшительно не хотѣли быть политически покорными Москвѣ, и въ этихъ именно видахъ всячески старались рас-

---

[1]) См. краткое житіе св. Петра. Рукоп. Сборн. Кіев. Дух. Акад. Аа 155, л. 179 об.; сн. Степ. кн. ч. I, стр. 404.

[2]) „Инымъ же княземъ многимъ—замѣчаетъ лѣтописецъ—не много сладостно бѣ, еже градъ Москва митрополита имяше въ себѣ живуща“. См. Никон. Лѣтоп. ч. III, стр. 139—140.

торгнуть свою церковную отъ Москвы зависимость. Господинъ Великій Новгородъ не разъ покушался на это именно потому, что ему казалась тяжелою и опасною зависимость отъ митрополита, живущаго въ Москвѣ и дѣйствующаго согласно съ Московскимъ княземъ—казалась опасною эта зависимость, такъ какъ, дѣйствительно, она представляла могучее средство привлеченія Новгорода къ Москвѣ, пролагала къ нему путь для власти Московскихъ князей; въ виду этого сыны вольнаго города готовы были подчиниться даже иноземному и иновѣрному государю, какъ и сдѣлали это при Іоаннѣ III, отдавшись подъ покровительство короля польскаго [1]). Ясно сознавали тѣсную связь митрополичьяго престола съ престоломъ великокняжескимъ и съ объединительными стремленіями Москвы и великіе князья Литовскіе. Отсюда именно вытекалъ столь частый разладъ между этими князьями, какъ политическими соперниками Московскихъ, и Московской митрополіей; отсюда же вытекалъ и цѣлый рядъ ихъ попытокъ получить отдѣльнаго митрополита для западной Россіи.

Возвысивъ, такимъ образомъ, сосредоточеніемъ въ Москвѣ высшей духовной власти нравственный и политическій обликъ этого города, будущей столицы русскаго государства, своимъ пророчествомъ, такъ сказать, освятивъ начало верховнаго господства надъ русскою землею его князей, святитель Московскій Петръ первый въ ряду Московскихъ іерарховъ—угодниковъ, столь много содѣйствовавшихъ прославленію Москвы у русскаго народа—этимъ самымъ какъ бы завѣщалъ своимъ преемникамъ ревностно послѣ него содѣйствовать имъ же предсказанному и предначатому возвышенію князей Московскихъ надъ всѣми прочими князьями, содѣйствовать успѣшному осуществленію ихъ стремленій къ единовластительству. И мы, дѣйствительно, видимъ, что, согласно этому завѣту св. Петра, его преемники—митрополиты, а за ними и другіе представители духовенства, усердно помогаютъ дѣлу сосредоточенія высшей государственной власти въ рукахъ великихъ Московскихъ князей, при всякомъ случаѣ твердо и мужественно под-

[1]) См. Акты Археогр. Экспед. т. I, № 87, стр. 62—64; Акты Историч. т. I, №№ 280, 281.

держиваютъ начавшееся господственное положеніе ихъ, стараются и смысломъ своей проповѣди, и самымъ дѣломъ упрочить за ними старшинство и, такъ сказать, усвоить имъ право первородства. И это ихъ участіе, участіе самое живое и дѣятельное, въ возвышеніи Московскаго князя, въ утвержденіи на Руси въ его лицѣ спасительнаго единодержавія, проявлялось со стороны представителей церкви всюду, гдѣ только интересы великокняжеской Московской власти встрѣчали себѣ противодѣйствіе отъ враждебныхъ этимъ интересамъ началъ. При всѣхъ возникавшихъ опасностяхъ для великокняжескаго Московскаго престола отъ притязаній разныхъ соперниковъ, заявлявшихъ попытки возстановить на Руси прежнюю систему политической жизни съ ея безпорядками и бѣдствіями, представители духовенства спѣшили принять сторону князей Московскихъ—носителей новаго политическаго порядка, спѣшили поддерживать и еще болѣе упрочить ихъ превосходство въ ряду другихъ русскихъ князей, прилагали всѣ старанія къ тому, чтобы отнять у противниковъ возможность разрушить прочно заложенное въ Московской Руси зданіе единодержавія. И эти старанія представителей церкви, какъ надежныхъ и вѣрныхъ сотрудниковъ Московскихъ властителей въ осуществленіи ихъ политическихъ плановъ, почти всегда увѣнчивались успѣхомъ. Исходившее въ этихъ случаяхъ отъ нихъ, авторитетныхъ служителей религіи, слово убѣжденія, или же слово строгаго обличенія, усиленное въ случаѣ необходимости строгими мѣрами суда церковнаго, приносило большею частію ожидаемые плоды.

Кроткому и любвеобильному святителю Петру пришлось быть свидѣтелемъ тяжелой кровавой борьбы Москвы съ Тверью за великокняжеское достоинство. Съ болѣзнію сердца взиралъ, конечно, архипастырь, какъ споры за великое княженіе между князьями Тверскимъ и Московскимъ терзали Россію [1]). За отсутствіемъ данныхъ, мы не можемъ сказать, какія мѣры предпринималъ этотъ святитель къ облегченію бѣдствій въ Россіи въ то время и къ поддержанію правъ князя Московскаго на великое кня-

---

[1]) По случаю этихъ именно споровъ кн. Тверск. Михаилъ, сынъ его Димитрій, а также Георгій Даниловичъ Московскій поплатились жизнію своею въ ордѣ.

женіе. Но за то не дальше, какъ при ближайшемъ же преемникѣ св. Петра митрополитѣ Ѳеогностѣ, и при томъ въ исторіи той же борьбы Москвы съ Тверью, имѣлъ мѣсто случай, который нагляднымъ образомъ показалъ, какія великія преимущества проистекали для князя Московскаго отъ его тѣснаго союза съ утвердившимъ свое мѣстопребываніе въ Москвѣ митрополитомъ, и какъ ловко могъ употреблять этотъ князь могучее духовное орудіе противъ своихъ соперниковъ. Вотъ этотъ случай. Князь Тверской Александръ Михайловичъ и кн. Московскій Іоаннъ Даниловичъ соперничали въ притязаніяхъ на великокняжеское достоинство. Ордынскій властитель далъ сначала ярлыкъ на великое княженіе князю Тверскому, но вскорѣ его измѣнчивое расположеніе перешло на сторону князя Московскаго. Послѣ несчастнаго избіенія въ Твери татарскаго посольства съ знатнымъ Чолханомъ во главѣ (въ 1327 г.), ханъ рѣшительно призналъ первенство Іоанна Даниловича и даже поручилъ ему выслать Александра Тверского въ орду на судъ по поводу сейчасъ указаннаго кроваваго происшествія. Іоаннъ, конечно, радъ былъ случаю погубить своего соперника и спѣшилъ исполнить порученіе. Угрожаемый многочисленнымъ татарскимъ войскомъ, соединившимся съ Московскимъ княземъ, и, очевидно, не хотѣвшій добровольно отправиться въ орду на вѣрную смерть, князь Тверской нашелъ себѣ защиту у Псковитянъ, которые обѣщались не выдать его, надѣясь на крѣпкія стѣны своего города. Тщетно князь Московскій требовалъ у Пскова выдачи Александра, и что-же наконецъ, придумалъ? „И догадашася—разсказываетъ лѣтописецъ—князь Иванъ, оже не выняти князя Александра, ни выгнати ратію, и намолви митрополита Ѳеогноста; и посла митрополитъ въ Псковъ проклятіе и отлученіе на князя Александра и на весь Псковъ“. Строгая мѣра оказалась действенною: „и выѣха князь Александръ изъ Пскова..., не мога трьпѣти проклятія и отлученія“, хотя и не вдругъ рѣшился ѣхать къ хану [1]).

Если Іоаннъ Даниловичъ Калита—этотъ, по выраженію

[1]) См. Псковская первая лѣтопись. Пол. Соб. Лѣт., т. IV, стр. 185; сн. т. V, стр. 218.

одного изъ нашихъ историковъ, съ одной стороны жестокій и пронырливый князь, раболѣпствовавшій въ ордѣ, что-бы снискать милость хана и прибѣгавшій ко всякимъ кознямъ, что-бы погубить своего соперника, съ другой—умный и заботливый хозяинъ своей земли, водворившій въ ней спокойствіе и безопасность отъ татарскихъ разореній [1]), если Калита настолько уже твердо сталъ на престолѣ великокняжескомъ, что прилагалъ къ себѣ названіе „князь Великій всея Руси“ [2]) и за свою политику и самостоятельность въ дѣлахъ названъ „собирателемъ русской земли“, то сынъ его Симеонъ, прямой продолжатель политики отца, направленной къ возвышенію Московской великокняжеской власти, и недаромъ получившій прозваніе „Гордаго“, съумѣлъ еще болѣе усилить значеніе Московскаго князя въ ряду прочихъ князей русскихъ. За то преемникъ Симеона—слабый Іоаннъ II чуждъ былъ именно тѣхъ политическихъ талантовъ, какіе присущи были его отцу и брату и какіе особенно нужны были въ то время носителямъ великокняжеской Московской власти въ ихъ стремленіяхъ къ единодержавію и независимости чрезъ подчиненіе себѣ князей удѣльныхъ. Но тогда сталъ на стражѣ отечества св. митр. Московскій Алексѣй, о которомъ, „слава—по выраженію списателя его житія—происхожаше не токмо во своихъ странахъ или во окрестныхъ градѣхъ и селѣхъ, но и въ далныхъ и безбожныхъ татарехъ“ [3]), который не разъ съ мужественной любовію являлся предстателемъ предъ грозной ордою за Русь, поверженную въ печаль и уныніе, готовый и душу свою положить за паству, и который съ тѣмъ вмѣстѣ ревностно старался поддерживать власть и достоинство князей Московскихъ въ ихъ борьбѣ съ другими княжескими линіями, считавшими себя въ правѣ претендовать на соперничество съ Москвою. „Дѣятельность этого святителя—скажемъ словами Иловайскаго—имѣла важное политическое значеніе для того порядка вещей, который тогда складывался

---

[1]) Иловайскій „Ист. Россіи“ т. II. М. 1884 г., стр. 23—24.

[2]) Ак. Арх. Экспед. т. I, № 2, стр. 1—2.

[3]) См. Пахоміево житіе св. Алексія. Рук. Сб. Кіев. Дух. Акад. подъ знак. О. 4. 79, л. 209 об.; Степ. кн., ч. I, стр. 454.

въ сѣверо-восточной Россіи. Какъ умный, усердный русскій патріотъ, онъ гораздо болѣе своего предшественника грека способствовалъ укрѣпленію и усиленію возникавшаго Московскаго могущества всѣми церковными средствами, которыя находились въ его власти. Симеонъ Гордый не даромъ хлопоталъ объ его избраніи и въ завѣщаніи своемъ приказывалъ братьямъ слушать ихъ отца—владыку Алексѣя [1])... Его руководство Московскою политикою при великомъ князѣ Иванѣ Красномъ и въ малолѣтство Димитрія Ивановича, его усердная патріотическая дѣятельность въ пользу объединенія сѣверо-восточной Руси подъ верховенствомъ Москвы сообщаютъ ему въ русской исторіи значеніе подобное тому, какое имѣетъ во французской знаменитый кардиналъ Ришельё [2])...

Когда (въ началѣ 1363 г.) юный сынъ слабаго Іоанна Іоанновича, Дмитрій—будущій герой Куликовской побѣды, руководимый своими совѣтниками, пользуясь смятеніями въ ордѣ, возсѣлъ на великокняжескомъ престолѣ, чего незадолго предъ тѣмъ добился было князь Суздальскій Дмитрій Константиновичъ, св. Алексій, съ совѣтомъ бояръ, направлялъ и подкрѣплялъ всѣ распоряженія юнаго великаго князя, направленныя къ подчиненію ему князей удѣльныхъ [3]). Не входя въ слишкомъ детальное изображеніе услугъ, какія оказалъ сейчасъ названный святитель великокняжеской Московской власти въ продолженіе своего святительства, мы позволимъ себѣ привести здѣсь одно замѣчательное посланіе вел. князя Литовскаго Ольгерда къ патріарху Константинопольскому Филоѳею, содержащее въ себѣ жалобы на митрополита Алексія и съ достаточною ясностію показывающее, какъ велико и важно было содѣйствіе этого митрополита утвержденію единовластія въ Московской Руси при великомъ Московскомъ князѣ Дмитріи. Князь Литовскій, очевидно, хорошо сознавалъ вліяніе, оказы-

---

[1]) „Слушали бы есте отца нашего Владыки Олексѣя“. См. Собр. Госуд. Грам. и Догов. Т. I, № 24, стр. 38.

[2]) „Ист. Россіи“ т. II, М. 1884 г., стр. 49, 98.

[3]) Въ 1364 г. юный Дмитрій опредѣлилъ договоромъ свои отношенія къ своему двоюр. брату Владиміру Андреевичу Серпуховскому, при чемъ они „цѣловали крестъ у отца своего, у Олексѣя у митрополита всея Руси“ (См. Собр. Госуд. Гр. и Дог. т. I, № 27, стр. 44—45).

ваемое святителемъ Алексіемъ на усиленіе Московскаго княжества. Ему было досадно на митрополита Московскаго за его любовь къ Дмитрію Іоанновичу и ревностныя заботы объ укрѣпленіи его власти въ ущербъ другимъ русскимъ князьямъ (особенно тѣмъ, которые были подручны великому князю Литовскому), и вотъ онъ пишетъ патріарху: „прислалъ ты ко мнѣ грамоту..., что митрополитъ жалуется тебѣ на меня, говоритъ такъ: царь Ольгердъ напалъ на насъ. Не я началъ нападать, они сперва начали нападать... Нападали на меня девять разъ, и шурина моего князя Михаила (Тверскаго) клятвенно зазвали къ себѣ, и митрополитъ снялъ съ него страхъ, чтобы ему прійти и уйти по своей волѣ, но его схватили [1]). И зятя моего Нижегородскаго князя Бориса (неудачно оспаривавшаго Нижегородское княжество у своего брата Дмитрія Суздальскаго) схватили и княжество у него отняли; и княжествомъ зятя моего Ивана князя Новосильскаго также завладѣли и т. д. И мы, не стерпя всего того, напали на нихъ самихъ, а если не исправятся ко мнѣ, то и теперь не буду терпѣть ихъ. По твоему благословенію, митрополитъ и донынѣ благословляетъ ихъ на пролитіе крови. И при отцахъ нашихъ не бывало такихъ митрополитовъ, каковъ сей митрополитъ!—благословляетъ Москвитянъ на пролитіе крови, и ни къ намъ не приходитъ, ни въ Кіевъ не наѣзжаетъ. И кто поцѣлуетъ крестъ ко мнѣ

---

[1]) Разумѣется случай изъ исторіи борьбы Дмитрія Іоанновича съ Михаиломъ Тверскимъ. Послѣдній, какъ человѣкъ предпріимчивый и смѣлый, и къ тому же родственникъ сильнаго Литовскаго кн. Ольгерда, казался особенно опаснымъ для Москвы. И вотъ однажды совѣтники Московскаго Дмитрія убѣдили юнаго вел. князя и митр. Алексія пригласить Михаила въ Москву, подъ предлогомъ скрѣпленія дружбы. Князь Тверской явился, но здѣсь между нимъ и вел. княземъ завели споръ; Михаилъ отдался на судъ митрополита... и не смотря на свою правоту, былъ однако схваченъ и посаженъ въ заключеніе. Случайно освободившись отъ этого заключенія (благодаря пріѣзду Ордынскихъ пословъ), князь Тверской—по разсказу лѣтописца—особенно жаловался на митр.: „колику любовь і вѣру имѣхъ паче всѣхъ к. митрополиту сему, и онъ толико мя посрами и поруга" (Ник. Лѣт. ч. IV, стр. 19)... Это несчастное происшествіе было началомъ продолж. вражды м. в. князьями Московскимъ и Тверскимъ. Борьба кончилась побѣдой перваго надъ послѣднимъ, и въ взаимномъ мирномъ договорѣ, заключенномъ „по благословенью Алексѣя митрополита всея Руси", кн. Московскій далъ почувствовать князю Тверскому свои права побѣдителя. См. Собр. Госуд. Гр. и Дог. Т. I, № 28, стр. 46—49; Пол. Собр. Лѣт. Т. IV, стр. 71.

и убѣжитъ къ нимъ, митрополитъ снимаетъ съ него крестное цѣлованіе. Бываетъ ли такое дѣло на свѣтѣ, чтобы снимать крестное цѣлованіе?“ Указавъ, затѣмъ, въ качествѣ примѣровъ нѣсколько лицъ, которыя перешли отъ князя Литовскаго къ князю Московскому и которыхъ митрополитъ освободилъ отъ клятвы повиноваться первому, Ольгердъ пишетъ въ заключеніе: „митрополиту слѣдовало благословить Московитянъ, чтобы помогали намъ, потому что мы за нихъ воюемъ съ нѣмцами. Мы зовемъ митрополита къ себѣ, но онъ не идетъ къ намъ: дай намъ другаго митрополита на Кіевъ, Смоленскъ, Тверь, Малую Русь, Новосиль, Нижній Новгородъ“ [1]). Какъ видимъ, во времена Дмитрія Іоанновича, благодаря содѣйствію митрополита Алексія, удѣльные владѣтели теряли свое прежнее значеніе, и области ихъ постепенно входили во владѣнія великаго князя. Умирая, святитель Алексій имѣлъ утѣшеніе видѣть князя Московскаго настолько сильнымъ, что онъ держалъ въ повиновеніи себѣ многихъ князей удѣльныхъ и въ состояніи былъ начать борьбу съ грозною нѣкогда ордою.

И на поприщѣ содѣйствія такому усиленію великокняжеской Московской власти, за время княженія героя Куликовской битвы, заявилъ себя горячимъ участіемъ изъ представителей тогдашняго духовенства не одинъ маститый святитель Алексій. На ряду съ величественнымъ образомъ сего святителя предъ нами за это время воскресаетъ также образъ его современника и друга—знаменитаго игумена Радонежскаго Сергія, получившаго въ глазахъ великорусскаго народа значеніе покровителя, заступника и охранителя русскаго государства и церкви. Мы видимъ этого святого игумена то въ положеніи грознаго посла отъ митрополита и великаго князя въ Нижній Новгородъ, запрещающаго здѣсь богослуженіе и затворяющаго храмы, чтобы заставить смириться князя Бориса Городецкаго, вздумавшаго оспаривать Нижегородскую область у своего брата Дмитрія Суздальскаго, и отказавшагося, вопреки волѣ великаго князя, явиться въ Москву на судъ [2]); то въ положеніи тихаго

---

1) См. „Русс. Истор. Библіот.“, т. VI, приложенія, столб. 136—140.

2) „Тогда пріиде—повѣствуетъ лѣтописецъ—отъ великаго князя Дмитрія Ивановича игуменъ Сергій, зовучи князя Бориса Константиновича на Москву;

примирителя Дмитрія Іоанновича съ суровымъ Олегомъ Рязанскимъ, кроткими и благоувѣтливыми рѣчами успѣвшаго склонить послѣдняго къ вѣчному миру съ Москвою [1]), то, наконецъ, въ качествѣ твердаго увѣщателя къ битвѣ съ полками Мамаевыми [2]).

Сынъ и преемникъ Дмитрія Донскаго, Василій Дмитріевичъ, котораго, согласно завѣщанію отца, дядя (Владиміръ Андреевичъ, двоюродный братъ Дмитрія) и братья должны были „чтить и слушать, какъ брата старишего“ [3]), стоялъ вообще въ добрыхъ отношеніяхъ къ князьямъ удѣльнымъ, и господственное положеніе среди нихъ в. князя Московскаго при немъ возрасло еще болѣе. За то вскорѣ по его кончинѣ открылись въ потомствѣ Калиты княжескіе споры, грозившіе совершенно ниспровергнуть утверждавшійся въ великомъ Московскомъ княженіи новый порядокъ престолонаслѣдія отъ отца къ сыну.

Послѣ Василія Димитріевича остались десятилѣтній сынъ его Василій и четыре брата—Юрій, Петръ, Андрей и Константинъ. Трое послѣднихъ, какъ можно заключать по духовному завѣщанію великаго князя, еще при его жизни подчинились новому порядку Московскаго престолонаслѣдія и согласились признать своего племянника великимъ княземъ. Но князь Галичскій и Звенигородскій, Юрій Дмитріевичъ, не по-

---

онъ же не поѣха; игуменъ же Сергій затвори церкви“. См. Софійск. первую лѣтопись въ Пол. Собр. Русс. Лѣт.; т. V, стр. 230; сн. Ник. Лѣт. ч. IV, стр. 10; подробно см. объ этомъ у Иловайскаго „Исторія Россіи“ Т. II. М. 1884 года, стр. 90—91.

[1]) См. Ник. Лѣт. ч. IV, стр. 151; Карамз. „Истор. Госуд. Россійск.“ Т. V, изд. 2-е СПБ. 1819 г. стр. 92 и прим. 105.

[2]) См. Полн. Собр. Лѣт. Т. IV. стр. 78; Степ. кн. ч. I, стр. 494. Въ Куликовской битвѣ, по словамъ Соловьева, „обнаружился исполинскій шагъ впередъ, какой сдѣлало русское общество на пути государственномъ: тогда то открылось все превосходство новаго порядка вещей, вся заслуга Москвы. По слову Москов. князя, сонмъ служебныхъ князей явился, каждый князь съ своими полками...; никто изъ князей не смѣлъ которовать въ присутствіи великаго, и монголы были разбиты“. См. его соч. „Историч. отнош. между русскими князьями Рюрикова дома“. М. 1847 г., стр. 388.

[3]) См. духов. грам. Дмитрія Іоанновича въ Собр. Госуд. Грам. и догов. Т. I, № 34, стр. 58—62. „А писалъ есмь сю грамоту—сказано между прочимъ здѣсь—передъ своими отци, передъ игуменомъ—передъ Сергіемъ, передъ игуменомъ, передъ Севастьяномъ“.

слѣдовалъ примѣру своихъ братьевъ: задумавъ, очевидно, воспользоваться малолѣтствомъ племянника для собственныхъ притязаній на великое княженіе, онъ не хотѣлъ скрѣпить своимъ согласіемъ великокняжескаго завѣщанія; по крайней мѣрѣ, двѣ духовныя грамоты Василія Дмитріевича не имѣютъ его имени [1]).

И вотъ, лишь только скончался Василій Дмитріевичъ, митрополитъ Фотій, спѣша принять мѣры къ утвержденію его юнаго сына Василія на великомъ княженіи, въ ту же ночь отправилъ своего боярина въ Звенигородъ звать Юрія въ Москву для опредѣленія его отношеній къ новому великому князю Московскому. На приглашеніе посланника Юрій отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ и удалился въ Галичъ, чтобы тамъ собрать полки и потомъ открыть свои враждебныя дѣйствія. Тогда, по общему совѣщанію, отправился въ Галичъ самъ митрополитъ Фотій, чтобы лично сдѣлать увѣщаніе непокорному князю—прекратить свои притязанія на престолъ великокняжескій и заключить миръ съ юнымъ Василіемъ. Разгнѣванный упорствомъ Юрія, митрополитъ оставилъ князя и городъ, не преподавъ имъ своего святительскаго благословенія. Немедленно послѣ ухода святителя—если вѣрить сообщенію лѣтописца—страшное бѣдствіе постигло Галичъ: губительная болѣзнь, уже свирѣпствовавшая въ разныхъ городахъ русскихъ, и въ самой Москвѣ, теперь открыла свои дѣйствія и здѣсь („і в тои часъ моръ велий бысть на люді его во всемъ граде его“). Вразумленный бѣдствіемъ, Юрій тотчасъ же отправился вслѣдъ за удалившимся святителемъ, упросилъ его воротиться въ городъ, согласился имѣть миръ съ великимъ княземъ и, дѣйствительно, сейчасъ же по уходѣ митрополита послалъ въ Москву двухъ бояръ для заключенія мирнаго договора. Въ договорныхъ грамотахъ онъ называлъ молодого племянника старѣйшимъ братомъ своимъ, и обязывался не искать собственною силою великаго княженія, по крайней мѣрѣ, до рѣшенія дѣла ханомъ ордынскимъ [2]).

[1]) См. эти грамоты въ Соб. Госуд. Грам. и Договоровъ т. I, №№ 41, 42, грамоты писаны, „по благословенью Фотія митр. Кіевскаго и всия Руси“—одна въ 1423 г., другая—въ 1424 г.

[2]) См. Никон. Лѣт. ч. V, стр. 82—85; Собр. Госуд. Грам. и договор. т. I, №№ 43 и 44. Договорныя грамоты писаны въ 1428 г.

Но стараніями Фотія только на время предотвращены были смуты междоусобія. Соперничество Юрія, который не замедлилъ вскорѣ расторгнуть мирный союзъ съ великимъ княземъ Московскимъ и успѣлъ на короткое время занять Московскій престолъ, было только началомъ распри въ потомствѣ Калиты. Борьба въ собственномъ смыслѣ, борьба сильная и опасная, возобновившая на Руси удѣльныя усобицы съ ихъ гнусными жестокостями, открылась съ того времени, когда по смерти Юрія (въ 1434 г.) предъявилъ притязанія на великое княженіе сынъ Юріевъ, Дмитрій Шемяка. И для насъ важно отмѣтить, что въ обстоятельствахъ этой упорной борьбы представители нашего духовенства и монашества заявили себя такою широкою дѣятельностію въ пользу законныхъ носителей великокняжеской Московской власти, которая навсегда останется краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ ревностнаго служенія русскаго духовенства интересамъ великаго князя Московскаго. Во все время борьбы Василія Васильевича съ Шемякой духовенство въ лицѣ святителя Московскаго Іоны—достойнаго послѣдователя своихъ знаменитыхъ предшественниковъ XIV в. т. е. свв. Петра и Алексія,—а также въ лицѣ и другихъ своихъ представителей, безупречно стояло на сторонѣ законнаго великаго князя, и отъ его именно содѣйствія, если не исключительно, то, по крайней мѣрѣ, въ весьма сильной степени зависѣлъ благопріятный исходъ Шемякинской стуты. Отмѣтимъ наиболѣе крупныя проявленія этого содѣйствія.

Когда ослѣпленный (по кознямъ Шемяки) великій князь Василій Васильевичъ, благодаря настойчивымъ стараніямъ святителя Іоны—тогда еще Рязанскаго епископа—освобожденъ былъ Шемякой изъ Угличскаго заключенія [1]) и, получивъ въ удѣлъ Вологду, прибылъ отсюда въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь, то по разсказу лѣтописи—игуменъ этого монастыря „Трифонъ со всею братьею благослови великого князя Василья

[1]) По убѣжденію Іоны, „князь Дмитрій Шемяка, събравъ епископы всей земли и честные игумены, и прозвитеры, и пріѣхавъ на Углече, и укрѣпивъ великого князя крестнымъ цѣлованіемъ и проклятыми грамотами, и выпусти его изъ поиманіа и съ дѣтми... и дастъ ему Вологду въ удѣлъ“... Новгор. четвертая лѣтопись.. Пол. Собр. Лѣт. т. IV, стр. 146; сн. т. V, стр. 269.

Васильевича и съ его дѣтми на великое княженіе, а ркучи тако: тотъ грѣхъ на мнѣ и на моей братьи главахъ, что еси цѣловалъ и крѣпость давалъ князю Дмитрію, а поиди, Государь, съ Богомъ и съ своею правдою на свою вотчину, на великое княженіе, а мы за тебя Бога молимъ и благословляемъ" [1]). Въ томъ же духѣ въ пользу Василія высказывается игуменъ Ѳерапонтова монастыря—Мартиніанъ [2]). Подъ вліяніемъ этихъ побужденій, Василій Темный рѣшился дѣйствовать противъ Шемяки, и, дѣйствительно, вскорѣ (въ февралѣ 1447 г.) занялъ престолъ великокняжескій.

Послѣ этого оставалось оградить безопасность Василія отъ новыхъ притязаній соперника,—и представители духовенства не замедлили и на этотъ разъ проявить самую ревностную дѣятельность. Когда, не смотря на свой договоръ съ занявшимъ Москву великимъ княземъ, скрѣпленный крестнымъ цѣлованіемъ, Шемяка началъ снова домогаться Московскаго престола, соборъ духовенства съ святителемъ Іоною во главѣ отправляетъ къ вѣроломному Шемякѣ грозное обличительное посланіе. Посланіе замѣчательное, и мы считаемъ нужнымъ изложить здѣсь его содержаніе.

Въ начальныхъ строкахъ посланія ярко высказывается мысль о царственномъ единодержавіи, установленномъ на Руси Богомъ и „земскою изъ начальства пошлиною". Грѣхъ отца Шемяки, Юрія, беззаконно помыслившаго о великомъ княженіи, пастыри сравниваютъ съ грѣхомъ человѣческаго праотца Адама, который, по внушеніи сатаны, возъимѣлъ въ своемъ сердцѣ желаніе равнобожества.

Напомнивъ Шемякѣ, какъ напрасны были всѣ усилія его отца и брата овладѣть великимъ княженіемъ, пастыри церкви переходятъ затѣмъ къ личности самого Шемяки и представляютъ цѣлый рядъ его собственныхъ злодѣйскихъ поступковъ по отношенію къ великому князю. Указавъ на неоднократные

---

1) Пол. Собр. Лѣт. т. IV, стр. 146.

2) См. „Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи" Иконникова. Кіевъ 1869 г., стр. 336. Утвердившись на престолѣ, Василій немедленно вызвалъ Мартиніана въ Москву и поставилъ его игуменомъ Троицкой Лавры, надѣясь имѣть въ немъ твердую опору.

отказы со стороны Шемяки оказать помощь великому князю Василію при нашествіи на Москву враговъ („безбожнаго царя Махмета", а потомъ „безбожнаго царевича Мамотяка"), хотя „колькое пословъ своихъ посылалъ" за нимъ князь Московскій, „такоже и грамотъ" пригласительныхъ, посланіе вслѣдъ за этимъ въ такихъ сильныхъ словахъ обличаетъ первыя коварныя притязанія князя Дмитрія на престолъ великокняжескій: „И тобе діяволъ на него (великаго князя) вооружилъ желаніемъ самоначальства, разбойнически, нощетатствомъ изгонити его, на крестномъ цѣлованьи; и сотворилъ еси надъ нимъ не менши прежнего братоубійцы Каина и окаяннаго Святополка" [1]). Правда, Шемяка успѣшно осуществилъ свои замыслы, но успѣхъ этотъ былъ самый мимолетный и привелъ лишь къ тому, что „ища и желая большего", князь „изгубилъ и свое меншее". Между тѣмъ, „Божіею благодатію и неизреченными его судбами,.. князь Великій опять на своемъ государствѣ: понеже—объясняетъ посланіе—кому дано что отъ Бога и того не можетъ у него отняти никто; ему же бо когда Богъ помогати въ схощетъ, и человѣкъ того озлобити не можетъ" [2]). Но коварные помыслы не оставляютъ князя Дмитрія, и вотъ онъ снова приходитъ, „хотя паки изгонити своего брата старѣйшего Великаго князя Василія Васильевича", но оставленный божественною помощію, попадаетъ самъ въ его руки, якоже древній онъ гордый Фараонъ въ глубину моря". Великій князь не захотѣлъ, однако, его погибели: „не поминая" его „къ собѣ лиха", „пожаловалъ" его, по его „челобитью, вотчину" его далъ ему „и въ докончаніе прiялъ"; съ своей стороны Шемяка „къ нему цѣловалъ честный и животворящій крестъ, что по тѣмъ докончяльнымъ грамотамъ правити къ нему (в. князю) во всемъ, какъ что въ нихъ написано" [3]). Многомятежная душа Шемяки не успокоивается и послѣ этого: онъ вѣроломно нарушилъ свое крестное цѣлованіе. Коллективное посланіе сильно обличаетъ князя за это послѣднее нарушеніе клятвы. „Мы убо—писали ему пастыри—о прежъ-

---

[1]) Акты Истор., т. I, № 40, стр. 76—77.

[2]) Ibid, стр. 77.

[3]) Ibid.

створенныхъ тобою твоихъ дѣлѣхъ немного глаголемъ, еже ни во христіянѣхъ когда прежъ сего не есть сицево слышано, но о нынѣшнемъ толико твоемъ преступленіи, и къ брату твоему старѣйшему, къ Великому князю о твоемъ неисправленіи, по крестному цѣлованію и по тѣмъ грамотамъ вашимъ, тобѣ сее нынѣшьнее новое твое воспоминаемъ"—и затѣмъ подробно доказываютъ, что онъ не исполнилъ ни одного изъ условій послѣдняго клятвеннаго договора съ великимъ княземъ [1]). „Или, господине—спрашиваютъ они—по нужи смѣемъ рещи, ослѣпила тя будетъ душевная слѣпота, возлюбленіемъ временныя и преходящія и помалѣ ни во что же бывающія чести и славы княженья и начялства, еже слышатися зовому и именовану быти княземъ Великимъ, а не отъ Бога дарованно" [2])? Въ заключеніе пастыри умоляютъ Шемяку и требуютъ отъ него предъ своимъ „братомъ передъ старѣйшимъ, передъ Великимъ княземъ, исправитися во всемъ чисто"..., „цѣлованье честнаго и животворящаго креста исполнити" [3])..., „не въ складывати на себе высокомысльства, ни гордости начяльства, еже что (ему) небогодаровано"..., „смириться съкрушеннымъ сердцемъ" [4]) — вообще требуютъ отъ него точнаго исполненія всѣхъ условій договора съ великимъ княземъ, обѣщая ему при этомъ свои молитвы предъ Богомъ и ходатайство предъ Василіемъ Васильевичемъ. Въ противномъ случаѣ его ожидаетъ грозное проклятіе. „Аще—пишетъ духовный соборъ—въ своемъ жестокосердіи тако и хощеши пребыти и въ своей высоцѣй мысли и не въ покаянномъ сердци, и тако не въсхочешь смирити свою душу съкрушенного мыслію... и таки станешъ къ брата своего старѣйшаго Великаго Князя лиху и къ его крови, а ко христіяньскому неустроенію и погибели, и брату своему старѣйшему

---

[1]) Ibid., стр. 78—81. Отмѣтимъ, что на обвиненіе Шемяки въ содержаніи в. княземъ татаръ („что татарове изневолили нашу отчину Москву") духовенство отвѣчаетъ: „а что татарове во христіянствѣ живутъ, а то ся чинитъ все твоего же дѣля съ твоимъ братомъ старѣйшимъ съ Великимъ княземъ неуправленья, и тѣ слезы христіанскіе вси на тобѣ же". Ibid., стр. 79.

[2]) Ibid., стр. 79.

[3]) Ibid., стр. 81.

[4]) Ibid., стр. 82.

Великому Князю челомъ не имешъ бити..., ино то не мы тобѣ учинимъ, на самъ на себе наложишъ тягость церковную духовную..., чюжъ будешь отъ Бога и отъ церкви Божіей, и отъ православныа христіянскія вѣры, и части не имаши съ вѣрными, и не будетъ на тобѣ милости Божіей и Пречистыя Богоматери и силы того честнаго животворящаго креста, который если къ своему брату старѣйшему... цѣловалъ, и по святымъ правиломъ проклятъ да будешь отъ святыхъ Апостолъ и отъ святыхъ богоносныхъ Отецъ, отъ всѣхъ седми Вселенскихъ Сборовъ, и въ конечную погибель да пойдеши, съ прежними онѣми богомерзскими еретики, временно же и будуще. Такожъ и нашего смиреніа святительского и священнического не будетъ на тобѣ благословеніа и молитвы, ни въ си вѣкъ, ни въ будущій, ни на тѣхъ на всѣхъ, кто иметъ тобѣ думати, и на ту кровь къ тобѣ приставати и побърати или спѣшьствовати, или словомъ, или дѣломъ, или иною какою хитростью, на Великого Князя лихо... и всего православнаго христіянства на неустроеніе и на не тишину“ [1]).

Грозное посланіе собора пастырей, направленное къ защитѣ правой власти и праваго дѣла, произвело на Шемяку должное дѣйствіе: онъ прибѣгнулъ къ великодушію великаго князя [2]), хотя, по обычаю, и на этотъ разъ не долго хранилъ миръ.

По поводу новыхъ козней Шемяки митрополитъ Іона разсылаетъ (въ концѣ 1448 г.) окружную грамоту [3]) ко всѣмъ „княземъ, и паномъ, и бояромъ, и намѣстникомъ, и воеводамъ, и всему купно христоименитому Господню людству“. Здѣсь, упомянувъ коротко о коварствахъ Шемяки, „коликое (отъ него) лиха и запустѣніа земли нашей починилося“..., святитель писалъ: „...И сего ради, пишу вамъ, чтобы есте пощадѣли себе вси православныи христіане, не токмо тѣлеснѣ, но паче душевнѣ... и посылали бы есте и били челомъ своему Господарю Великому Князю о жалованьи, какъ ему Богъ положитъ на

1) Ibid., стр. 82—83.

2) См. Договор. запись кн. Дмитрія Юрьевича (Шемяки) и его единомышленниковъ о посылкѣ съ прошеніемъ къ вел. князю Василію Васильевичу, дабы принялъ ихъ къ себѣ въ любовь и дружбу. Собр. Госуд. Гр. и договоровъ, т. I, № 67, стр. 149—150.

3) См. эту грамоту въ Акт. Истор., т. I, № 43, стр. 86—87.

сердце. А не имете бити челомъ своему Господарю Великому Князю, къ конечной своей погибели, а затѣмъ кровь христіянскаа прольется, и та вся кровь христіянская на васъ отъ Бога взыщется..., да того ради и милости Божіей и своего христіанства чюжи будете, и нашего смиренія благословенія и молитвы, также и всего великаго священства Божія благословенія не будетъ на васъ... Коли вашимъ ожесточеньемъ еще кровь христіанскаа прольется, тогда ни христіанинъ кто будетъ именуяся въ вашей земли, ни священникъ священьствуя, но вси Божьи церкви въ вашей земли затворятся отъ нашего смиренія".—Митрополитъ и цѣлый соборъ святителей сопутствовали вел. князю Московскому въ походѣ противъ Шемяки, чтобы,лично присутствуя въ великокняжескомъ станѣ, удобнѣе дѣйствовать своими обличеніями на клятвопреступника [1]).

Разбитый на голову войсками Василія, преслѣдуемый обличеніями и проклятіями духовенства, виновникъ смуты бѣжалъ въ нерасположенный къ Москвѣ Великій Новгородъ, искать защиты у вольныхъ Новгородцевъ, не разъ принимавшихъ у себя разныхъ князей—изгнанниковъ. Безпокойный врагъ великаго князя Московскаго не ошибся въ разсчетѣ: нашедши себѣ притонъ у сыновъ вольнаго города, онъ началъ собирать новыя силы и выступилъ снова противъ Василія. Впрочемъ, и здѣсь, въ предѣлахъ самого свободолюбиваго Новгорода, непокорный Шемяка встрѣтилъ обличеніе незаконности своихъ стремленій. Обличеніе это пришлось ему выслушать въ Клопскомъ Монастырѣ (въ 20-ти верстахъ отъ Новгорода, на берегу рѣки Веряжи), гдѣ около этого времени успѣло замѣтно свиться гнѣздо приверженности къ ненавистной для Новгородцевъ Москвѣ, и откуда не разъ раздавался голосъ сочувствія Московскимъ политическимъ идеямъ. По крайней мѣрѣ, ближайшее по времени преданіе, выразившееся въ одной изъ первоначальныхъ редакцій житія преподобнаго Михаила Клопскаго, въ яркихъ краскахъ выставляетъ намъ этого преподобнаго проводникомъ Московскихъ идей въ Новгородѣ, выставляетъ такимъ лицомъ, вокругъ котораго и благодаря которому могла основываться и плодиться въ Новгородѣ партія

[1]) Пол. Собр. Лѣт. т. VI, стр. 178; Степ. кн. ч. II, стр. 23. 81.

въ пользу Москвы [1]). Съ горькой ироніей отнесся къ Шемякѣ преподобный носитель Московской идеи объ объединеніи русской земли.

Не оставилъ въ покоѣ бѣжавшаго въ Новгородъ виновника смуты и святитель Московскій Іона. Много посланій, какъ самъ онъ свидѣтельствуетъ въ одномъ изъ нихъ, и много пословъ съ рѣчами и грамотами было отправлено имъ къ архіеп. Новгородскому Евѳимію съ требованіемъ отъ послѣдняго позаботиться о прекращеніи козней князя Дмитрія и удержать отчину великаго князя Василія отъ измѣны [2]). Самъ же онъ не прекращалъ своей дѣятельности на пользу интересовъ законной великокняжеской Московской власти и послѣ смерти Шемяки, стараясь обезопасить великого князя и отъ козней Шемякинскихъ приверженцевъ. Въ этихъ видахъ онъ отправляетъ посланіе къ епископу Смоленскому Мисаилу, отъ котораго требуетъ заботъ о томъ, чтобы отъ бѣжавшаго въ Литву единомышленника Шемяки, князя Ивана Можайскаго, „и отъ его людей въ вотчинѣ Великаго князя, пакостни какіе не было, и его братьи молодшей вотчинамъ и всѣмъ украйнымъ мѣстомъ“ [3])... Къ воеводамъ и жителямъ Вятки, составлявшей отчину Шемяки и послѣ его смерти не перестававшей возмущаться противъ великаго Московскаго князя, митр. Іона по-

---

[1]) См. Изслѣдованіе Некрасова: „Зарожденіе національной литературы въ Сѣверной Руси“. Прилож. № 1: Первичная редакція жизнеопис. Михаила Клопскаго по списку XVI в. библіот. Волоколам. монастыря стр. 8; сн. краткое житіе Михаила въ рук. сборн. XVI—XVII вв. Кіев. Дух. Акад. подъ знакомъ о. 4. 79, л. 183 об. и л. 184.

[2]) „И коликое посылокъ нашихъ о томъ бывало отъ нашего смиренія къ тобѣ,.. чтобы еси, по своему святительскому долгу, о томъ попеченіе имѣлъ, чтобы если отчинѣ сына моего Великаго Князя Василія Васильевича, своимъ дѣтемъ, Великому Новугороду, говорилъ и духовно бы еси ихъ наказывалъ, чтобы себе въ томъ поберегли душевнаго ради своего спасенія и въ будущій въ приходящій страшный день судный грознаго отвѣта, нынѣшнаго ради временнаго устроенія и тишины; и колкое о томъ къ тобѣ... пословъ есми посылалъ съ нашими рѣчми и грамотами“... Посланіе Іоны Новг. архіеп. Евѳимію въ Акт. истор. т. I, № 53, стр. 101—103; см. также его посланіе къ тому же Евѳимію о князѣ Дмитріи Шемякѣ въ Акт. Археогр. Экспед. т. I, № 372, стр. 464—465.

[3]) См. Акты Истор. т. I, № 56, стр. 103—104. Этимъ письмомъ Іона давалъ понять, что нужно всячески отклонять Литовскія власти отъ оказанія какой либо помощи князю Можайскому противъ Москвы.

сылаетъ строгое посланіе, въ которомъ обличаетъ Вятскихъ гражданъ за то, между прочимъ, что они „своему Господарю Великому князю грубятъ и пристаютъ къ его недругамъ... и съ отлученнымъ отъ Божья церкве съ княземъ Дмитріемъ съ Шемякею приходили многожды на Великаго князя вотчину, на Устюгъ, на Вологду, на Галичь“ и проч.; убѣждаетъ ихъ „отъ своего злаго дѣла престати..., а Господарю своему Великому князю челомъ добити“; въ противномъ же случаѣ угрожаетъ имъ временнымъ и вѣчнымъ отлученіемъ отъ Божія церкви, отъ православнаго христіанства“ [1]). Въ то же время ревностный архипастырь отправляетъ посланіе и къ духовенству всей области Вятской съ упреками и обличеніями за нерадѣніе о прекращеніи безпорядковъ въ ихъ паствѣ [2]). Словомъ, митрополитъ Іона былъ усерднымъ сторонникомъ Василія Васильевича въ его борьбѣ съ соперниками и воспользовался всею силою своей духовной власти, чтобы поддержать объединительныя и самовластныя стремленія великаго князя Московскаго, котораго онъ называетъ не братомъ, а „Господаремъ“ удѣльныхъ князей [3]).

Итакъ, великая опасность, скрывавшаяся въ коварныхъ замыслахъ Дмитрія Юрьевича Шемяки и грозившая разрушить утверждавшійся въ Московской Руси новый политическій порядокъ, имѣла благопріятный для законныхъ владѣтелей Московскаго престола исходъ, благодаря главнымъ образомъ именно содѣйствію представителей тогдашняго духовенства. Послѣдній бурный взрывъ мятежнаго удѣльнаго духа, такимъ образомъ, не достигъ того, къ чему былъ направленъ; ему не удалось погубить выступившихъ въ лицѣ великихъ Московскихъ князей новыхъ началъ политической жизни, не удалось „потушить—какъ выражается одинъ историкъ—свѣчи Московскаго единства“ [4]); напротивъ, онъ послужилъ еще къ большему распространенію могущественнаго свѣта этой Москов-

---

[1]) Посланіе см. въ Акт. Истор. Т. I, № 261, стр. 490—491.

[2]) Акты Истор. Т. № 261, стр. 491—492.

[3]) См. отмѣченное уже нами посланіе Іоны къ еписк. Смолен. Мисаилу. Акты Истор. Т. I, № 56.

[4]) Забѣлинъ „Взглядъ на развитіе Москов. единодержавія“. Истор. Вѣстн. 1881 г., № 1, стр. 519.

ской свѣчи. „Шемякинская смута,—скажемъ словами другого историка—наглядно показала, какіе глубокіе корни пустилъ прямой порядокъ престолонаслѣдія отъ отца къ сыну, вмѣсто прежнихъ родовыхъ счетовъ о старшинствѣ... Вмѣстѣ съ побѣдою этого порядка усиливались и единодержавіе и самодержавіе великаго князя Московскаго, такъ—что и самыя междоусобія княжескія на будущее время сдѣлались мало возможны“ [1]). Авторитетное слово духовенства со святителемъ Іоной во главѣ, его заботы о земскомъ благоустройствѣ и тишинѣ успокоили вспыхнувшую вражду, а вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо возвысили и власть Московскаго князя до степени „великаго Государя Руськаго“, „великого Государя Земьскаго“, „великаго Осподаря“ по отношенію къ удѣльнымъ князьямъ, „всеа Русскіа земли самодержца“ и даже „царя русскаго“, какъ называютъ представители духовенства Василія Васильевича въ своихъ посланіяхъ и грамотахъ этого времени [2]). Позднѣйшій лѣтописецъ, по поводу подвиговъ вел. князя Василія Темнаго въ устраненіи своихъ соперниковъ, дѣлаетъ такое общее замѣчаніе: „и тогда въ державныхъ, иже въ рустѣй земли, упразнися всяка крамола и враждованіе, и оттолѣ юншіи князи къ старѣйшимъ быша послушливы, а вящшіи Богомъ укрѣпляеми, славою и честію вѣнчающеся державствующе, и рогъ царствія ихъ возвышашеся“ [3]). Послѣднимъ остаткамъ прежняго удѣльно-вѣчевого порядка политической жизни не долго пришлось послѣ княженія Василія

---

[1]) Иловайскій, „Исторія Россіи“ Т. II, М. 1884 г., стр. 245.

[2]) См. Посланія митр. Іоны: посланіе къ Псковичамъ. Акты Ист., т. I, № 60, стр. 107; посланія въ Новгородъ—ibid., № 44, стр. 87—92; послан. къ еп. Смол. Мисаилу—ibid., № 56, стр. 103—104, окружн. посл. Литовскимъ епископамъ—ibid, № 63, стр. 112—114 и др.; см. также соборн. грамоту русск. епископовъ о подсудности ихъ митрополиту Іонѣ—ibid., № 61, стр. 108—110; повинную грамоту арх. Рост. Θеодосія 1455 г.—Русс. Ист. Библ., т. VI, ст. 599; см. житіе Кирилла Бѣлозер., написан. Пахоміемъ въ началѣ 2 пол. XV в., въ Рук. Сборн. Кіев. Д. Акад. подъ знак. Аа. 106, л. 102 об. Въ одномъ изъ древнѣйшихъ списковъ статьи подъ заглавіемъ: „свитокъ изъ Іерусалимской земли“, находящемся въ полууставномъ сборникѣ XV в. библіот. Кирилло—Бѣлозерскаго монаст., нынѣ С.-Пет. Дух. Акад. №№ 11—1088, въ послѣсловіи статьи Василій Васильевичъ названъ „великимъ самодержцемъ“. См. „Сочин. Н. С. Тихонравова“, т. I, М. 1898 г., примѣч., стр. 17—18.

[3]) Степенн. книга ч. II, стр. 24.

Васильевича пользоваться, такъ сказать, правами, независимаго существованія, и не далѣе, какъ при сынѣ и преемникѣ Темнаго, Іоаннѣ III Васильевичѣ, самые крупные изъ этихъ остатковъ должны были сдѣлаться достояніемъ единаго Московскаго государства съ его единымъ полновластнымъ Государемъ во главѣ.

Новгородскій архіепископъ Іона—какъ разсказываетъ списатель житія его—въ бесѣдѣ съ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ Темнымъ, предъ которымъ онъ ходатайствовалъ о свободѣ своего вѣчевого города, пророчески говорилъ этому князю: „тебѣ самому дніе приближаются скончанію; сынови же твоему Іоанну хоругви русскія содержати; о семъ молитвы со всѣми своими ко всесильному Богу возносити потщуся, наипаче же свободу сынови твоему отъ ординскихъ царей пріяти отъ Бога испрошу за свободу града моего еже отъ тебе; еще же молитвою Господеви возвысити десницу сына твоего надъ всѣми, и покорити ему вся сопостаты его, и болши прародителей прославитися властію; и укрѣпитися княженію въ руки его, и простертися силы его на многія страны великія, еже пріяти ему". Предвидѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ святитель и печальную судьбу, ожидающую сыновъ вольнаго города, предвидѣлъ, что „усобицы смятутъ ихъ и раздѣленіе низложитъ ихъ, и лесть неправды расточитъ, и лукавьство зависти развѣетъ ихъ" [1]).

Пророчественныя слова Новгородскаго владыки, а равно и его предчувствіе относительно судьбы вольнаго Новгорода нашли для себя полное оправданіе въ самой дѣйствительности, какую представило время княженія сына и наслѣдника Василія Темнаго, Іоанна III-го, явившагося настоящимъ собирателемъ русскихъ областей въ одно великое государственное цѣлое, и настоящимъ, ни отъ кого независимымъ, государемъ всея Руси, которая при немъ съ полнымъ правомъ могла сознать свою силу и могущество.

Время княженія Іоанна Васильевича III-го справедливо называютъ эпохой, составляющей переломъ въ русской исторіи.

---

[1]) Житіе Іоны. Рук. Сборн. Кіев. Дух. Академіи Аа 118, л. 53 об. и л. 54 „Памятн. Стар. Русс. Литер.", изд. Кушел.-Безбор., ч., IV, стр. 32.

„Эта эпоха—замѣчаетъ Костомаровъ—завершаетъ собою все, что выработали условія предшествующихъ столѣтій, и открываетъ путь тому, что должно было выработаться въ послѣдующія столѣтія. Съ этой эпохи начинается бытіе самостоятельнаго монархическаго русскаго государства" [1]) Предшествующее время, можно сказать, подготовило для этого твердую почву, посѣяло на этой почвѣ здоровое сѣмя новаго строя государственно-политической жизни, путемъ ревностныхъ заботъ и усилій дало возможность этому сѣмени превратиться въ значительное, глубоко пустившее свои корни, дерево—и теперь нужно было довести это дерево до полнаго росту, помочь его пышному расцвѣту, для чего требовалось вырвать послѣдніе остатки виднѣвшихся тамъ и сямъ около него старыхъ, лишенныхъ жизненныхъ соковъ, растеній. Сдѣлать это послѣднее и выпало на долю названнаго сына и преемника Василія Темнаго. Его „политика, говоритъ объ Іоаннѣ III Иловайскій, строго слѣдовала по пути, намѣченному предъидущею исторіею; онъ неуклонно двигалъ далѣе или приводилъ къ концу важнѣйшія начинанія своихъ предшественниковъ... Иванъ III представляется намъ основателемъ того истинно-государственнаго строя, которому отнынѣ подчинилась вся русская земля и которому она обязана своимъ послѣдующимъ величіемъ" [2]). „Онъ первый—характеризуетъ того же государя историкъ Соловьевъ—получилъ названіе Грознаго, потому что первый явился для двора и народа монархомъ, требующимъ безпрекословнаго повиновенія, и строго карающимъ за ослушаніе, первый возвысился до царственной, недосягаемой высоты, предъ которою бояринъ, князь, потомокъ Рюрика и Гедимина должны были благоговѣйно преклониться наравнѣ съ послѣд-

---

[1]) „Русс. исторія въ жизнеопис. ея главнѣйш. дѣятелей" Вып. II, СПБ. 1874 г., стр. 241. „Московское княжество—говоритъ Ключевскій,—удѣльное по происхожденію, въ XIV в. ставшее великимъ по своимъ успѣхамъ, сдѣлалось національнымъ великорусскимъ государствомъ по своимъ территоріальнымъ границамъ при Иванѣ III и его ближайшихъ преемникахъ: таковъ коренной фактъ, оправдывающій привычку нашей исторіографіи класть грань новаго историческаго періода въ началѣ княженія Ивана III". „Боярская дума древ. Руси". М. 1882 г., стр. 267; см. также „Русс. исторію" Бестужева-Рюмина т. II. СПБ. 1885 г., стр. 143.

[2]) „Исторія Россіи" т. II, М. 1884 г., стр. 436, 528.

нимъ изъ подданныхъ" [1]). „Мы,—говорилъ однажны о себѣ Іоаннъ Васильевичъ кавалеру Поппелю, послу австрійскаго императора (Фридриха III-го) и его сына Римскаго короля Максимиліана, предлагавшему ему просить царскаго титула у цезаря Римскаго,—мы Божіею милостію государь на своей землѣ изначала, отъ первыхъ своихъ прародителей, и поставленіе имѣемъ отъ Бога, какъ наши прародители, такъ и мы, и просимъ Бога, чтобы и впередъ, далъ Богъ и намъ и нашимъ дѣтямъ до вѣка такъ быть какъ мы теперь есть государи въ своей землѣ, а поставленія ни отъ кого не хотѣли, и теперь не хотимъ" [2]). Такъ высоко было его царственное самосознаніе! И справедливость требуетъ сказать, что въ самой дѣйствительности этотъ государь находилъ всѣ основанія для того, чтобы сознавать себя самостоятельнымъ властелиномъ, объединившагося подъ его единого властію и независимаго ни отъ чего сторонняго, государства русскаго. Ревностный поборникъ единодержавія, съ усердіемъ продолжавшій старую систему медленнаго уничтоженія самостоятельности вѣчевыхъ общинъ и удѣльныхъ князей, Іоаннъ Васильевичъ III съ полнымъ успѣхомъ выполнилъ выпавшія на его долю задачи по отношенію къ дѣлу, начатому когда-то братьями Даниловичами. Онъ въ этомъ направленіи сдѣлалъ шагъ, который по всей справедливости доставилъ ему одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ историческомъ ряду Московскихъ князей —поборниковъ внѣшняго объединенія русскихъ областей подъ ихъ единодержавною и самодержавною властію. Ему именно изъ великихъ князей Московскихъ принадлежитъ роль, такъ сказать, устранителя послѣднихъ значительныхъ остатковъ стариннаго политическаго быта русской земли, издавна представлявшихъ сильный тормазъ на пути къ достиженію цѣлей, поставленныхъ себѣ Московскими властителями. Мы имѣемъ въ виду въ данномъ случаѣ уничтоженіе свободы и политической независимости тѣхъ вольныхъ русскихъ земель и городовъ, которые всегда были предметомъ вниманія стремившейся

---

[1]) „Исторія отнош. между русскими князьями Рюрикова дома" М. 1847 г., 529—531.

[2]) См. „Ист. Россіи съ древнѣйш. временъ" Соловьева, т. V, стр. 1490.

къ возвышенію и главенству Москвы,—тѣхъ земель и городовъ, гдѣ царило самоуправное вѣче и куда постоянно обращенъ былъ недовѣрчивый и строгій взглядъ Московскаго правительста. Изъ нихъ особенное противодѣйствіе политическимъ планомъ носителей Московской великокняжеской власти всегда оказывалъ свободолюбивый Господинъ Великій Новгородъ, горячо отстаивавшій свои старинныя права на независимый отъ сторонняго вмѣшательства образъ общественно-политической жизни во всѣхъ ея формахъ и отправленіяхъ. За Новгородомъ въ томъ же направленіи слѣдовалъ Псковъ, который долго входилъ въ составъ волости перваго, какъ его „пригородъ", и, ставъ вольнымъ городомъ въ XIV в., устроился по образцу своего старшаго брата. Тѣмъ же духомъ политической свободы и независимости проникнуты были Пермь, Вятская область. Расположенные по границамъ русскаго государства, всѣ эти города и области позже другихъ могли подчиниться власти Москвы: съ другой стороны, издавна привыкши жить по всей своей волѣ, они долго не соглашались признать надъ собою власти Московскаго Государя. Ослабѣвая отъ междоусобныхъ войнъ и не имѣя силъ противиться возраставшей и становившейся все болѣе и болѣе могущественной власти государей Москвы, нѣкоторые изъ этихъ городовъ (какъ это нерѣдко дѣлалъ Новгородъ) вступали въ союзъ съ сосѣдними иностранными государствами и такимъ образомъ, нарушая единство русской земли, съ тѣмъ вмѣстѣ нарушали и ея спокойствіе. Правда, Москва не разъ давала имъ чувствовать тяжесть своей властительской руки [1]), но тѣмъ не менѣе до времени Іоанна III она не успѣла совершить полнаго и окончательнаго подчиненія себѣ этихъ противниковъ единодержавныхъ и самодержавныхъ стремленій ея великихъ князей. Въ 1472 г. Іоаннъ Васильевичъ расширилъ предѣлы своей волости присоединеніемъ къ ней отнятой имъ

[1]) Новгородской самобытности сильный ударъ нанесенъ былъ Василіемъ Темнымъ въ 1456 г.; по заключенному на этотъ разъ вел. княземъ Яжебицкому договору съ Новгородомъ, между прочимъ, вѣчевыя судныя грамоты въ Новгородѣ отмѣнялись; вѣче не могло перерѣшать суда княжескаго; поэтому въ судныхъ дѣлахъ Новгородская печать замѣнялась великокняжеской. См. Карамз. „Истор. Госуд. Российск." изд. 2-е СПБ. 1819 г. т. V, прим. 361.

у Новгорода Перми. А через шесть лѣтъ послѣ этого совершилось окончательное паденіе и самого Новгорода великого. Въ 1478 г. названный государь сдѣлалъ рѣшительный шагъ къ достиженію того, чего такъ долго домогалась Москва по отношенію къ этому городу. Цѣлыхъ полтора вѣка подтачивала она его политическую самостоятельность—и вотъ теперь окончательно выполнила свое желаніе. По требованію своего покорителя, Новгородцы должны были отказаться отъ всѣхъ своихъ старинныхъ вольностей; прежняго Великаго Новгорода не стало: въ его стѣнахъ поселились другіе люди съ другими нравами и понятіями, а его прежніе свободные сыны поселены въ другой землѣ съ призывомъ—забывать дорогое для ихъ сердца прошлое. Въ 1489 г. была окончательно подчинена Московской власти Вятка, при чемъ съ ея жителями Московскій государь поступилъ такъ же, какъ и съ Новгородцами: онъ вывелъ изъ Вятской области землевладѣльцевъ, а на ихъ мѣсто послалъ помѣщиковъ Московской земли. Только Псковъ пощадилъ до поры до времени Іоаннъ Васильевичъ, и это потому лишь, что онъ „держалъ слово великаго князя и жалованье грозно и честно надъ собою“. Да и что собственно значило то, что здѣсь продолжало еще существовать вѣче и продолжалъ звонить вѣчевой колоколъ? Это была одна лишь пустая форма старины, на дѣлѣ совершенно безвредная для власти Іоанна надъ покорнымъ ему городомъ: Псковъ сохранялъ только тѣнь своей самостоятельности.

Приблизивъ, такимъ образомъ, къ полному окончанію дѣло собиранія Руси во единое Московское государство подъ единою властію великаго Московскаго князя, Москва за время Іоанна III успѣла уничтожить и послѣднюю тѣнь зависимости русской земли отъ того такъ долго тяготѣвшаго надъ нею ненавистнаго ига, какое удалось наложить на нее, среди царившихъ въ ней безпорядковъ удѣльно-вѣчевой системы политической жизни, татарскимъ ханамъ. Да и пора уже была показать этимъ, называвшимся на Руси ея царями, азіатскимъ повелителямъ нѣкогда сильной, а теперь пришедшей къ полному ослабленію орды [1]), пора была показать имъ, что рус-

[1]) Когда вступилъ на великокняжескій престолъ Іоаннъ Васильевичъ, орда татарская не представляла уже изъ себя единаго нераздѣльнаго царства. Въ это

скія земли, собравшіяся теперь во едино подъ верховною властію ихъ данника—великаго князя Московскаго, представляютъ собою цѣлостное государство, настолько богатое внѣшними и внутренними силами [1]), что какая бы то ни было зависимость этого государства отъ чуждаго повелителя являлась бы несоотвѣтствующею его создавшемуся положенію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и положенію его собственнаго государя—властителя, который вполнѣ могъ теперь замѣнить по отношенію къ Руси власть хана своею собственною властію. Словомъ, пора была показать ордынскимъ повелителямъ, что Русь не можетъ уже выносить и тѣни ихъ незаконнаго надъ нею владычества. И это важное въ нашей исторіи событіе, событіе окончательнаго сверженія Монгольскаго ига, совершилось въ 1480 г. и при томъ совершилось тихо и мирно, безъ особенной напряженной борьбы и безъ всякаго кровопролитія.

Итакъ, вотъ какія важныя политическія перемѣны совершились на Руси въ княженіе великаго князя Московскаго Іоанна Васильевича III. Русь, можно сказать, окончательно

время она окончательно распалась на три главныя орды: Золотую, Казанскую и Крымскую. Кромѣ того, „по мѣрѣ ослабленія главной орды, появились на сцену одна за другой болѣе мелкія орды и, наконецъ, разрозненныя въ нѣсколько сотъ и даже десятковъ человѣкъ шайки татаръ, бродившія по степямъ и высматривавшія себѣ добычу". См. „Исторія борьбы Москов. государ. съ Польско-Литов," Карпова. Чтен. въ общ. ист. и древн. Россійск. 1866 г., кн. III, стр. 99.

[1]) Замѣтимъ, что самое татарское нашествіе было однимъ изъ сильныхъ мотивовъ, заставлявшимъ думать о сосредоточеніи силъ, о внутреннемъ единствѣ противъ иноплеменнаго господства. „Сколько можно видѣть изъ лѣтописи—говоритъ Пыпинъ—о татарахъ послѣ трагическаго Калкскаго побоища не думали и сами князья; не было мысли о томъ, что страшный народъ можетъ вернуться и что надо было бы приготовиться къ новой случайности; не видно, чтобы въ самомъ населеніи, гдѣ была еще вѣчевая жизнь, возникала подобная забота. Послѣ перваго нашествія опять продолжается прежняя удѣльная неурядица... Какъ будто не было никакой мысли о цѣломъ отечествѣ въ той средѣ, которая правила его судьбами; если на первый разъ князья (хотя не всѣ) соединились для общаго отпора, то второе нашествіе захватило ихъ врасплохъ и одно княженіе погибало за другимъ. Этотъ складъ разъединеннаго быта и составилъ первое отрицательное основаніе для послѣдующаго сосредоточенія русской земли". „Ист. русс. литер." т. I, Спб. 1898 г., стр. 204—205. Исходившіе изъ среды церковныхъ учителей призывы къ защитѣ христіанской вѣры противъ поганыхъ агарянъ (преп. Сергій Радонежскій, арх. Ростов. Вассіанъ и др.) съ своей стороны сильно возбуждали и утверждали въ князьяхъ и народѣ мысль о необходимости сосредоточенія народныхъ силъ для внѣшняго обезпеченія національной жизни.

объединилась въ одно государственное цѣлое подъ единою верховною властію государя Московскаго, окончательно освободилась отъ чуждаго владычества татарскихъ царей и, такимъ образомъ, явилась въ образѣ государства, сильнаго въ самомъ себѣ, и независимаго отвнѣ. А представитель и глава этой объединившейся и независимой русской земли—великій князь Московскій—могъ теперь съ полнымъ правомъ назвать себя ея полновластнымъ государемъ, единая и могучая власть котораго чувствовалась повсюду среди всецѣло подчинившихся ему различныхъ русскихъ земель и городовъ. Изъ борьбы съ послѣдними крупными препятствіями, стоявшими на пути его стремленій къ окончательному утвержденію въ своемъ лицѣ новаго политическаго порядка, онъ вышелъ полнымъ побѣдителемъ.

Но и въ этой послѣдней значительной борьбѣ съ издавна существовавшими препятствіями для полнаго осуществленія политическихъ плановъ великокняжеской Московской власти, стремленія и усилія носителя этой послѣдней не стояли, такъ сказать, одиноко, не лишены были нѣкоторыхъ значительныхъ опоръ, выдвигавшихся изъ самой окружавшей его общественной среды. И одна изъ такихъ опоръ не являлась новой: она была хорошо знакома для великокняжеской Московской власти и, въ частности, для Іоанна Васильевича по долгому предшествовавшему историческому опыту, и въ особенности по опыту не такъ давно минувшихъ временъ княженія Василія Васильевича Темнаго. Опора эта русское духовенство, великая могущественная сила тогдашней Руси. Уже и прежде такъ осязательно заявившее себя и проповѣдію и дѣломъ въ пользу интересовъ великихъ князей Москвы среди многочисленныхъ опасностей, угрожавшихъ утверждавшейся въ ихъ лицѣ новой формѣ государственнаго правленія, оно и теперь, при Іоаннѣ III, за время усилій великокняжеской Московской власти къ устроенію послѣднихъ значительныхъ препятствій, мѣшавшихъ полному осуществленію ея политическихъ стремленій,—оно и теперь въ лицѣ главныхъ своихъ представителей—митрополитовъ всероссійскихъ по прежему выступило горячимъ сторонникомъ государя Московскаго и его единовла-

стительскихъ цѣлей. Увѣщательныя грамоты по вольнымъ русскимъ областямъ, ратовавшимъ противъ притязаній великаго князя Московскаго и не хотѣвшимъ признать надъ собою его власти,—грамоты, убѣждающія признавать и чтить власть этого великаго князя, не измѣнять ему и относиться къ нему, какъ законному Государю всея Руси и Помазаннику Божію,—вотъ чѣмъ главнымъ образомъ старались помочь указанные высшіе представители нашего духовенства великокняжеской Московской власти въ ея стремленіяхъ къ уничтоженію на Руси послѣднихъ крупныхъ остатковъ удѣльно-вѣчевого порядка политической жизни. Неизвѣстно точно, насколько эти увѣщательныя грамоты или посланія имѣли успѣхъ. Но все же можно думать, что онѣ производили немалое впечатлѣніе на умы и сознаніе жителей тѣхъ городовъ и областей, куда посылались, уже въ силу того высокаго нравственнаго авторитета, какимъ облечены были служители церкви въ представленіяхъ религіознаго русскаго народа; все же возможно и законно съ нашей стороны предположеніе, что, какъ внушенія высшей церковной власти, къ которой народъ нашъ всегда относился съ благоговѣніемъ, эти грамоты въ нѣкоторой мѣрѣ облегчали Москвѣ дѣло подчиненія ея власти вольныхъ городовъ. Если онѣ и не достигали въ каждомъ данномъ случаѣ, такъ сказать, частнаго фактическаго успѣха, то, безъ всякаго сомнѣнія, вообще то служили однимъ изъ сильныхъ проводниковъ въ общественное сознаніе мысли о верховномъ господственномъ положеніи великаго князя Московскаго.

И не одни только высшіе представители духовенства—митрополиты заявили себя горячими сторонниками интересовъ Москвы и ея великокняжеской власти въ данное время и въ данномъ направленіи. Вслѣдъ за ними и другіе высшіе и низшіе представители той же великой тогда общественной силы сознавали необходимость проявить свое содѣйствіе выполненію политическихъ стремленій Московскаго Государя, старались такимъ или инымъ путемъ помочь успѣшному развитію и прочному укорененію въ общественномъ сознаніи государственно-политическихъ идей Москвы, которая не могла еще похвалиться отсутствіемъ у нея противниковъ.

Въ чемъ же, частнѣе, выразилось со стороны различныхъ представителей русскаго духовенства ихъ содѣйствующее участіе въ развитіи Московскаго единодержавія и самодержавія за указанное время, какъ именно время настойчивыхъ усилій Московскаго правительства къ уничтоженію послѣднихъ внѣшнихъ препятствій для полнаго утвержденія въ лицѣ великаго князя Москвы новыхъ началъ государственно-политической жизни?

Когда со стороны Москвы собиралась надъ Великимъ Новгородомъ грозная туча, ясно показавшая, что скоро ударитъ послѣдній часъ Новгородской вольности, что великій князь Московскій готовится къ послѣдней рѣшительной борьбѣ съ этимъ давнишнимъ врагомъ своихъ единодержавныхъ и самодержавныхъ стремленій, что онъ рѣшился прибѣгнуть къ послѣднимъ средствамъ, чтобы окончательно разбить вольный политическій строй названнаго города и со всею силою наложить на него свою единовластительскую руку, а Новгородскіе патріоты, во главѣ которыхъ стояли Борецкіе, дѣти умершаго посадника, вдохновляемые матерью своею Мареою, раздумывали надъ средствами, какъ бы дать отпоръ властительскимъ притязаніямъ Москвы, какъ бы отстоять предъ этими притязаніями свои старозавѣтныя излюбленныя права, и съ этою цѣлію—употребляя выраженіе списателя житія Новгор. архіеп. Евѳимія—„хотяху отложитися отъ державы святопомазанныхъ самодержателей россійскихъ и мысляху предатися въ повиновеніе Латынскому кралю“ [1]),—за это тревожное и страшное для Новгородцевъ время приходятъ къ нимъ два замѣчательныхъ посланія митрополита Московскаго Филиппа съ убѣжденіемъ покориться великому князю Московскому, не отлагаться отъ него, не вступать въ союзъ съ иновѣрнымъ королемъ и не измѣнять православной вѣрѣ.

Архипастырь представлялъ сынамъ вольнаго города, что съ самыхъ первыхъ временъ существованія земли русскія, начиная отъ славнаго равноапостольнаго „Володимера, познавшаго

---

1) См. это житіе въ Рук. Сборн. Кіев. Дух. Акад. Аа 118, л. 35. Къ королю Казиміру было послано изъ Новгорода посольства, результатомъ котораго былъ договоръ о подданствѣ ему Новгорода. Акты Археогр. Экспед. т. I, № 87, стр. 62—64.

православную истинную христіяньскую вѣру и крестившаго всю Русскую землю святымъ крещеніемъ" и донынѣ, Великій Новгородъ составлялъ и составляетъ „отчину господарей православныхъ—великихъ князей русскихъ". „Отъ тѣхъ мѣстъ и до сѣхъ мѣстъ—внушаетъ онъ Новгородскимъ гражданамъ—они есть господари христіяньстіи рустіи и ваши господа, отчичи и дѣдичи, а вы ихъ отчина изъ старины, мужи волныи; а жалуютъ, держать васъ, свою отчину, въ докончаніи и въ крестномъ цѣлованіи въ старинѣ, а вамъ ихъ, господъ своихъ, держати имя ихъ честно и грозно безъ обиды" [1]). Указавъ на частыя измѣны со стороны Новгородцевъ не разъ даваемому ими крестному цѣлованію—держать имя великихъ князей честно и грозно, описавъ въ частности „многая неисправленія", учиненныя ими по отношенію къ Іоанну Васильевичу, жаловавшему свою отчину по примѣру своихъ прадѣдовъ и дѣдовъ [2]), архипастырь, между прочимъ, обращается къ сынамъ неблагодарнаго города съ такими словами, по поводу прослышаннаго имъ ихъ намѣренія отплатить Московскому государю за все его жалованіе самой черной измѣной. „Нынѣча же—пишетъ онъ,—сынове, слышанье мое таково, и дивлюся о томъ велми, что приходятъ въ ваша сердца неподобны мысли, а то все господина и сына моего Великаго князя жалованье... оставливаете, а отъ нашего деи господина и сына, отъ своего господина, отчича и дѣдича, отъ христіяньскаго Господаря Рускаго, отступаете, а старину свою и обычаи забывши, да приступаете деи къ чужему къ Латыньскому Господарю къ Королю" [3]). Святитель горячо осуждаетъ ихъ за союзъ съ латинянами, съ которыми преподобные и святые отцы наши не велѣли имѣть никакого общенія [4]), напоминаетъ имъ, „како въ преждебывшая времена, коликыя царьства великыхъ земль и многые грады, преступленія ради закона и преслушанія ради, святыхъ пророкъ и Апостолъ и святыхъ Отецъ ученія не послушавше, въ пагубу многу впадоша и въ запустѣніе быша; а непокорившаяся земли и грады богоподруч-

[1]) Акты Истор. Т. I, № 280, стр. 512; сн. № 281, стр. 515.

[2]) Ibid., № 280, стр. 512—513; сн. № 281, стр. 515.

[3]) Ibid., № 280, стр. 513

[4]) Ibid., № 280, стр. 514.

нымъ си Господаремъ, како сотрошась и разорени быша“ [1]), убѣждаетъ вразумить и остановить бунтовавшую молодежь, особенно падкую на новости и заправлявшую возмущеніями [2]), и заключаетъ оба свои посланія сильнымъ увѣщаніемъ не измѣнять Государю православному—великому князю Московскому, и заявить ему свою покорность. „Ино о томъ велми болѣзную,—пишетъ онъ въ концѣ одного своего посланія,—по своему святительскому долгу берегучи вашихъ безсмертныхъ душъ, и благословляю васъ, чтобы есте отъ той отъ своей неподобныя мысли възратилися, а отъ своего бы есте Господина отъ Великого князя, отчича и дѣдича, не отступали, а къ Латыньскому бы есте Господарю не приступали; а въ церквѣхъ бы Божьихъ неподобна новина у васъ не была, а въ поминаньѣ бы иныя вѣры Государя имени въ октеньяхъ не было, а держали бы ся есте своея старины“ [3]). „И вы, сынове,—обращается онъ къ Новгородцамъ въ заключеніи другого своего посланія—и вы, сынове, смиритесь подъ крѣпкую руку благовѣрнаго и благочестиваго Государя рускыхъ земль, подъ своего Господина подъ Великого князя Ивана Васильевича всея Руси, по великой старинѣ вашего отчича и дѣдича, по реченному Павломъ Христовымъ Апостоломъ, вселеньскымъ учителемъ: „всякъ повинуйся власти Божію повелѣнію повинуется, а противляяйся власти Божію повелѣнію противится“ [4]).

Такъ старался путемъ пастырскаго увѣщанія утишить въ Новгородцахъ, отстаивавшихъ свою политическую свободу и независимость въ ущербъ государственному единству, ихъ враждебное настроеніе противъ великокняжеской Московской власти, и склонить ихъ къ покорности предъ этой послѣдней первопрестольникъ русской церкви, митрополитъ Филиппъ. Со всею ясностію представляя непокорнымъ сынамъ вольнаго города вѣками освященный верховный суверенитетъ властителей Москвы, онъ старался предотвратить измѣнническіе замыслы ревнителей Новгородской вольности доводами религіознаго характера. Онъ указывалъ имъ на примѣръ Византіи, которая прочно стояла до тѣхъ поръ, пока сохраняла истинное благо-

---

1) Ibid., № 281, стр. 517.
2) Ibid., № 281, стр. 516.
3) Ibid., № 280, стр. 514.
4) Ibid., № 281, стр. 517.

честіе, а какъ заключила унію съ латинствомъ такъ и впала въ руки поганыхъ турокъ [1]), и такимъ образомъ представлялъ имъ, что отдача издавна составлявшаго вотчину православныхъ Государей Московскихъ Новгорода подъ власть Государя Латиньской вѣры есть измѣна не только политическая, но вмѣстѣ и измѣна православію,—есть такого рода измѣна, которая грозитъ разрушеніемъ и церкви и государства [2]). И это

[1]) Ibid., № 281, стр. 517.

[2]) Подобныя же мысли относительно задуманной Новгородцами измѣны Государю Московскому раскрываетъ неизвѣстный, но, какъ видно, вполнѣ сочувствовавшій политическимъ идеямъ Москвы, авторъ повѣсти о походѣ вел. князя Іоанна Васильевича въ Новгородъ (въ 1471 г.), имѣющей такое заглавіе: „словеса избранна отъ святыхъ Писаній, о правдѣ и смиренномудріи, еже сотвори благочестія дѣлатель, благовѣрный великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси, ему же и похвала о благочестіи вѣры; даже и о гордости величавыхъ мужей Новгородскихъ, ихже смири Господь Богъ и покори ему подъ руку его, онъ же благочестивый смиловася о нихъ, Господа ради, и утиши землю ихъ“. Повѣсть въ Полн. Собр. Лѣт. т. VI, стр. 1—15. По воззрѣнію автора, вольные сыны Новгорода, задумавшіе по внушенію „прелестника діявола“ отложиться отъ государя Московскаго и отдаться подъ власть короля Польскаго, совершали чрезъ это двоякое преступленіе: съ одной стороны, они въ этомъ случаѣ нарушали неоспоримыя, вѣками утвержденныя, права вел. князя Московскаго на свою вотчину—Новгородъ и всю землю Новгородскую и так. обр. являлись измѣнниками политическими, а съ другой, переходя подъ власть короля иновѣрнаго, чрезъ это „отступали отъ свѣта благочестія, прилѣплялись ко тмѣ прелести Латыньскія“ и, слѣдовательно, оказывались измѣнниками правосл. вѣрѣ и церкви“, хотѣвшими „лиха всему православью“. Отсюда и предпринятый вел. княземъ противъ Новгорода походъ авторъ представляетъ не только, такъ сказать, вполнѣ законнымъ съ его стороны дѣломъ политическимъ въ защиту своихъ вѣковыхъ правъ, нарушенныхъ этимъ городомъ, но и религіознымъ подвигомъ за православную вѣру и благочестіе. Въ уста Іоанна Васильевича, окончательно рѣшившагося наказать Новгородцевъ—этихъ политическихъ и религіозныхъ преступниковъ, авторъ влагаетъ слѣдующія, обращенныя къ Богу, молитвенныя слова: „вѣси, Господи,... яко не своимъ хотѣніемъ, ниже своею волею на се дерзаю, еже бы прольятися многѣй крови хрестьянстѣй на земли; но стою о божественнѣмъ ти богоуставнѣмъ законѣ святыхъ апостолъ и св. отецъ, даже и о истиномъ православьи рускія земли, а о ихъ своее отчины отступленьи къ латыньству, чтоже они, людье наши, истинныя вѣры благочестія отступаютъ, а къ латиномъ ся отдаваютъ“. „Поэтому-то авторъ называетъ вел. князя Московскаго „благочестья дѣлателемъ“, „пресвѣтлымъ свѣтильникомъ благочестію“, „истинѣ поспѣшникомъ и божественному закону хранителемъ, крѣпкимъ поборникомъ по православію“, „благовѣрнымъ и благочестивымъ великимъ княземъ всея Руси, его же избра и възлюби Господь Богъ и поручи ему держати и управляти отчину свою руськихъ земль великое княженье“... По поводу успѣховъ вел. князя въ этомъ походѣ на Новгородцевъ авторъ замѣчаетъ: „тако Господня благодать и милость Его свыше приде, помогая правдѣ Государя нашего благовѣрнаго и благочестиваго князя Ивана Васильевича всея Руси, ради его великого благочестья“.

увѣщаніе, искусно затрогивавшее чувствительную струну въ русскомъ народѣ, зашевелило было религіозное чувство многихъ Новгородцевъ [1]); но ненависть къ Москвѣ на время взяла верхъ. „И не разумѣша окаянніи—разсуждаетъ въ назиданіе потомкамъ по адресу Новгородцевъ лѣтописецъ—во тмѣ ходящи, отступиша отъ свѣта и пріяша тму своего неразумія, не восхотѣша подъ православнымъ царемъ быти хрестьянскимъ государемъ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ въ державѣ быти, и у истиннаго пастыря и учителя Филиппа митрополита всея Руси себѣ учителя пріимати, и не воспомянуша окаянніи написанія: кое бо пріобщеніе свѣту ко тмѣ, или кое соединеніе веліяру, рекше діаволу, съ Христомъ? Такоже и поганому латыньству съ нашимъ православнымъ хрестьянствомъ: они же все то забывше и отринуша... и не восхотѣша благословенія, и удалишася отъ него, и облекошася въ клятву яко въ ризу, смутишася и подвизашася яко пьяны, и вся мудрость ихъ поглощена бысть; еще же и крестное цѣлованіе преступиша, и воздасть имъ Господь по дѣломъ ихъ“ [2])... Свободолюбивому державному Новгороду пришлось тяжело поплатиться за свое противленіе власти Московскаго государя, пришлось почувствовать всю тяжесть государева гнѣва и навсегда отказаться отъ своихъ излюбленныхъ правъ. Іоаннъ III окончательно сломилъ Новгородскую гордыню, нанесъ рѣшительный и послѣдній ударъ самобытности Новгорода, и положилъ предѣлъ его измѣнамъ и союзамъ съ врагами Москвы.

Съ подчиненіемъ Новгорода Москвѣ, съ уничтоженіемъ правъ и привиллегій, соединявшихся съ прежнимъ вѣчевымъ строемъ общественно-политической жизни вольныхъ сыновъ его, должна была пасть и церковная самобытность этого города, принужденнаго теперь ходить „на всей волѣ“ государя Московскаго. Рядъ туземныхъ излюбленныхъ владыкъ долженъ былъ здѣсь съ этого времени прерваться. На Новгородскую

---

[1]) „Мнози—замѣчаетъ позднѣйшій Лѣтописецъ—слышавше митрополіе благословеніе и поученіе, возрадовашася радостію великою, и по прежнему правити хотяху къ Великому князю“. Степенн. кн. ч. II, стр. 106—107.

[2]) Полн. Собр. Лѣтоп. Т. VI, стр. 191.

архіепископскую каѳедру, которую доселѣ занимали лица, избиравшіяся самими Новгородцами и не разъ заявлявшія себя горячей патріотической любовью къ своему вѣчевому городу [1]), теперь восходятъ лица, назначенныя отъ Московскаго правительства. Какъ присланные изъ Москвы, они, естественно, должны были содѣйствовать забвенію въ Новгородѣ его старыхъ порядковъ и, наоборотъ, способствовать оживленію здѣсь памяти о всемъ томъ, что запечатлѣно было сочувствіемъ къ Москвѣ и ея политическимъ стремленіямъ во время еще свободы Новгородской,—естественно должны были служить опорою властямъ для водворенія Московскаго самодержавія и помогать постепенному внутреннему объединенію Новгородской земли съ Московскою. Говоря вообще, они „ходили—по выраженію лѣтописца [2])—не по мысли Новгородцевъ", а по мысли Москвы. Въ чемъ, частнѣе, состояло служеніе политическимъ идеямъ Москвы этихъ Новгородскихъ архіепископовъ—Москвичей въ это, непосредственно слѣдовавшее за паденіемъ Новгорода, время, со всею точностію сказать нельзя. Но тѣмъ не менѣе можно сдѣлать на этотъ разъ нѣсколько замѣчаній, по крайней мѣрѣ, относительно одного изъ такихъ Новгородскихъ владыкъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще относительно сочувствовавшей Москвѣ Новгородской партіи, въ рядахъ которой лица изъ среды духовенства и монашества играли незначительную роль. Объ архіепископѣ Геннадіѣ, получившемъ Новгородскую каѳедру въ 1485 г. [3]), извѣстно, что онъ сильно заботился о составленіи жизнеописанія преподобныхъ Савватія и Зосимы Соловецкихъ. По побужденію именно Генна-

---

[1]) Напр. архіеп. Іона, ходатайствовавшій предъ Василіемъ Темнымъ о сохраненіи свободы Новгорода, о чемъ упомянуто нами выше. А современный самому паденію Новгорода владыка Ѳеофилъ былъ пойманъ вел. княземъ и посаженъ въ Москвѣ за то, что „умышляше быти Новуграду не за великимъ княземъ, но за королемъ, нелюбіе держа на Великого князя, понеже преже сихъ взялъ государь половину властей и селъ у владыки и у всѣхъ монастырей". Степ. кн. ч. II, стр. 131. Вообще владыки новгородскіе, преданные самобытности великого Новгорода, являлись ревностными патріотами въ случаяхъ политической невзгоды, и неоднократно ѣздили во главѣ посольствъ къ вел. князьямъ Московскимъ, чтобы утишать ихъ ссоры съ Новгородцами.

[2]) Пол. Собр. Лѣт. Т. VI, стр. 236.

[3]) См. Пол. Собр. Лѣт. Т. VI, стр. 236.

дія инокъ Досиѳей, по собственному свидѣтельству этого послѣдняго, занялся составленіемъ „памятей" о названныхъ преподобныхъ, которыя нашли для себя при жизни же Геннадія искусственную обработку въ рукахъ бывшаго митрополита Спиридона [1]. Думаемъ, что въ ряду мотивовъ къ этому для архіепископа—Москвича находилась и забота о воскрешеніи въ Новгородѣ воспоминаній о проявленіяхъ здѣсь сочувственнаго отношенія къ Москвѣ еще за время вольной вѣчевой жизни этого города, каковымъ отношеніемъ заявилъ себя именно одинъ изъ указанныхъ Соловецкихъ подвижниковъ. Въ грозномъ пророчествѣ преподобнаго Зосимы [2]) о судьбѣ дома Новгородской посадницы Марѳы Борецкой—этой, какъ называетъ ее лѣтописецъ, „древней львицы Іезавели и беззаконной Иродіады, жены Филиппа царя" [3]), а также въ его грозномъ видѣніи, имѣвшемъ мѣсто на пиру у той же знатной боярыни [4]),—во всемъ этомъ представлялось средство къ оправданію грозныхъ проявленій воли Московскаго Государя, или, какъ его называетъ списатель житія сейчасъ названнаго подвижника, „благовѣрнаго и великаго князя, всея Русіи Самодержца" [5]), надъ непокорнымъ ему городомъ. По отношенію къ тому же Геннадію нельзя, далѣе, не отмѣтить высказываемой нѣкоторыми изслѣдователями [6]) небезъосновательной догадки о появленіи при этомъ Новгородскомъ архіепископѣ—Москвичѣ и по его же иниціативѣ одной изъ распространенныхъ редакцій жизнеописанія преподобнаго Михаила Клопскаго, о сочувственномъ отно-

---

[1]) См. Житіе Зосимы. Рук. Сбор. Кіев. Дух. Акад. Аа 106, л. 29 об., л. 30 и 31.

[2]) Вотъ это пророчество: „се дніе грядуть иж дому сего жители не наслѣдятъ стопами своими двора сего, и затворятся двери дому сего и ктому не отверъзутся, и будетъ дворъ ихъ пустъ". Житіе Зосимы. Указ. рук. сборн. л. 19 об.

[3]) Степенн. кн. ч. II, стр. 107; Полн. Собр. Лѣтоп. т. VI, стр. 5.

[4]) Преподобный, нѣсколько разъ взглянувъ на сидѣвшихъ за столомъ шестерыхъ бояръ, ужасался, плакалъ и не вкушалъ пищи, ибо „видѣлъ этихъ мужей преднихъ (передовыхъ, знатныхъ) главъ неимущихъ на рамѣхъ своихъ", какъ онъ объяснялъ потомъ одному изъ учениковъ своихъ, а также одному „отъ славныхъ града того и бывшему на пиршествѣ томъ". Житіе Зосимы. Указ. рук. сборн. л. 20 об., 21 об. и 22 об. Видѣніе оправдалось во время неудачной для Новгородцевъ Шелонской битвы ихъ съ Москвитянами въ 1471 г.

[5]) Житіе Зосимы. Указ. Рук. Сборн. л. 22.

[6]) См. изслѣд. Некрасова „Зарожденіе національной литературы въ сѣверной Руси", стр. 109—112.

шеніи котораго къ политическимъ идеямъ Москвы при вел. князѣ Василіи Васильевичѣ Темномъ мы имѣли уже случай замѣтить. Съ точки зрѣнія политической обстановки, взгляда на характеръ общественно-государственной жизни, эта редакція (авторъ которой, какъ можно догадываться изъ собственныхъ небольшихъ оговорокъ его, принадлежалъ къ Клопскому монастырю [1]) могла опять таки служить хорошимъ литературнымъ проводникомъ Московскихъ политическихъ идей. Подробности, какими обставляется здѣсь пророчество Михаила о паденіи Новгорода при Іоаннѣ III (и которыя отсутствуютъ въ первичной редакціи, написанной, по предположенію Некрасова, во время архіепископа-патріота Іоны) [2]) явно скрываютъ за собой намѣреніе—найти въ лицѣ Новгородскаго святого религіозное оправданіе для совершившейся надъ Новгородомъ катастрофы. Въ содержаніе пророчества вносятся не только обстоятельства Шелонской битвы съ ея печальными для защитниковъ Новгородской свободы послѣдствіями, не только „взятіе великимъ княземъ Московскимъ (котораго редакція называетъ „благовѣрнымъ и христолюбивымъ самодръжцемъ рускіа земли") города и учиненіе имъ здѣсь всей своей воли, но и то, что князь великій „и бгомол'ца" (архіепископа Новгородскаго) отселе возмет за (ихъ, Новгородцевъ) неправедное съгрѣшеніе и бесчисла распленить и разведет' по многимъ градомъ разошлеть и со всѣми сѣміами мала и велика" [3]); при этомъ предсказаніе соединяется съ полнымъ обвиненіемъ Новгородцевъ за внутреннія междоусобія, за желаніе пристать къ князю Литовскому („и предъ великимъ княземъ по мнозѣхъ дѣлехъ повинныхъ и о вашемъ братоненавидѣніи и о наглости другъ на друга всуе восколѣбашася" [4]); самъ преподобный не безъ цѣли связывается по своему происхожденію съ Московскимъ княжескимъ домомъ (въ уста князя

---

[1]) См. названн. изслѣд. Некрасова. Приложеніе II: „вторая редакція жизнеописанія Михаила Клопского", стр. 11.

[2]) Назв. изслѣдованіе, стр. 99—104.

[3]) См. вторую редакцію жизнеоп. препод. Михаила въ прилож. къ названн. сочин. Некрасова, стр. 38—39.

[4]) Ibid., стр. 39.

Константина Дмитріевича, неожиданно узнавшаго Михаила, вкладываются слѣдующія слова относительно этого послѣдняго: „се Михаило Максимовъ сынъ рода княжьска“ [1]). То же стремленіе,—замѣтимъ, наконецъ,—со стороны сочувствовавшей Москвѣ Новгородской партіи—найти въ Новгородскихъ святыхъ оправданіе для осуществлявшихся Московскихъ политическихъ идей—можно ясно подмѣтить и въ другихъ памятникахъ агіобіографической письменности, явившихся въ ту же печальную для Новгорода эпоху, когда окончательно рѣшалась судьба этого вольнаго города. Такъ, списатель житія архіепископа Новгородскаго Іоны, несомнѣнно Новгородецъ и, по всей вѣроятности, одинъ изъ иноковъ Отенской пустыни [2]), разсказывая объ извѣстной уже намъ бесѣдѣ Іоны съ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ Темнымъ (въ 1460 г.), во время которой владыка Новгородскій обѣщалъ этому князю, за сохраненіе свободы Новгорода, молиться объ освобожденіи сына его отъ ордынскихъ царей и вмѣстѣ съ тѣмъ заплакалъ о судьбѣ, какую готовятъ себѣ Новгородцы своими смутами и усобицами, замѣчаетъ: „проувидѣ бо (Іона) духомъ, яко людемъ его (т. е. Новгорода) невозможно до конца содержати въ свободѣ града своего продерговающиися ради неправды въ нихъ и насиліа“ [3]). А списатель житія Новгородскаго владыки Іоанна [4]) призываетъ молитвы этого Новгородскаго святителя „о великодръжавномъ, иже въ Рустіи земли скипетръ царства дръжащу, и о благородномъ сѣмени его, и дръжавѣ его“, а въ уста умирающаго архіепископа онъ вкладываетъ, между про-

1) Ibid., стр. 19.

2) См. сочин. Ключевскаго „Древнерусскія житія святыхъ, какъ историч. источникъ“ М. 1871 г., стр. 184—188. Списатель часто останавливается на, очевидно, хорошо знакомой ему Отенской пустыни, въ которой Іона былъ постриженъ, гдѣ онъ былъ игуменомъ и гдѣ былъ погребенъ. См. житіе Іоны въ Рук. Сборн Кіев. Дух. Акад. Аа 118, л. 47, об., 49 об. и л. 58.

3) Житіе Іоны въ указ. рук. сборн. л. 53 об., л. 54 и об.; оно же въ Памятн. Стар. Русс. Литер. ч. IV, стр. 32—33.

4) Житіе написано въ концѣ 70 или 80 годовъ XV в., когда подчиненіе Новгорода Москвѣ было рѣшено и когда въ немъ стали обнаруживаться иконоборческія мнѣнія приверженцевъ ереси жидовствующихъ. См. вышеуказанн. изслѣд. Ключевскаго, стр. 164; см. также самое житіе въ рук. сборн. Кіев. Дух. Академіи Аа 118, л. 22 об.

чимъ, такія поучительныя для Новгородцевъ слова: „бойтеся князя еже о благочестіи православнаго, яко Бога, не туне бо мечъ носитъ Божій, во отмщеніе злодѣемъ, въ похвалу же добродѣемъ; за иновѣрного же и нечестиваго князя не предавайтеся“ [1]).

Такъ проявляли свое участіе въ развитіи и утвержденіи государственно-политическихъ идей Москвы сочувствовавшіе интересамъ ихъ носителей—государей Московскихъ представители нашего духовенства и книжники изъ среды его въ эпоху уничтоженія Новгородской вольности и, такъ сказать, по поводу этого уничтоженія. Яснѣе всего, какъ мы видѣли, обнаружено это участіе со стороны первопрестольника русской церкви—митрополита Московскаго Филиппа, такъ ревностно старавшагося оказать свое содѣйствіе Москвѣ въ моментъ самой сильной и самой напряженной борьбы съ нею Новгорода.

Другой святитель Московскій, Геронтій, преемникъ сейчасъ упомянутаго Филиппа, не менѣе послѣдняго ревностный сторонникъ новаго Московскаго порядка политической жизни, утверждавшагося въ лицѣ великаго князя Москвы, отправляетъ два замѣчательныхъ посланія (написаны между 1486—1489 г.г.) въ другую пограничную область русскаго государства, такъ же, какъ и Новгородъ, привыкшую издавна жить на всей своей волѣ, такъ же долго, какъ и онъ, не соглашавшуюся признать надъ собою власти Московскаго Государя, и такъ же постоянно стремившуюся отдѣлиться отъ Московской державы,—именно въ область Вятскую [2]). Одно изъ этихъ своихъ посланій онъ адресуетъ Вятскому духовенству или, какъ онъ самъ выражается, „всему нарицающемуся тамошьнему священству“,

[1]) Житіе Іоанна въ указанн. рук. сборн. л. 26 об., л. 22 об., оно же въ Четьи—Минеяхъ Макарія, изд. Археолог. комисс. мѣсяцъ Сентябрь, столб. 345. 340.

[2]) Вятчане, отличавшіеся особенною загрубѣлостію своихъ нравовъ и не признававшіе надъ собой ничьей власти, жили преимущественно набѣгами и борьбою съ окружающими инородцами, а иногда и русскими землями. Два московскихъ похода противъ Вятчанъ при Василіи Темномъ смирили Вятку, но смирили только нѣсколько и не надолго. Буйная вятская вольница продолжала время отъ времени дѣлать грабительскіе набѣги не только на татарскія земли, но и на сосѣднія Московскія владѣнія, особенно на волость Устюжскую. Окончательно покорена была Вятка при Іоаннѣ III, въ 1489 г. Краткую ист. Вятки см. у Бестужева-Рюмина „Русская Исторія“ Т. I, СПБ. 1872 г. стр. 385—386.

а другое—по его же собственному выраженію—„всему Вятскому людству Вятскимъ хрестьяномъ“. Въ первомъ изъ нихъ, послѣ сильнаго укора Вятскому духовенству за допущенное имъ послабленіе мірянамъ, архипастырь изрекаетъ слѣдующую страшную угрозу всѣмъ его духовнымъ дѣтямъ—Вятчанамъ, если они не отстанутъ отъ своихъ злыхъ дѣлъ и въ томъ числѣ не заявятъ полной покорности предъ властію великаго князя Московскаго. „А тѣ ваши духовніи дѣти—пишетъ онъ—зовущеся христіяне, а поганая дѣла дѣлающе, такожъ аще ся не покаютъ, а отъ тѣхъ своихъ злыхъ прежнихъ дѣлъ не престанутъ, ни Государю своему Великому князю челомъ не добьютъ... и наше смѣреніе, и со всѣмъ нашимъ священствомъ, имѣемъ ихъ неблагословеныхъ и отъ Божьи церкви и отъ православнаго христіянства отлученыхъ, временно и будуще, дондеже къ Богу чисто покаются и исправятся во всемъ безъ лукавства“ [1]). Ту же самую угрозу вмѣстѣ съ убѣжденіемъ покориться Государю Московскому и не приставать къ его недругамъ, а также прекратить разбои и грабежи и возвратить полонъ, высказываетъ архипастырь и въ другомъ своемъ посланіи, адресованномъ, какъ мы замѣтили, „всему Вятскому людству“, только въ болѣе сильныхъ и яркихъ чертахъ. „И послушаете насъ—обращается онъ къ Вятчанамъ въ концѣ посланія—ино еще на васъ будетъ милость Божія, а нашего смѣренія благословеніе, а Осподаря Великого князя жалованіе, по вашему къ нему исправленію; а не послушаете насъ, а своему Государю Великому князю челомъ не добьете, а къ нему не исправитеся во всемъ безхитростно, ино не будетъ на васъ милости Божіея и Пречистыя Его Богоматери и всѣхъ святыхъ, и нашего благословенія, и нынѣ и во вся безконечная вѣкы; а та кровь христіянская вамъ отольется, то вамъ все отъ себя придетъ“ [2]). Стараясь усилить свою святительскую угрозу указаніемъ на ея частныя проявленія, которыя не замедлятъ обнаружиться надъ непокорными жителями, если они и послѣ этихъ его увѣщаній не перестанутъ быть таковыми, авторъ—митрополитъ прибавляетъ: „мы и къ вашимъ игуменомъ, и къ попомъ,

[1]) Акты Истор. Т. I, № 97, стр. 141.
[2]) Ibid., № 98, стр. 142.

и ко всему священству, къ вашимъ духовнымъ отцемъ, тожъ есмя писали и рѣчми приказали, чтобы васъ и они не благословляли и имѣли бы проклятыхъ, по вашимъ злымъ и оканнымъ дѣломъ, и церкви бы Божьи затворили и отъ васъ бы пошли изъ земли вси вонъ", а если они не сдѣлаютъ этого, то—заключаетъ свою грозную рѣчь архипастырь—„наше смѣреніе... со всѣмъ нашимъ священствомъ, имѣемъ и ихъ самихъ, и съ вами ровно, неблагословеныхъ и проклятыхъ, въ сій вѣкъ и въ будущій" [1]). Но, какъ видно, увѣщанія и угрозы митрополита не произвели должнаго дѣйствія на Вятскихъ измѣнниковъ и крамольниковъ, такъ что пришлось къ духовной силѣ присоединить противъ нихъ силу внѣшнюю: посланная на Вятку шестидесятичетырехтысячная армія заставила окончательно смириться эту древнюю Новгородскую колонію, заставила ее окончательно признать надъ собою единую власть Московскаго государя, при чемъ участь ея гражданъ была одинакова съ участію усмиренныхъ сыновъ Великаго Новгорода: политика перевода туземцевъ изъ родной земли въ землю Московскую и обратно примѣнена была и къ Вяткѣ [2]).

Среди такихъ успѣховъ по уничтоженію послѣднихъ крупныхъ остатковъ прежняго строя политической жизни, въ чемъ заявляли свое посильное участіе и лица изъ среды нашего духовенства, поддерживавшія доступными имъ средствами интересы государя—великаго князя Московскаго въ его стремленіяхъ къ окончательному утвержденію на Руси новаго политическаго порядка, среди такихъ успѣховъ совершилось, какъ замѣчено нами выше, окончательное освобожденіе русской земли отъ власти царственныхъ повелителей Золотой орды, совершилось осуществленіе старой завѣтной мысли Московскихъ князей, къ исполненію которой издавна стремились всѣ ихъ желанія и для исполненія которой они исподволь подготовляли средства. Къ политическимъ событіямъ, происходившимъ въ княженіе Іоанна III-го внутри русской земли и имѣвшимъ своимъ результатомъ окончательное присоединеніе различныхъ русскихъ областей къ единому Московскому го-

[1]) Ibid., № 98, стр. 143.

[2]) „Ист. Россіи съ древнѣйш временъ" Соловьева, т. V; стр. 1380.

сударству, прибавилось событіе, слѣдствіемъ котораго было пріобрѣтеніе объединившеюся подъ верховною властію государя Московскаго Русью полной независимости извнѣ. Важное для Руси вообще, событіе это важно было, въ частности, и для интересовъ собственно великокняжеской Московской власти: ея носитель являлся теперь въ образѣ не только единаго, но и вмѣстѣ съ тѣмъ чуждаго всякой сторонней зависимости, въ собственномъ смыслѣ самостоятельнаго, полновластнаго государя всей русской земли. Въ его внѣшній властительскій обликъ счастливый исходъ даннаго событія привносилъ нѣкоторую новую черту величія: освободитель Руси отъ нѣкогда страшнаго Монгольскаго ига, онъ выступалъ теперь замѣстителемъ царственныхъ хановъ по власти надъ русскою землею. Страшный титулъ царя, долго означавшій на Руси почти исключительное преимущество татарскихъ хановъ, предъ которыми преклонялись и унижались наши князья, долженъ былъ теперь перейти отъ приниженныхъ незаконныхъ властителей русской земли къ ея законному могущественному владыкѣ— государю Московскому. Самое стремленіе этого государя къ окончательному освобожденію Руси отъ ненавистнаго владычества бусурманъ должно было представляться въ глазахъ русскихъ людей не только важнымъ подвигомъ политическимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ особенности подвигомъ за православную русскую вѣру, за святыя Божіи церкви, подвигомъ религіозно-священнымъ, какой былъ вполнѣ естественъ и даже необходимъ въ положеніи великаго государя всея Руси, являвшагося не просто только ея политическимъ главою, но и верховнымъ представителемъ и защитникомъ процвѣтавшаго въ ней истиннаго православія.

И такое, безъ сомнѣнія, важное для интересовъ государя Московскаго событіе, какъ сверженіе вѣками тяготѣвшаго надъ Русью позорнаго татарскаго ига,—событіе, которымъ устранялось одно изъ крупныхъ обстоятельствъ, отнимавшихъ у Московскаго носителя окончательно утверждавшаго въ его лицѣ единодержавнаго и самодержавнаго строя государственно-политической жизни значительную долю его величія, не обошлось безъ содѣйствующаго участія представителей тогдаш-

няго русскаго духовенства [1]). Сознавая всю важность предпринимаемаго Московскимъ Государемъ подвига, успѣшное совершеніе котораго обѣщало окружить его славою и честію и еще болѣе расширить величіе его власти, они всячески старались побудить этого государя къ полному достиженію еще предками его намѣченной, а теперь самыми условіями времени твердо поставленной цѣли—уничтожить всякую тѣнь зависимости русской земли отъ ордынскихъ повелителей. По ихъ представленіямъ, какъ бы ни была слаба эта зависимость, но она не мирилась съ создавшимся теперь положеніемъ великаго князя Московскаго: какъ единый законный властитель Руси, верховный блюститель и хранитель ея православія, онъ долженъ со всею ревностію подвигнуться на священную брань за свободу русской земли, а съ тѣмъ вмѣстѣ и за свою собственную независимость.

Самъ по природѣ трусливый, окруженный къ тому же трусливыми совѣтниками, осторожный и нерѣшительный Іоаннъ III, въ самую рѣшительную минуту, когда Московскіе полки, въ ожиданіи битвы, стояли на берегу рѣки Угры, въ виду татаръ, хотѣлъ во всемъ отдаться на волю и милость татарскаго повелителя. Великій князь Московскій, недавно такъ настойчиво и съ такимъ торжествомъ заявлявшій и обнаруживавшій свои властительскія права по отношенію къ своей непокорной отчинѣ—Новгороду Великому, теперь готовъ былъ подвергнуться самому крайнему униженію, готовъ былъ разстаться съ своимъ величіемъ, снисканнымъ трудами восемнадцати лѣтъ, готовъ былъ снова отдать себя и свое государство, различныя части котораго съ такимъ усердіемъ скрѣплялъ подъ своею единою властію, въ полное подданство ордынскимъ властителямъ въ прежнемъ страшномъ смыслѣ этого слова. Въ этотъ то рѣшительный моментъ и приходитъ на Угру „чудное и учительное“ [2]) посланіе Ростовскаго архіепископа Вассіана, „славная память котораго осталась на вѣки неразлучною съ

[1]) „Никто говоритъ Карамзинъ—ревностнѣе духовенства не ходатайствовалъ тогда за свободу отечества и за необходимость утвердить оную мечемъ“. „Ист. Госуд. Россійск.“ Т. VI, изд. 2-е, СПБ. 1819 г. стр. 150 и слѣд...

[2]) Степенн. кн. ч. II, стр. 139.

памятью нашей свободы“ [1]). Незадолго предъ тѣмъ оказавшій услугу государю Московскому, когда, по порученію послѣдняго, принималъ на себя двукратное посольство къ его братьямъ (князьямъ—Борису Волоцкому и Андрею Углицкому), заявлявшимъ рѣзкое недовольство противъ старшаго—великаго князя и рѣшившимся вооруженною силою защищать свои права отъ его притязаній,—принималъ посольство съ цѣлію уговорить ихъ оставить свои замыслы и не начинать усобицы, и не безъ успѣха, по крайней мѣрѣ, нѣкотораго (въ первое посольство) выполнившій эту свою миссію [2]), названный Ростовскій владыка, извѣстный своею начитанностію, краснорѣчіемъ и энергіей, выступилъ теперь, подобно преподобному Сергію Радонежскому, въ роли твердаго увѣщателя къ послѣдней столь важной битвѣ съ полчищами татаръ. Его знаменитое посланіе на Угру, имѣющее цѣлію побудить Государя Московскаго не щадить усилій и трудовъ, чтобы съ успѣхомъ выдержать предстоящую борьбу, важно для насъ въ томъ именно отношеніи, что наглядно показываетъ, какъ высоко ставили въ данное время представители нашего духовенства суверенитетъ великаго Государя всея Руси и какимъ величіемъ окружали его личность.

Возъимѣвъ намѣреніе въ своемъ посланіи „воспомянути отъ божественнаго Писанія, елико Богъ вразумитъ его на крѣпость и утвержденіе державѣ благовѣрнаго и христолюбиваго, благороднаго, и Богомъ вѣнчаннаго, и Богомъ утвержденнаго, и во благочестіи всея вселенныя въ конци возсіявшаго, наипаче же во царѣхъ пресвѣтлѣйшаго, преславнаго Государя великаго князя Ивана Васильевича всея Руси“, горячій патріотъ архіепископъ со всей силой духовнаго краснорѣчія убѣждаетъ Московскаго государя помнить высоту своего государственнаго положенія и вытекающую отсюда его обязан-

---

[1]) Карамзинъ: „Ист. Госуд. Россійск.“ т. VI, изд. 2, стр. 162.

[2]) См Полн. Собр. Лѣт. т. VI, стр. 222—223; Соловьева „Исторія Россіи съ древнѣйш. временъ“, т. V, стр. 1396—1397. Лѣтописецъ, описывая указанныя событія, поступокъ братьевъ наз. „отступленіемъ отъ вел. князя“, „высокомысліемъ“; о государѣ же Московскомъ замѣчаетъ, что онъ „оправдався предъ ними и положи упованіе на Бога и на Пречистую Его Богоматерь“. См. П. Собр. Лѣт. т. VI, стр. 19—20; сп. Ник. Лѣт. ч. VI. стр. 110.

ность—„крѣпко стояти за православное хрестьянство и за свое отечьство противу безбожному бесерменству“, „избавити врученное ему словесное стадо Христовыхъ овецъ отъ грядущаго волка“ [1])... Поддаться коварнымъ совѣтамъ трусовъ для Государя Московскаго значитъ отказаться отъ своего величія и своей прямой обязанности и покрыть себя вѣчнымъ срамомъ. „Внимай себѣ и всему стаду, въ немъ же тя Духъ Святый постави, о боголюбивый и вседержавный царю!—пишетъ великому князю владыка Ростовскій—и молюся твоей державѣ, не послушай таковаго совѣта ихъ (просить милости у хана)... Помысли убо, о велемудрый Государю! отъ каковыя славы въ каково безчестіе сводятъ они твое величество, толикимъ тмамъ народа погибшимъ и церквамъ Божіимъ разоренымъ и оскверненнымъ... Не послушай, государю, таковыхъ, хотящихъ твою честь въ безчестіе и твою славу въ безславіе преложити“ [2]). Очевидно, нѣкоторые представляли великому князю такой доводъ, что татарскіе цари—законные владыки Руси, и что русскіе князья, прародители Ивана Васильевича, завѣщали своимъ потомкамъ не поднимать рукъ противъ этихъ царственныхъ повелителей. Разбивая этотъ неосновательный и легко устранимый доводъ, горячій публицистъ—архипастырь выражаетъ сильное недоумѣніе относительно самого факта подчиненія татарскому хану. Вотъ что на этотъ разъ онъ пишетъ законному властителю русской земли: „аще ли еще любоприши и глаголеши, яко подъ клятвою есмы отъ прародителей, еже не поднимати рукъ противъ царя стати: послушай убо, боголюбивый царю! Аще клятва по нуждѣ бываетъ, прощати отъ таковыхъ и разрѣшати намъ повелѣно есть, иже прощаемъ и разрѣшаемъ и благословляемъ... не яко на царя, но яко на разбойника, хищника и богоборца... И се убо который пророкъ пророчествова, или апостолъ который и святитель научи сему богостудному и скверненому самому называющуся царю повиноватися тебѣ, великому русьскыхъ странъ

---

[1]) Посланіе на Угру. Полн. Собр. Лѣт. Т. VI, стр. 225; сн. рѣчь митр. Геронтія, обращенную къ вел. князю предъ началомъ похода. См. Карамз. „Ист. Госуд. Россійск.“ Т. VI, изд. 2-е СПБ. 1819 г., стр. 150—151.

[2]) Посланіе на Угру. Пол. Собр. Лѣт. Т. VI, стр. 226—227.

хрестьянскому царю"? [1]) Если русская земля оказалась порабощенною „окаяннымъ" Батыемъ, то это бѣдствіе, по объясненію автора посланія, было попущеніемъ Божіимъ „ради нашего съгрѣшенія и неисправленія къ Богу, паче же отчаянія и еже не уповати на Бога". А что касается самого, именующагося царемъ, хана, то въ глазахъ автора онъ является не болѣе, какъ самозванцемъ и узурпаторомъ, который „разбойнически поплѣни землю нашу, и воцарися надъ нею, не царь сый, ни отъ рода царьска" [2]). Между тѣмъ, напротивъ, законнаго властителя всея Руси, великаго князя Московскаго, владыка—публицистъ представляетъ богоутвержденнымъ царемъ, который, подобно „древнему Моѵсею и Іисусу и инымъ освободившимъ Іизраиля", долженъ явиться „освободителемъ новаго Іизраиля, христоименитыхъ людей, отъ окаяннаго хвалящагося на ны новаго Фараона, поганаго Ахмата" [3]). Чтобы, такъ сказать, еще сильнѣе выставить величіе личности единаго законнаго государя всей русской земли, въ противоположность „поганому Ахмату", авторъ прилагаетъ къ нему заимствованныя изъ книги Псалмовъ и у пророка Исаіи божественныя слова, въ которыхъ ясно указывается значеніе царя по ученію церкви [4]), и въ заключеніе высказываетъ ему отъ

[1]) Ibid., стр. 228. [2]) Ibid., стр. 228. [3]) Ibid., стр. 229.

[4]) Изъ псалма 44: „напрязи, и спѣй, и цаствуй истинны ради и кротости и правды, и наставитъ тя чуднѣ десница твоя"... (ст. 5)... „престолъ твой правдою и кротостію, и судъ истиннымъ свершенъ есть" (ст. 7); изъ псалма 109: „и жезлъ силы послетъ ти Господь отъ Сіона, и одолѣеши посреди врагъ твоихъ"; изъ 45 гл. прор. Исаіи: „Азъ въздвигохъ тя царя правды, призвахъ тя правдою, и пріяхъ тя за руку десную, и укрѣпихъ тя, да послушаютъ тебя языци, и крѣпость царемъ разрушу" и пр. (ст. 1—2). См. Посланіе. Ibid., стр. 229. Царь библейскій, свѣдѣнія о которомъ почерпались изъ священной исторіи, былъ именно первой основной идеей царя въ сознаніи русскихъ книжниковъ; другимъ живымъ представителемъ царскаго достоинства являлся для нихъ славный благочестивый царь Византіи, котораго величіе дополнялось церковнымъ освященіемъ, и для обозначенія котораго, кажется, и образовалось впервые наименованіе царя (цезаря; послѣ паденія Византіи онъ уступилъ свое значеніе и роль царю Московскому). Несомнѣнно также, что имя царя признавалось на Руси и за татарскимъ ханомъ: по крайней мѣрѣ, въ періодъ татарскаго могущества, когда оно наводило паническій ужасъ (авторъ посланія на Угру, называющій хана „богостуднымъ", „сквернымъ", „самозваннымъ" царемъ, который „ни царь, ни отъ царскаго рода", писалъ уже въ то время, когда орда распадалась, и прежняго страха естественно не было), ханъ могъ казаться царемъ,—и царь Московскій, въ развитіи власти котораго авторитетъ татарскаго хана игралъ, конечно, не малую роль, извѣстнымъ образомъ наслѣдовалъ ему въ верховной власти надъ русскими князьями и землями.

себя такое положеніе: „се твердое и честное и крѣпкое царство да дастъ ти Господь Богъ въ руцѣ твои, Богомъ утвержденный владыка, и сыномъ сыновъ твоихъ, въ родъ и родъ въ вѣкы“ [1]).

Такими возвышенными чертами надѣлялъ образъ носителя Московской великокняжеской власти одинъ изъ представителей нашей церкви, своимъ знаменитымъ посланіемъ на Угру, имѣвшій въ виду ободрить и укрѣпить Московскаго государя и его воинство въ подвигѣ священной борьбы съ давнишними поработителями Руси—татарами. Насколько высоко поставлялъ архіепископъ—публицистъ положеніе политической главы русскаго государства, это видно уже изъ самыхъ титуловъ, какіе онъ прилагаетъ къ великому князю Московскому въ своемъ посланіи. „Пресвѣтлѣйшій во царѣхъ, преславный государь всея Русіи, благовѣрный, христолюбивый, Богомъ вѣнчанный, Богомъ утвержденный, во благочестіи всея вселенныя въ конци возсіявшій..., великій русьскыхъ странъ христьянскій царь“ и т. п.,—все это такія названія, которыя окружаютъ личность великаго Московскаго князя блесками чисто-царственнаго величія. Не просто лишь царь и государь всея Руси, но царь и государь именно православный, сіяющій благочестіемъ по всей вселенной—вотъ, такъ сказать, полный образъ политической главы „русьскыхъ странъ“, какъ онъ представляется въ воззрѣніяхъ названнаго архіепископа—патріота. Это—образъ православнаго царя—самодержца въ истинномъ смыслѣ этихъ словъ,—царя—самодержца, на которомъ, между прочимъ, лежитъ обязанность „крѣпко стояти“ за вѣру православную. Поэтому-то и послѣдняя окончательная борьба съ незаконнымъ и самозваннымъ властителемъ Руси—царемъ ордынскимъ являлась, по представленію автора посланія, важною для государя Московскаго не въ томъ только отношеніи, что въ случаѣ своего благопріятнаго исхода, она освобождала его отъ чуждой внѣшней зависимости и тѣмъ еще болѣе расширяла его политическое величіе, но и въ томъ, что представляла для него поводъ и средство фактически оправдать возложенную, послѣ

---

[1]) Ibid., стр. 229—230.

паденія Византіи (какъ увидимъ ниже), на личность Московскаго государя великую задачу—быть верховнымъ охранителемъ и защитникомъ православнаго христіанства (въ данномъ случаѣ отъ внѣшнихъ враговъ), быть „истиннымъ верховнымъ пастыремъ врученнаго ему словеснаго стада Христовыхъ овецъ". Говоря иначе, въ этой необходимой и священной борьбѣ съ „окаяннымъ царемъ Ахматомъ единый законный государь всея Руси, великій князь Московскій, долженъ былъ получить одно изъ фактическихъ подтвержденій, что онъ дѣйствительно есть „великій русьскыхъ странъ хрестьянскій царь".

Краснорѣчивое посланіе ревностнаго къ славѣ отечества Ростовскаго владыки, какъ пастырское убѣжденіе въ минуты рѣшавшей судьбу Россіи борьбы съ монголами, безъ сомнѣнія, не осталось бездѣйственнымъ. По свидѣтельству лѣтописи, оно послужило „на укрѣпленіе и на пользу многимъ, якоже самому благочестивому самодержцу, тако и всему его воинству" [1]). Послѣдняя рѣшительная борьба съ царственными ханами Золотой Орды имѣла вполнѣ счастливый для Руси исходъ. Позорное иго, цѣлыхъ 200 лѣтъ тяготѣвшее надъ русскою землею, было, наконецъ, окончательно свергнуто. Если покореніе Великаго Новгорода, незадолго предъ тѣмъ совершившееся, было важнымъ событіемъ времени княженія Іоанна III Васильевича, то теперь совершилось событіе еще болѣе важное, совершилось торжественное возстановленіе нашей государственной независимости, соединенное съ конечнымъ паденіемъ Золотой Орды. Свободная Русь съ полнымъ правомъ, съ отрадою и гордостію могла заговорить теперь о русской силѣ и могуществѣ, а ея верховный представитель—государь Московскій съ полнымъ правомъ могъ теперь сознавать себя могущественнымъ, ни отъ кого независимымъ, русскимъ властителемъ и принять на себя подсказанный духовенствомъ титулъ царя—самодержца. Правда, самый способъ окончательнаго сверженія ханскаго ига являлся не вполнѣ-то соотвѣтствующимъ достоинству „пресвѣтлѣйшаго царя", какъ называетъ Іоанна Васильевича авторъ посланія на Угру, но тѣмъ не

[1]) Степенн. кн., ч. II, стр. 149; Карамз. „Исторія Госуд. Россійск.", т. VI, изд. СПБ. 1819 г., стр. 157 и прим. 232.

менѣе совершившееся радостное событіе вносило не малую долю величія въ общій властительскій обликъ великаго князя Московскаго; оно не увѣнчало этого послѣдняго лаврами, подобно славному герою Куликовской битвы, но утвердило вѣнецъ на главѣ его и, въ связи съ уничтоженіемъ политической самостоятельности различныхъ русскихъ областей и подчиненіемъ ихъ Московскому владычеству, сдѣлало его единымъ независимымъ государемъ всея Руси въ собственномъ смыслѣ этихъ словъ.

Указавъ значеніе для Руси и ея государя одного изъ славнѣйшихъ дѣлъ времени княженія Іоанна III, мы въ заключеніе отдѣла еще разъ позволимъ себѣ въ общихъ чертахъ отмѣтить, что одновременно съ внѣшнимъ ходомъ политическихъ событій (сокрушеніе Новгородской вольности и вообще утвержденіе состава Россіи чрезъ соединеніе ея частей въ одно государственное цѣлое, возстановленіе свободы и независимости объединившейся русской земли отъ чужеземнаго владычества) какъ нельзя болѣе соотвѣтствовавшимъ личнымъ единовластительскимъ стремленіямъ Іоанна Васильевича, въ пользу интересовъ носителя Московской великокняжеской власти дѣйствовала вліятельная сила, исходившая изъ самой русской общественной среды, и стремившаяся предъ сознаніемъ самого русскаго общества оправдать и раскрыть создавшееся положеніе государя Московскаго, предъ которымъ должны преклониться всѣ его враги и противники. Эта вліятельная сила—представители тогдашняго русскаго духовенства, вполнѣ сочувствовавшіе государственно-политическимъ идеямъ Москвы, олицетворявшимся въ лицѣ ея великаго князя, и сознававшіе необходимость оказать послѣднему свое содѣйствіе въ дѣлѣ успѣшнаго осуществленія этихъ идей. Происходившія въ данное время столкновенія новаго порядка политической жизни съ послѣдними крупными остатками удѣльно-вѣчевой старины дали поводъ, какъ мы видѣли, двоимъ первопрестольникамъ русской церкви—митрополитамъ Московскимъ (Филиппу и Геронтію) выступить съ авторитетнымъ пастырскимъ словомъ въ защиту единовластительскихъ правъ „благовѣрнаго и благочестиваго государя рускыхъ земель“—великаго князя Москов-

скаго, признать которыя (права) отказывались вольные русскіе города и земли, свыкшіеся съ духомъ политической свободы и независимости. Сокрушеніе вольности Господина Великаго Новгорода не могло, конечно, вдругъ и совершенно погасить излюбленныхъ политическихъ традицій въ этой, по выраженію Карамзина, „народной державѣ“ [1]), которая жила ими столько вѣковъ и для которой тяжко было Московское владычество; не было здѣсь болѣе общаго мятежа, но проявлялось скрытое неудовольствіе, слышались тайныя жалобы, обнаруживалась природная Новгородская строптивость, открывались и злые умыслы. И вотъ, въ видахъ окончательнаго искорененія этого несогласнаго съ стремленіями и желаніями Москвы Новгородскаго духа и для прочнаго утвержденія здѣсь Московскихъ политическихъ идей, наряду съ внѣшними мѣрами со стороны Московскаго правительства, на самой, такъ сказать, Новгородской почвѣ предпринимались, какъ можно думать на основаніи нѣкоторыхъ, указанныхъ нами, данныхъ, мѣры внутреннія, направленныя къ тому, чтобы литературнымъ путемъ оправдать предъ общественнымъ сознаніемъ наступившій новый политическій порядокъ вещей и примирить его съ этимъ послѣднимъ. Мѣры эти принадлежали мѣстнымъ представителямъ духовенства и книжникамъ изъ среды его, сочувствовавшимъ интересамъ носителя великокняжеской Московской власти. Наконецъ, стремленіе Московскаго государя утвердить свободу и величіе объединившейся подъ его единою властію русской земли чрезъ окончательное сверженіе позорнаго иноплеменнаго ига дало поводъ одному изъ высшихъ представителей нашей церкви, Ростовскому владыкѣ Вассіану, выступить въ роли твердаго увѣщателя къ столь важной для Руси и ея государя битвѣ съ полками Ахмата, при чемъ въ своемъ знаменитомъ посланіи на Угру этотъ архипастырь—публицистъ, въ качествѣ побужденія не щадить усилій для успѣшнаго совершенія предпринятаго подвига, выставляетъ предъ великимъ княземъ Московскимъ создавшуюся высоту его положенія, которое онъ обрисовалъ въ самыхъ возвы-

---

[1]) „Истор. Госуд. Россійск.“ изд. СПБ. 1819 г., Т. VI, стр. 107.

шенныхъ, чисто царственныхъ, чертахъ, рельефно отмѣтивъ при этомъ и главную, лежащую на „великомъ русьскыхъ странъ хрестьянскомъ царѣ“, обязанность—„крѣпко стояти за православное хрестьянство“, быть верховнымъ защитникомъ „благочестивой православной вѣры, святыхъ церквей и врученнаго ему отъ Бога стада Христовыхъ овецъ“, какъ подобаетъ „истинному доброму пастырю“ [1]).

Но заявить себя, между прочимъ, въ положенiи такого верховнаго защитника и охранителя русскаго православiя приходилось теперь Московскому Государю въ виду внѣшнихъ враговъ этого православiя, именно противъ „безбожнаго бесерменства“. За то вскорѣ ему пришлось во всей полнотѣ принять на себя эту роль въ виду угрожавшей православной русской вѣрѣ и церкви опасности со стороны враговъ внутреннихъ. Разумѣемъ появленiе и распространенiе на Руси въ концѣ XV-го вѣка ереси жидовствующихъ. На почвѣ борьбы съ этой ересью со всею силою должно было обнаружиться значенiе власти Московскихъ Государей, какъ достойныхъ замѣстителей православныхъ царей сошедшей въ половинѣ сейчасъ указаннаго вѣка (съ паденiемъ Константинополя въ 1453 г.) съ исторической сцены православной Византiйской имперiи. Верховные представители богохранимой русской державы, содѣлавшейся, послѣ паденiя Византiи, въ сознанiи русскихъ людей единственнымъ сосредоточiемъ и хранилищемъ чистаго, истиннаго православiя, должны были теперь на самомъ дѣлѣ доказать, что они достойные наслѣдники тѣхъ правъ и обязанностей, носителями которыхъ прежде были византiйскiе императоры. Для государей всея Руси явился серьезный фактическiй поводъ на почвѣ самой дѣйствительности примѣнить эти права и обязанности, а напомнить имъ объ этихъ правахъ и обязанностяхъ и раскрыть ихъ основу и содержанiе взялись представители нашего духовенства, выступавшiе борцами противъ еретическаго лжеученiя. Какъ, въ частности, выполняли они дѣло такого напоминанiя и раскрытiя, это будетъ видно изъ слѣдующаго отдѣла нашего изслѣдованiя.

---

[1]) См. Послан. на Угру. Полн. Собр. Лѣт., т. VI, стр. 226, 227.

III.

Положеніе, права и обязанности Государей Московскихъ, какъ замѣстителей православныхъ Византійскихъ царей.

Въ XV вѣкѣ, подъ вліяніемъ политическихъ успѣховъ Москвы, возрастало и ея политическое самочувствіе и церковное самосознаніе. Москва стала тяготиться своею церковною зависимостію отъ Константинополя. Постоянная смѣна (въ первой половинѣ указаннаго вѣка) митрополитовъ на Руси, низведеніе однихъ, избраніе другихъ и совмѣстное назначеніе нѣсколькихъ—все это краснорѣчиво свидѣтельствовало, какими интересами (матеріальными) руководились въ такихъ случаяхъ въ греческой столицѣ и возбуждало сильныя сомнѣнія въ законности существующихъ отношеній. Къ этому присоединились такого рода совершившіяся въ самой Византіи церковно-гражданскія событія, которыя весьма значительно поколебали прежде такъ высоко стоявшій авторитетъ грековъ въ глазахъ русскихъ людей. „Суемысленный и богоотверженный" (какъ называли наши книжники [1]) Флорентійскій соборъ, провозгласившій единеніе между восточною и западною церквами, въ связи съ неудачнымъ дѣломъ русскаго митрополита Исидора, явившагося съ собора на Русь съ цѣлію и ея „великое православіе—по выраженію митр. Іоны—поддати въ римская законоположенія и ученія" [2]), а также немного времени спустя послѣдовавшее паденіе самаго Константинополя—всѣ эти событія сильно подѣйствовали на церковно-политическое созиданіе Руси, внесли сюда новыя понятія, которыя должны были живѣйшимъ образомъ отразиться на этомъ созиданіи. Какія же, въ частности, перемѣны совершились въ воззрѣніяхъ русскаго общества подъ вліяніемъ сейчасъ указанныхъ событій византійской исторіи?

Провозглашеніе на Флорентійскомъ соборѣ уніи между

---

[1]) См. Степенн. кн., ч. II, стр. 9. Митр. Іона назыв. его „окааннымъ и богомерскимъ осмымъ сборищемъ". См. его окружн. послан. къ Литов. епископамъ въ Русс. Истор. Библіот., т. VI, столб. 622; такое же названіе прилагаетъ къ нему митр. Филиппъ въ посланіи къ Новгородцамъ. Ibid., столб. 729.

[2]) См. его посланіе къ Литов. владыкамъ, адресованное къ Смолен. еписк. Мисаилу. Ibid., столб. 660.

византійскою и римскою церквами наложило въ умахъ русскихъ людей густую тѣнь сомнѣія на православіе грековъ. Въ воззрѣніяхъ русскихъ книжниковъ унія повредила греческое православіе; чрезъ неё греки оказались измѣнниками чистой православной вѣрѣ, отступниками отъ истинаго благочестія, совершили великое преступленіе, такъ-какъ „приложилисъ къ латыномъ“ и сдѣлались общниками ихъ „богоотметной ереси“ [1]). Чистая вселенская истина осталась только на Руси; только она одна является теперь представительницею и хранительницею истиннаго благочестія, и хранимая ею вѣра есть *„высшее, великое Христіанство“*, *„большее, истинное православіе“* [2]). Какъ бы въ подтвержденіе этихъ воззрѣній на Русь и ея православіе, почти вслѣдъ за страшною вѣстію о великомъ преступленіи греческой церкви приходитъ въ Москву новая и еще болѣе страшная вѣсть. Въ 1453 г. греческое царство падаетъ отъ руки „бозбожныхъ агарянъ“; седмихолмный городъ, на которомъ возсіяло столько благодатей божіихъ, прославленъ былъ и возвеличенъ паче другихъ городовъ, хранимъ былъ Богоматерію во всѣ времена [3]),—этотъ знаменнитый городъ становится достояніемъ невѣрныхъ; „на царскомъ престолѣ благороднѣйша суща всѣхъ иже подъ солнцемъ сѣде беззаконный Махметъ“ [4]). Естественно, что для сознанія русскихъ книжниковъ это роковое для Византіи событіе являлось не инымъ чѣмъ, какъ результатомъ отступленія ея представителей (царя и патріарха) отъ православной вѣры, Божіимъ наказаніемъ за это именно ихъ преступленіе [5]). Это попущенная отъ Бога за измѣну православію и совершенная рукою „беззаконнаго Махмета“ казнь надъ Византійскимъ

[1]) См. послан. русскихъ еписк. Литовскимъ о пребываніи въ союзѣ съ митр. Іоною. Русск. Истор. Библіот., т. VI, столб. 633; см. также посланія Іоны къ Литовск. епископамъ. Ibid., столб. 623, 648—649; посл. митр. Филиппа въ Новгородъ. Ibid., столб. 727—729; Полн. Собр. Лѣтоп., т. VI, стр. 167; Никон. Лѣт., ч. V, стр. 136, 146.

[2]) См. посланія митр. Іоны. Русс. Истор. Библіот., т. VI, столб. 622, 637, 665; Полн. Собр. Лѣтоп., т. VI, стр. 152—153; Никон. Лѣтоп., ч. V, стр. 146.

[3]) Никон. Лѣтоп., ч. V, стр. 258.

[4]) Степенн. кн., ч. II, стр. 69; Полн. Собр. Русс. Лѣт., т. VIII, стр. 43.

[5]) См. Посланія митр. Іоны къ Литов. епископамъ. Русс. Истор. Библіот., т. VI, столб. 623, 648—649; посл. митр. Филиппа въ Новгородъ. Ibid. столб. 728—729.

царствомъ служила какъ бы новымъ и при томъ неоспоримымъ доказательствомъ мысли о той роли, какая выпадала отселѣ русской державѣ. Теперь казалось несомнѣннымъ, что на лицѣ земли остался одинъ только истинно-христіанскій народъ—святая православная Русь, куда и бѣжала теперь, послѣ паденія Константинополя, вселенская церковь, и гдѣ отнынѣ должны рѣшаться судьбы всего человѣчества [1]).

Но въ сознаніи русскихъ людей представленіе о православіи неизбѣжно должно было ассоціироваться съ представленіемъ о царѣ, какъ его высшемъ государственномъ блюстителѣ. Примѣръ и вліяніе Византіи необходимо создавали такую ассоціацію. Православная восточно-византійская церковь не могла быть безъ православнаго царя. Здѣсь этотъ царь являлся для церкви, какъ ея centrum initatis, разсматривался, какъ общій, поставленный отъ Бога, епископъ, имѣющій особенное попеченіе о церкви Божіей и, при возникновеніи разногласій, учреждающій соборы служителей Божіихъ [2]). Первый вселенскій соборъ въ своей привѣтственной рѣчи императору Константину рельефно проводилъ мысль, что царская власть поставлена Богомъ для водворенія общаго церковнаго мира и для утвержденія истинной вѣры и благочестія [3]). Съ чрезвычайною ясностію и силой выражена идея высшей церковной власти императора въ посланіи отцовъ седьмого вселенскаго собора „благочестивѣйшимъ и свѣтлѣйшимъ государямъ Константину и матери его Иринѣ". „Державнѣйшіе императоры!—писали отцы собора. Славится Глава церкви, Христосъ Богъ

---

[1]) По вопросу о византійскомъ преемствѣ, см. статью Архангельскаго: „Образов. и Литер. въ Москов. государствѣ кон. XV—XVII в.в." Учен. Зап. Казан. Универ. 1898 г., кн. 7—8; см. также Иконникова: „Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русс. исторіи". Кіевъ. 1869 г.; Терновскаго: „Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси", вып. 1—2, Кіевъ 1875—1876 г.; Каптерева: „Характеръ отношеній Россіи къ правосл. Востоку въ XVI и XVII стол." М. 1885; проф. Владимірскаго—Буданова: „Обзоръ исторіи русскаго права". Изд. 2. Кіевъ 1888 г., стр. 143 и дал.

[2]) См. сочин. Евсевія Памфила: „О жизни блаженнаго царя Константина", гл. 44. Сочин. Евсевія Памфила, перев. съ греч. при С.-Петерб. дух. акад., изд. 1850 г., т. II, стр. 92.

[3]) См. Дѣян. вселен. соб. въ русск. перев. Казан. дух. академіи, изд. 1859 г., т. I, стр. 86—87.

нашъ; такъ-какъ хранимое руками Его сердце Ваше произнесло доброе слово и повелѣло намъ собраться во имя Его, чтобы сохранить непоколебимымъ и несокрушимымъ твердое и божественное ученіе церкви... Какъ руководители всего Вашего носящаго Христово имя народа, Вы увѣковѣчили слово истины и изобразили характеръ православія и благочестія, возсіяли для вѣрующихъ, яко свѣтильники, издающіе на всѣ стороны сіяніе, церквамъ, находившимся въ опасности, подали руку помощи, утвердили въ нихъ здравое ученіе и укрѣпили единомысліе между разномыслящими" [1]). Сообразно такимъ возвышеннымъ взглядамъ представителей церкви на положеніе, права и обязанности имераторской власти, и сами византійскіе императоры смотрѣли на себя, какъ на лицъ, которые облечены отъ Бога и царскимъ могуществомъ, и священническимъ попеченіемъ. Въ этомъ именно смыслѣ они иногда называли себя „императорами и священниками" [2]), а издавая свои различные законы и постановленія, выражались, что они заповѣдуютъ „divino verbo", издаютъ „divina praecepta", „divinam jussionem" [3]). И хотя въ византійскомъ императорскомъ законодательствѣ ясно и точно проводилась идея о правахъ церкви на независимость и широту ея дѣятельности и власть церковная весьма высоко поставлялась въ сферѣ государственной [4]), но высокій взглядъ государства на права церковной

[1]) Дѣян. вселен. соб., т. VII, стр. 613; сн. посл. Халкид. (IV вселен.) соб. къ импер. Валентиніану и Маркіану. Ibid., т. III, стр. 666.

[2]) Такъ называлъ себя напр. импер. Левъ Исаврянинъ въ своей перепискѣ съ папою Григоріемъ II. Ibid, т. VII, стр. 40—41.

[3]) См. объ этомъ у Еписк. Никодима: „Правосл. Церковное Право", перев. съ сербскаго Петровичемъ, СПБ. 1897 г., стр. 684 и прим. 12.

[4]) Вотъ какъ напр. опредѣляется взаимоотношеніе императорской и патріаршей власти въ уложеніяхъ императоровъ—Василія I и Льва VI: „государство,—говорится здѣсь—подобно организму человѣческому, состоитъ изъ частей и членовъ, и величайшіе и необходимые члены его суть императоръ и патріархъ. Поэтому миръ и счастіе подданныхъ какъ по тѣлу, такъ и по душѣ достигается полнѣйшею гармоніею и согласіемъ этихъ обѣихъ властей—императорской и первосвященнической". См. „Очерки внутренней исторіи восточ. церкви въ IX, X и XI вѣкахъ" проф. А. Лебедева въ Чтен. въ Общ. Люб. дух. просвѣщ. за 1876 г., ч. I, стр. 39; см. также „Правосл. Церк. Право" Еп. Никодима, стр. 681—683. А въ дѣяніяхъ VII всел. соб. взаимоотношеніе двухъ указанныхъ властей кратко выражено такъ: „священникъ есть освященіе и укрѣпленіе императорской власти, а императорская власть есть сила и твердыня священства". Дѣян. вселен. соборъ въ русс. перев., т. VII, стр. 202.

власти нерѣдко существовалъ только въ теоріи; дѣйствительныя же отношенія къ церкви царственныхъ властителей Византіи часто далеко не соотвѣтствовали той идеѣ гармоніи и согласія между властями—императорскою и церковною, между царствомъ и священствомъ, какая жила въ сознаніи самихъ же Византійцевъ: многіе изъ этихъ царей—властителей на дѣлѣ проявляли гораздо больше власти, чѣмъ сколько позволяла имъ церковь въ ея сферѣ [1]). По свидѣтельству историка Никиты Хоніата, византійскіе императоры считали для себя невыносимою обидою, если ихъ не признавали мудрецами, людьми подобными богамъ по виду, героями по силѣ, богомудрыми подобно Соломону, богодухновенными руководителями, вѣрнѣйшимъ правиломъ изъ правилъ, однимъ словомъ—непогрѣшимыми судьями дѣлъ божескихъ и человѣческихъ, установителями догматовъ и судьями, наказывающими тѣхъ, кто не соглашается съ ними [2]).

Положеніе, права и обязанности византійской императорской власти съ ея священнымъ іерархическимъ значеніемъ (какъ эта власть представлялась въ византійскихъ государственныхъ теоріяхъ) не безызвѣстны были и великимъ князьямъ Московскимъ,—тѣмъ болѣе, что сами патріархи Константинопольскіе иногда давали имъ на этотъ разъ прекрасные уроки. Вотъ что писалъ напр. объ императорахъ византійскихъ патріархъ Констант. Антоній въ своемъ посланіи къ великому князю Московскому Василію Димитріевичу: „святой царь —говорится въ посланіи—занимаетъ высокое мѣсто въ церкви; онъ не то, что другіе, помѣстные князья и государи. Цари въ началѣ упрочили и утвердили благочестіе во всей вселенной; цари собирали вселенскіе соборы; они же подтвердили своими законами соблюденіе того, что говорятъ божественные и священные каноны о правыхъ догматахъ и о благоустройствѣ христіанской жизни, и много подвизались противъ ере-

---

1) Подробнѣе см. объ этомъ въ указанной статьѣ проф. Лебедева; см. также изслѣдов. проф. Нарбекова: „Номоканонъ Констант. патр. Фотія съ толков. Вальсамона“. Казань 1899 г., ч. I, стр. 135—142.

2) Ист. Никиты Хоніата въ русс. перев., СПБ. 1860 г., I, стр. 271—272; сн. II, стр. 122—123.

сей; наконецъ, цари вмѣстѣ съ соборами своими постановленіями опредѣлили порядокъ архіерейскихъ каѳедръ и установили границы митрополичьихъ округовъ и епископскихъ епархій. За все это они имѣютъ великую честь и занимаютъ высокое мѣсто въ церкви. И если, по Божію попущенію, язычники окружили владѣнія и землю царя, всеже до настоящаго дня царь получаетъ тоже самое поставленіе отъ церкви, по тому же чину и съ тѣми же молитвами помазуется великимъ мvромъ и поставляется царемъ и самодержцемъ (χειροτονεῖται βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ) ромеевъ т. е. всѣхъ христіанъ. На всякомъ мѣстѣ, гдѣ только именуются христіане, имя царя поминается всѣми патріархами, митрополитами и епископами, и этого преимущества не имѣетъ никто изъ прочихъ князей или прочихъ властителей [1]). Нѣтъ ничего хорошаго, если ты говоришь: мы имѣемъ церковь, а не царя. Невозможно христіанамъ имѣть церковь, но не имѣть царя. Ибо царство и церковь находятся въ тѣсномъ союзѣ и общеніи между собою, и невозможно отдѣлить ихъ другъ отъ друга. Тѣхъ только царей отвергаютъ христіане, которые были еретиками, неистовствовали противъ церкви и вводили развращенные нравы, чуждые апостольскаго и отеческаго ученія. А высочайшій и святой мой самодержецъ, благодатію божіею, есть государь православнѣйшій и вѣрнѣйшій, поборникъ, защитникъ и отмститель церкви; поэтому невозможно быть архіереемъ и не поминать его. Послушай верховнаго ап. Петра, говорящаго въ первомъ соборномъ посланіи: Бога бойтеся, царя чтите, не сказалъ „царей", чтобы кто не сталъ подразумѣвать именующихся царями у разныхъ народовъ, но „царя", указывая на то, что одинъ только царь во вселенной" [2]). Такова власть съ ея прерогативами, вмѣщавшаяся въ лицѣ православнаго византійскаго царя. Эта власть, власть въ полномъ смыслѣ неограниченная, монархическая, равно касалась какъ граж-

[1]) Въ княженіе Василія Дмитріевича, при митрополитѣ Кипріанѣ (который, между прочимъ, сдѣлалъ у насъ извѣстной „молитву на постановленіе царя или князя") на Руси было отмѣнено поминаніе именъ византійскихъ императоровъ. По этому именно поводу патріархъ и прислалъ великому князю посланіе. См. Пыпина „Ист. русс. литерат." т. II, СПБ. 1898 г., стр. 12—13.

[2]) Русск. Истор. Библіот., т. VI. Приложенія, столб. 272—276.

данскихъ, такъ и церковныхъ дѣлъ и по характеру своему считалась властію наслѣдственною, проистекающею отъ Бога. Въ торжественномъ обрядѣ вѣнчанія и помазанія на царство [1]) императоръ получалъ религіозно-церковное освященіе своей власти, и причислялся къ разряду лицъ священныхъ, на которыхъ излита благодать Божія. Царскія регаліи—корона, скипетръ и держава служили внѣшнимъ символомъ его высшей царской власти.

И вотъ теперь, съ паденіемъ Царьграда и водвореніемъ на его мѣстѣ турецкой державы, эти православные византійскіе цари, представлявшіе изъ себя политическую главу всего православнаго міра, сошли съ исторической сцены, не устоявъ на высотѣ своего царственнаго призванія—быть верховными блюстителями и защитниками истиннаго благочестія, истинной православной вѣры, и даже явившись измѣнниками православію и чрезъ то навлекши на свое царство грозную божественную кару. Но если, такимъ образомъ, прежніе царственные блюстители православія не оказались вѣрными высотѣ своего положенія и такъ печально закончили свою историческую судьбу, то кто же—спрашивалось—явится ихъ достойнымъ наслѣдникомъ, кому послѣ нихъ будетъ принадлежать высокая и священная роль царственнаго охранителя истинной вѣры и благочестія, если не для всей православной вселенной, то, по крайней мѣрѣ, для обособленныхъ ея частей? У русскихъ книжниковъ, благодаря предшествовавшимъ обстоятельствамъ Флорентійской уніи, скоро нашелся отвѣтъ на этотъ вопросъ. Въ ихъ сознаніи кто иной могъ явиться такимъ достойнымъ замѣстителемъ и наслѣдникомъ царей византійскихъ, какъ не Московскій великій князь, который съ ревностію возсталъ на защиту „древняго благочестія“ отъ угрожавшей ему

---

[1]) Чины вѣнчанія греческихъ царей на царство см. въ приложеніяхъ къ статьѣ Е. Барсова: „Историч. очеркъ чиновъ вѣнчанія на царство“. Чтен. въ Общ. Исторіи и древн. Россійск. при Москов. Универс. за 1883 г., кн. I, стр. 1—31. Здѣсь приведено изъ сочиненія Кодина: „Объ обрядахъ Константинопольскаго двора и чинахъ великой церкви“ повѣствованіе о вѣнчаніи царей, а также помѣщенъ чинъ коронованія императора Мануила Палеолога въ 1392 г., описанный русскимъ путешественникомъ, Смоленскимъ іеродіакономъ Игнатіемъ, который былъ въ Царьградѣ очевидцемъ этой коронаціи.

со стороны уніи опасности, который въ это тревожное время „единъ обрѣтеся Богомъ вразумляемый ревнитель по Бозѣ и по Его истинномъ законѣ“ [1]), который осудилъ унію, „позналъ Сидора волкохыщнаго ересь и скоро обличивъ посрамилъ его“ и тѣмъ спасъ „святую церковь иже въ Руси цвѣтущаго благочестія безнавѣтну и безмятежну“ [2]),—тотъ великій русскій князь, о которомъ—по разсказу неизвѣстнаго автора „слова объ осьмомъ соборѣ“ [3])—императоръ Іоаннъ Палеологъ (чтобы побудить папу Евгенія IV помедлить открытіемъ собора до прибытія представителя отъ русской земли) предъ собравшимися представителями восточной и западной церквей говорилъ, что „ему восточніи цари прислухаютъ и велиціи князи съ землями служатъ ему“ и что только „смиренія ради и благочестія не зовется онъ царемъ, но княземъ великимъ русскихъ земль православіа“ [4]). Явившись главнымъ виновникомъ торжества „великаго православія русскія земли“ надъ кознями враговъ, хотѣвшихъ въ него „всѣяти, яко плевелъ во пшеницу, римское ученіе [5]), этотъ великій князь русскій вполнѣ достойно былъ названъ „новымъ Владимеромъ, благочестія ревнителемъ и мудрымъ изыскателемъ святыхъ правилъ богоуставнаго закона святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ преданія, иже во благочестіи цвѣтущимъ“ [6]), „русскія земли утвержденіемъ и православной вѣрѣ исправленіемъ“ [7]). Новое высокое положеніе представителя русской земли, въ которой одной, послѣ паденія Византіи, сіяетъ „истинная вѣра благочестія“, нужно было отмѣтить соотвѣтствующими прибавленіями и въ самомъ

1) Степенн. кн., ч. II, стр. 11.

2) См. Полн. Собр. Лѣтоп., т. VI, стр. 162—163.

3) По предположенію проф. Павлова, слово это принадлежитъ Пахомію Сербу, современнику и сотруднику Симеона, іерея Суздальскаго, описавшаго путешествіе митр. Исидора въ Италію на Флорент. соборъ. См. его „Критич. опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латынянъ“, СПБ. 1878 г., стр. 100.

4) Никон. Лѣтоп., ч. V, стр. 129; Полн. Собр. Лѣтоп., т. VI, стр. 153; Степенн. кн., ч. II, стр. 9.

5) Послан. митр. Іоны Литовск. князьямъ. Русс. Истор. Библ., т. VI, столб. 637.

6) Посл. митр. Іоны къ Литов. епископамъ (1460 г.) Русс. Ист. Библ., т. VI, столб. 647.

7) Изъ „Повѣсти, како римскій папа Евгеній состави осмый соборъ съ своими единомышленники“, принадл. перу Суздальскаго іерея Симеона. Уч. Зап. Имп. Каз. Унив. за 1898 г., кн. 7—8, стр. 180.

его титулѣ, и вотъ онъ сталъ называться „благороднымъ, благовѣрнымъ, благочестивымъ, христолюбивымъ“ [1]), „въ благочестьи цвѣтущимъ православнымъ великимъ княземъ“, „великимъ православнымъ государемъ“ [2]), „боговѣнчаннымъ православью царемъ всея Руси“ [3]), а вся его „великая русская держава“—„православнымъ великимъ самодержьствомъ“ [4]).

Итакъ, царство изъ Византіи перешло на Русь; на защиту православія, вмѣсто прежнихъ его законныхъ блюстителей—царей греческихъ, возсталъ великій князь русскій. Онъ теперь единственный православный государь, единственный „благочестивыя вѣры истинный поборникъ и о истинѣ усердный ревнитель“ [5]); на него-то и должна быть перенесена теперь та идея представительства православнаго христіанства, которая прежде была достояніемъ единовѣрной Россіи имперіи греческой [6]).

---

[1]) См. посланія митр. Іоны. Русс. Ист. Библ., т. VI, столб. 548, 621, 642, 651.

[2]) Ibid., столб. 659, 661, 665.

[3]) Изъ „слова избранна отъ святыхъ писаній, еже на латыню“..., составленн. при митр. Θеодосіи. См. сочин. А. Попова: „Историко-литератур. обзоръ древнерусскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ“ М. 1875 г., стр. 394—395.

[4]) Русск. Истор. Библ., т. VI, столб. 623 (окруж. посл. митр. Іоны литов. еписк.), столб. 662 (его же грамота еп. Смоленск. Мисаилу).

[5]) Степенн. кн., ч. II, стр. 9.

[6]) Мысль о преемственномъ перенесеніи въ Москву политическаго и церковнаго значенія Византіи и, въ частности, о Московскихъ государяхъ, какъ единственныхъ и законныхъ продолжателяхъ императоровъ греческихъ, нашла себѣ образное выраженіе въ цѣломъ рядѣ сложившихся на русской почвѣ сказаній. Таковы именно сказанія объ исконныхъ генеалогическихъ связяхъ Московскихъ великихъ князей съ императорами римскими (Рюрикъ—потомокъ римскаго кесаря Августа) и о перенесеніи изъ Греціи на Русь, еще при Владимірѣ Мономахѣ, священныхъ царскихъ инсигній. Сказанія эти должны были служить въ глазахъ современниковъ какъ бы оправдательнымъ историческимъ документомъ для мысли о Московскомъ царствѣ, какъ „третьемъ Римѣ“, послѣ того, какъ пали „первый“ Римъ и „второй“. Подробности см. у Пыпина: „Ист. русс. литер.“, т. II, СПБ. 1898 г., стр. 2—16. Родословіе отъ Пруса, брата или сродника кесаря Августа, и сказаніе о Мономаховомъ вѣнцѣ получили особенную извѣстность при Іоаннѣ IV, что можно видѣть изъ памятниковъ дипломатическихъ сношеній времени этого грознаго царя. О царственныхъ регаліяхъ см. также: А. Θ. Вельтмана: „Царскій златой вѣнецъ и царскія утвари, присланныя импер. Василіемъ и Константиномъ первовѣнчанному велик. князю Владиміру Кіевскому“ въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс. за 1860 г., кн. I; Прозоровскаго: „Объ утваряхъ, приписываемыхъ Владиміру Мономаху“ въ Записк. отд. русск. и славян. археол. Импер. Русс. Археол. Общ. 1882, III; Н. П. Кондакова: Русскіе клады. Изслѣдов. древностей великокняжескаго періода, I, Спб. 1896 г. и др.

Такія лестныя для русскихъ патріотовъ мысли о выпавшей, послѣ паденія Царяграда, на долю православной Руси и ея представителя—государя Московскаго особой великой миссіи съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе распространялись на русской почвѣ и все глубже и глубже входили въ общественное сознаніе, нашедши для себя въ первой половинѣ XVI вѣка окончательную и полную формулировку въ посланіяхъ старца Псковскаго Елеазарова монастыря Филоѳея. Вотъ что писалъ этотъ старецъ въ своемъ посланіи къ великому князю Василію Іоанновичу [1]): „Иже отъ вышняя и отъ всемощныя, вся-содержащія десница Божія, имже царіе царствуютъ и имже велиціи величаются и силніи пишутъ правду,—тебѣ пресвѣтлѣйшему и высокостолнѣйшему Государю великому князю, православному христіанскому царю и владыцѣ всѣхъ, браздодержателю святыхъ Божіихъ престолъ святыя вселенскія и апостольскія церкви пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго Ея успенія, иже вмѣсто римскія и константинопольскія просіявшу. Стараго убо Рима церкви падеся невѣріемъ аполлинаріевы ереси; втораго же Рима Констянтинова града церкви агаряне внуцы сѣкирами оскордми разсѣкоша двери. Сія же нынѣ третьяго новаго Рима державнаго твоего царствія святая соборная апостольская церкви, иже въ концыхъ вселенныя въ православной христіанстѣй вѣрѣ во всей поднебеснѣй паче солнца свѣтится. И да вѣсть твоя держава, благочестивый царю, яко вся царства православныя христіанскія вѣры снидошася въ твое едино царство: единъ ты во всей поднебеснѣй христіаномъ царь... Не преступай, царю, заповѣди, еже положиша твои прадѣды великій Константинъ и блаженный Владиміръ и великій богоизбранный Ярославъ и прочіи блаженніи святіи, ихже корень и до тебе... *Блюди и внемли, благочестивый царю, яко вся христіанская царства снидошася во твое едино, яко два Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому не быти: уже твое христіанское царство инъмъ не достанется, по великому Богослову*“ [2]). А въ посланіи къ дьяку

[1]) По мнѣнію проф. Малинина, написано м. 1515—1521 г.г. См. его ст.: „Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланіе къ царю и вел. кн. Ивану Васильевичу“ въ Труд. Кіев. дух. акад. за 1888 г., май, стр. 72—126.

[2]) См. Правосл. Собесѣдн. за 1863 г., ч. I, стр. 343—348.

Михаилу Мунехину (служившему при царскихъ намѣстникахъ во Псковѣ съ 1510—1528 г.) тотъ же старецъ, давъ названному дьяку отвѣтъ на его вопросъ объ астрологическихъ предсказаніяхъ, въ заключеніе пишетъ: „о сихъ убо преупокоивше слово, мала нѣкая изречемъ словеса о нынѣшнемъ православномъ царствіи пресвѣтлѣйшаго и великостолнѣйшаго государя нашего, иже по всей поднебеснѣй единаго христіаномъ царя, и браздодержателя святыхъ божіихъ престолъ, святыя и вселенскія церкви, иже вмѣсто римской и Константинопольской иже есть въ богоспасенномъ градѣ Москвѣ, святаго и славнаго успенія пресвятыя Богородицы, иже едина во всей вселеннѣй паче солнца свѣтится. И да вѣси, христолюбче и боголюбче, яко *вся христіанская царства преидоша въ конецъ и снидошася во едино царство нашего государя, по пророческимъ книгамъ, то есть россійское царство; два убо Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому не быти...* Христіанская царства потопишася отъ невѣрныхъ, токмо единаго нашего государя царство, благодатію Христовою, стоитъ [1]).

Такова теорія о православномъ русскомъ царствѣ въ ея, такъ сказать, заключительной Филоѳеевской редакціи. Послѣ паденія Византіи все православное христіанство заключилось въ одно царство православнаго русскаго государя. Старый Римъ палъ, заразившись ересью Аполлинарія; новый Римъ—Константинополь палъ и нравственно, и политически, сдѣлавшись столицею басурманства, за свое соединеніе съ латинянами на осьмомъ (Флорентійскомъ) соборѣ. На ихъ мѣсто выступилъ третій и послѣдній Римъ—Москва, которая и яви-

[1]) Правосл. Собесѣдн. за 1861 г., ч. II, стр. 95—96. Мысль, что послѣ паденія Византіи на лицѣ земли остался одинъ только истинно—христіанскій царь, именно государь русскій, рельефно также выразилъ Максимъ грекъ въ своемъ посланіи къ вел. кн. Василію Іоанновичу о переводѣ Толковой Псалтири. Прося великаго князя отпустить его съ товарищами въ тишину св. Аѳонской обители, Максимъ писалъ Василію Іоанновичу: „да уразумѣютъ отъ насъ и тамо пребывающіи христіане, яко имѣютъ еще царя, не о языцѣхъ токмо безчисленныхъ и о иныхъ множайшихъ удивленія и слышанія достойныхъ царски изобилующа, но яко правдою и православіемъ паче всѣхъ прославленъ есть, яко Константину и Ѳеодосію Великимъ уподобитися мощи, имъ же и твоя держава послѣдующи, буди и намъ нѣкогда царствовати, отъ нечестивыхъ работы освобожденнымъ Тобою“. См. Карамзина: „Ист. Госуд. Россійск.“, т. VII, изд. 2. Спб. 1819 г., пр. 340.

лась теперь единственнымъ въ мірѣ убѣжищемъ православія и благочестія. Московскій государь сталъ теперь единственнымъ въ мірѣ „правовѣрствующимъ царемъ“ [1]). Какъ преемникъ величія и славы древнихъ всемірныхъ государей, онъ долженъ быть во всемъ подобенъ имъ: титулъ Августа и скипетръ Константина должны украшать и его, какъ самодержца и браздодержателя престоловъ древнихъ всемірныхъ монархій, соединившаго ихъ въ одно великое цѣлое [2]).

Окружая, такимъ образомъ, ореоломъ величія православное русское царство, заступившее непосредственно мѣсто славной византійской имперіи, выдвигая Московскаго государя, какъ „единаго во всемъ мірѣ царя православнаго“, указанная Московская теорія этимъ самымъ сообщала русскому государю религіозное освященіе. Для усиливавшейся власти Московскихъ великихъ князей это было какъ нельзя болѣе кстати.

---

1) Неизвѣстный авторъ „слова къ благохотящимъ царемъ, правительницамъ и землемѣріемъ“ такъ отзывается о русскомъ царѣ: „аще убо вѣрныхъ царь въ нынѣшнее время испытоваемъ, во всѣхъ языцѣхъ, кромѣ русійскаго языка, не вѣмы правовѣрствующа царя“. См. сочин. Жмакина: „Митр. Даніилъ и его сочиненія“. М. 1881 г., Прилож. XXII, стр. 70.

2) Насколько твердо укрѣпилась въ сознаніи русскихъ людей формулированная старцемъ Филоѳеемъ идея о значеніи (послѣ паденія Византіи) Правосл. Руси и ея Государей, съ ясностію можно усматривать, м. прочимъ, изъ того, что идея эта въ той же самой Филоѳеевской формулировкѣ повторена въ грамотѣ объ учрежденіи патріаршества, написанной по приказанію царя Ѳеодора Ивановича на пергаменѣ золотомъ и червленою краскою. Въ грамотѣ въ уста патріарха Іереміи вкладываются слѣдующія слова, представляющія изъ себя какъ бы буквальную выдержку изъ посланій вышеназваннаго старца: „По истинѣ—сказалъ будто бы Московскому государю Іеремія—въ тебѣ, благочестивомъ царѣ, пребываетъ Духъ Святый, и отъ Бога такая мысль (т. е. объ учрежд. патріарш.) тобою будетъ приведена въ дѣло, ибо *древній Римъ палъ Аполлинаріевою ересью, а второй Римъ—Константинополь находится въ обладаніи внуковъ агарянскихъ, безбожныхъ турокъ; твое же великое Россійское царство, третій Римъ, превзошло всѣхъ благочестіемъ, и вся благочестивыя царства собрались въ твое царство, и ты одинъ подъ небесами именуешься христіанскимъ царемъ во всей вселенной у всѣхъ христіанъ*“. См. „Ист. русс. Церкви“ Преосв. Макарія, т. X, Спб. 1881 г., стр. 40. Извѣстный Арсеній Сухановъ, отправленный около половины XVII в. на востокъ для собранія свѣдѣній о богослужебныхъ книгахъ и обрядахъ (по поводу возникавшаго раскола), въ преніи своемъ съ византійцами, м. прочимъ, сказалъ: „нынѣ, вмѣсто царя (Цареградскаго) на Москвѣ Государь—царь благочестивый, единый царь благочестивый во всей подсолнечной, и царство его христіанское Богъ прославилъ“. Ibid., т. XI, стр. 155.

Естественно, что эти князья спѣшили воспользоваться этимъ новымъ средствомъ для окончательнаго установленія на Руси въ своемъ лицѣ единодержавія и самодержавія. Урокъ, данный Константинопольскимъ патріархомъ Антоніемъ Василію Димитріевичу (о необходимости во всемъ христіанскомъ мірѣ признать власть единаго византійскаго царя) не пропалъ даромъ. Вступившій въ бракъ съ греческой царевной, въ лицѣ которой совершилась какъ бы передача наслѣдственныхъ правъ потомства Палеологовъ русскому великокняжескому дому,* Іоаннъ Васильевичъ III первый положилъ начало претензіямъ со стороны Московскихъ князей на титулъ и власть византійскихъ императоровъ. Сынъ Іоанна III, Василій III, уже носилъ фактически царскій титулъ, а Іоаннъ IV Грозный принялъ этотъ титулъ оффиціально вмѣстѣ съ сказаніемъ, по которому знаки царственнаго достоинства переданы были византійскими царями еще Владиміру Мономаху. Но, конечно, мало было одной воли царя и одной слишкомъ общаго характера теоріи, чтобы сдѣлать, такъ сказать, жизненными, твердо укоренить въ живомъ общественномъ сознаніи византійско-государственныя понятія о царскихъ правахъ и обязанностяхъ, соединявшихся съ новымъ положеніемъ Московскаго государя, въ какое ставила его Московская теорія,—съ положеніемъ единаго въ мірѣ царственнаго блюстителя чистоты вѣры и благочестія, верховнаго представителя единственнаго во всей вселенной православнаго царства, въ которомъ, послѣ совершившейся надъ Византіей божественной кары, нашла достойное для себя мѣсто обитанія истинная православная церковь. Для этого нужно было живое содѣйствіе самой церкви, и такое содѣйствіе, какъ увидимъ ниже, дѣйствительно и оказали Московскимъ государямъ ея представители въ концѣ XV и первой половинѣ XVI в.в., какъ будто нарочито стремившіеся и смысломъ своей проповѣди, и самымъ дѣломъ представить дальнѣйшее наглядное раскрытіе идей о значеніи власти государя Московскаго, возникавшихъ на основѣ изложенной нами теоріи о православномъ русскомъ царствѣ.

Въ послѣдней четверти XV вѣка въ православномъ русскомъ царствѣ, гдѣ дотолѣ—по изображенію (кстати замѣтить, не со-

всѣмъ-то исторически—вѣрному) Іосифа Волоцкаго—въ теченіе 470 лѣтъ не было „ниединаго еретическая мудрствующа, но вси славили Святую Троицу“ [1]), явилась и распространилась ересь, грозившая ниспровергнуть утвердившееся и полнымъ свѣтомъ сіявшее въ этомъ царствѣ православіе. Нужно было позаботиться принять мѣры къ искорененію злыхъ еретическихъ плевелъ, явившихся на чистой нивѣ россійскаго православія, нужно было удалить опасность, такъ неожиданно нависшую надъ православною Русью, издавна гордившеюся предъ всѣми другими странами чистотою своей вѣры. За измѣну этой вѣрѣ палъ первый Римъ, за измѣну ей подвергся скверному плѣненію Агарянскому и новый Римъ—Царьградъ. На мѣсто ихъ носителемъ и хранителемъ истиннаго благочестія, чистой православной вѣры выступилъ третій и послѣдній Римъ—Москва, Московское царство. И вотъ теперь и для этого послѣдняго Рима вдругъ создалась великая опасность потерять чистоту православія и такимъ образомъ не выполнить той роли, которая доставалась ему по Константинопольскому наслѣдству. Но кому другому,—спрашивалось,—нужно было принять на себя главную заботу объ устраненіи явившейся опасности, на комъ другомъ лежала прежде всего обязанность предпринять мѣры къ пресѣченію зла, какъ не на верховномъ представителѣ этого третьяго и послѣдняго Рима, на православномъ русскомъ царѣ, заступавшемъ теперь мѣсто православныхъ царей греческихъ—прежнихъ ревнителей вѣры и ея защитниковъ при всѣхъ угрожавшихъ ей опасностяхъ. Теперь какъ нельзя болѣе благовременно было напомнить выступившимъ въ роли такихъ замѣстителей государямъ Московскимъ о соединенныхъ съ этимъ замѣстительствомъ ихъ правахъ и обязанностяхъ по отношенію къ истинной вѣрѣ и благочестію, достойнымъ средоточіемъ и хранилищемъ которыхъ явилось ввѣренное ихъ попеченію и власти русское царство,—напомнить имъ и раскрыть предъ ними эти права и обязанности. Такое напоминаніе и раскрытіе, какъ нами было уже въ своемъ мѣстѣ замѣчено, дѣйствительно и совершается теперь, и

[1]) См. сказаніе о новоявившейся ереси Новогородскихъ еретиковъ. Древн. Россійск. Вивліоѳика, ч. XIV, стр. 128—129.

идетъ оно со стороны представителей русскаго духовенства, по самому долгу своего служенія выступившихъ поборниками православія противъ „еретическая мудрствовавшихъ“. Появленіе ереси и борьба съ нею послужили такимъ образомъ фактической почвой, на которой началось примѣненіе къ личности государя всея Руси началъ византійско-государственныхъ теорій о значеніи царской власти, ея правахъ и обязанностяхъ, которыя должны простираться на всѣ сферы жизни самимъ Богомъ ввѣреннаго верховному попеченію этой власти государства, включая сюда и область жизни религіозно-церковной.

Первымъ ревностнымъ борцомъ противъ еретиковъ выступилъ Архіепископъ Новгородскій Геннадій. Въ написанныхъ имъ по поводу появившейся ереси посланіяхъ и грамотахъ съ достаточною ясностію указывается, какая роль должна принадлежать Государю Московскому въ дѣлѣ истребленія еретическаго мудрованія. По представленіямъ Новгородскаго владыки, принять заботливыя мѣры къ устраненію наступившихъ церковныхъ нестроеній—прямой долгъ православнаго государя; безъ его властныхъ распоряженій уничтожить эти нестроенія невозможно. „А того толке не управитъ князь великій, а того на крѣпко не обыщетъ—писалъ онъ епископу Суздальскому Нифонту—ино будетъ послѣдняя лесть горше первыя. И ты бы о томъ митрополиту явилъ, чтобы митрополитъ печаловался государю великому князю, чтобы поочистилъ церковь Божію отъ тое ереси“ [1]). Чтобы государь князь Московскій не забывалъ соединенныхъ съ его властію правъ и обязанностей по отношенію къ церкви православной, особенно теперь, въ виду угрожавшей ей опасности, представители церкви, кромѣ прямыхъ напоминаній ему объ этомъ, должны тому содѣйствовать также и своими молитвами къ Богу о верховномъ представителѣ православнаго русскаго царства. „А нынѣ бы еси о Государѣ и Бога молилъ,—писалъ Геннадій архіепископу Ростовскому Іоасафу,—чтобы Государю Богъ положилъ на сердце, чтобы управилъ церковь божію, православное бы христіанство отъ еретическаго нападенія, отъ тѣхъ

[1]) Грамота Геннадія Нифонту. См. „Изслѣд. о сочиненіяхъ Іосифа Санина, препод. игум. Волоцкаго“ И. Хрущова. Спб. 1868 г. Источники, стр. XXII—XXIII.

еретиковъ, жидовская мудрствующихъ, непоколебимо было“ [1]). „И ты бы, господине,—убѣждалъ онъ митрополита Зосиму,—великому князю о томъ (объ искорененіи еретиковъ) пристойно говорилъ, не токмо спасенія ради его, но и чести для государя великаго князя: занеже не кому иному того разговорити государю, а лежитъ то на тебѣ, на отцѣ нашемъ, и на насъ, на твоихъ дѣтѣхъ. Да того ради молитва за государя уставлена..., чтобы, далъ Богъ, онъ здоровъ былъ на многа лѣта..., да и мы тихо и безмолвно житіе поживемъ во всякомъ благовѣріи и чистотѣ“ [2]). Для истребленія злыхъ еретическихъ плевелъ и успокоенія церкви требуется розыскивать и казнить еретиковъ, а все это зависитъ именно отъ власти государя: его „государская гроза“—главный двигатель въ этомъ столь важномъ дѣлѣ. „Ино какже ихъ мощно было доити,—сообщалъ Геннадій названному выше Ростовскому архіепископу, аще бы великій князь не приказалъ своимъ боярамъ со мною, своимъ богомольцемъ, того обыскати? И молитвами Пречистыя Богоматере и его Государскою грозою съ его бояры... того есьмя обыскали на крѣпко“ [3]). „А не изспѣшили бы есте,—совѣтовалъ онъ собору владыкъ 1490 г.,—ставити владыку (Коломенскаго): преже бы есте стали накрѣпко о томъ, чтобы еретиковъ обыскали накрѣпко, да тѣхъ бы велѣлъ казнити князь великій“ [4]). По воззрѣніямъ Геннадія, самая честь православнаго русскаго государя требуетъ отъ этого послѣдняго ревностныхъ заботъ объ устраненіи возникшихъ церковныхъ безпорядковъ и нестроеній; ради уже самой этой чести онъ долженъ со всею строгостію проявить свою власть на защиту православной вѣры и церкви, не чуждаясь даже въ этомъ случаѣ примѣра ревностнаго „Шпанскаго короля“, чтобы такимъ образомъ „съ своей земли соромота свести“ [5]).

Такъ понималъ права и обязанности государя Московскаго

---

[1]) Посланіе къ Іоасафу. Чтен. въ общ. ист. и древн. Россійск. за 1847 г., № 8, Смѣсь.

[2]) Грамота Геннадія къ Зосимѣ. Русс. ист. библіот., т. VI, столб. 775—776. Акты Археогр. Экспед., т. I, № 380, стр. 482.

[3]) Указанн. посланіе къ Іоасафу.

[4]) Грамота Геннадія къ собору епископовъ. Русс. ист. библ., т. VI, столб. 779.

[5]) Указанн. грамота его къ митр. Зосимѣ.

по отношенію къ вѣрѣ и церкви владыка Новгородскій Геннадій, жаркій сторонникъ искорененія ереси посредствомъ казни ея послѣдователей. Какъ верховный охранитель чистоты правовѣрія, стоящій во главѣ православнаго русскаго царства, Московскій государь долженъ оправдать это свое государственно-политическое значеніе принятіемъ самыхъ строгихъ мѣръ къ уничтоженію возникшей для православной вѣры опасности, долженъ со всею ревностію позаботиться о томъ, „чтобы—по выраженію митрополита Геронтія—христіаньство въ възмущеньи не было, а церковь бы Божіа безмятежна была“ [1]).

Такіе же взгляды на права и обязанности политической главы русскаго государства—великаго князя Московскаго проводилъ на той же религіозной почвѣ и другой, современный Геннадію и не менѣе его ревностный, защитникъ православія противъ ереси жидовствующихъ,—игуменъ Волоцкій Іосифъ. Но въ затронутыхъ и высказанныхъ имъ по данному предмету воззрѣніхъ намъ представляется какъ бы уже цѣльная, отличающаяся полнотою и законченностію государственно-политическая теорія. Конечно, игуменъ Волокаламскій не задавался цѣлію создать такую теорію, но то во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что раскрытыя имъ въ указанномъ направленіи идеи не могли не получить и нѣкотораго чисто-политическаго значенія. Явленіе это было вполнѣ естественно и послѣдовательно въ виду той постоянной связи, какая существовала между Іосифомъ и великимъ княземъ, который весьма уважалъ вліятельнаго Волоцкаго игумена и пользовался его совѣтами.

Строгій ревнитель древней монастырской дисциплины, ревностный борецъ за преданія церкви, наконецъ, выдающійся писатель своего времени, препод. Іосифъ Волоколамскій былъ ученикомъ пользовавшагося великимъ уваженіемъ у современниковъ Пафнутія Боровскаго, основателя и игумена монастыря близъ г. Боровска (1441—1451 г.), о которомъ, между прочимъ, извѣстно, что онъ отличался чувствомъ глубокой преданности дому великихъ князей Московскихъ и ихъ интересамъ. Эту свою преданность Пафнутій нагляднѣе всего проявилъ

---

1) Его грамота архіеп. Геннадію. Русс. ист. библіот., т. VI, столб. 764.

въ фактѣ передачи своего монастыря изъ—подъ власти мѣстнаго удѣльнаго князя въ державу вел. князя Московскаго (а подобные факты, конечно, должны были сильно возвышать авторитетъ великокняжеской Московской власти). Когда въ 1472 г. Іоаннъ III уступилъ своему брату Борису Волоцкому Вышегородскую волость вмѣстѣ съ Суходоломъ и монастырь Пафнутія долженъ былъ отойти къ Борису, то основатель монастыря—по разсказу Іосифа Волоцкаго—„почалъ говорити: ино хотя князь великій Вышегородъ да и монастырь нашъ далъ князю Борису, и язъ бію челомъ великому князю, ино монастырь возметъ въ свою державу... и князь великій не далъ монастыря Пахнутьева“ [1]). Въ частыхъ бесѣдахъ со своими учениками и слушателями Пафнутій любилъ сообщать имъ, между прочимъ, различныя преданія о великихъ Московскихъ князьяхъ, при чемъ своимъ назидательнымъ разсказамъ онъ придавалъ обыкновенно таинственно—религіозный смыслъ и тѣмъ еще болѣе увлекалъ слушавшихъ его. Въ повѣсть „о велицѣмъ мору“, дошедшую до насъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими въ пересказѣ ученика и списателя его житія Вассіана, архіеп. Ростовскаго [2]), входитъ, м. прочимъ, преданіе объ одной умершей и вновь ожившей инокинѣ, которая тотчасъ послѣ своей смерти посѣтила загробный міръ и видѣла тамъ, какъ великій Московскій князь, Иванъ Даниловичъ Калита, за свою любовь къ бѣднымъ блаженствовалъ въ раю, а Витовтъ, князь Литовскій, былъ мучимъ муринами въ аду за исповѣданіе имъ латинской вѣры [3]). Недаромъ указанный выше авторъ біографіи Пафнутія въ своей похвалѣ преподобному величаетъ его „теплымъ молебникомъ къ Богу о благочестивомъ и христолюбивомъ самодержцѣ русскія земли“ и проситъ его помолиться, чтобы и на будущее

---

[1]) См. Послан. Іосифа къ Борису Кутузову. Древн. Россійск. Вивліоѳ., ч. XIV, стр. 188.

[2]) Не автора посланія на Угру, а Вассіана, брата Іосифа Волоцкаго. См. у Шевырева—предислов. къ III ч. Истор. русск. словесн., стр. XIV—XVIII; у Хрущова: „Изслѣд. о сочинен. Іосифа Санина“. Источники, стр. XXV—XXVIII.

[3]) См. указанн. Изслѣдов. Хрущова, стр. 22, прим. 34; см. также статью свящ. Николаевскаго: „Русская проповѣдь въ XV и XVI в.в.“ въ журн. Минист. Нар. Просв. за 1868 г., м-цъ Апрѣль, стр. 95; см. еще „сочин. Н. С. Тихонравова“, М. 1898 г., т. I, стр. 217.

время „Богъ вѣнчалъ его благородныя чада вѣнцемъ царствія въ родъ и родъ... и державу ихъ мирну устроилъ“ [1]). А съ какимъ глубокимъ уваженіемъ относились къ Пафнутію самъ великій князь (Іоаннъ III) и члены великокняжескаго семейства, объ этомъ самымъ яснымъ образомъ свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что во время предсмертной болѣзни Пафнутія посолъ за посломъ являлись въ его обитель отъ самого Іоанна III, отъ супруги его Софіи, отъ матери Маріи Ярославны [2]). Отношенія Пафнутія къ вел. князьямъ Московскимъ были причиной, что извѣстія о немъ, ставшемъ впослѣдствіи какъ бы семейною святынею Московскаго великокняжескаго дома, вошли въ русскую лѣтопись [3]). Черта преданности носителямъ великокняжеской Московской власти и ихъ интересамъ, какою отличался Пафнутій, отъ учителя передалась, конечно, и знаменитому въ свое время ученику его—Іосифу Волоколамскому.

Прошедши суровую школу монастырской дисциплины, воспитавъ въ себѣ духъ непоколебимой твердости и практической настойчивости, Іосифъ Волоцкій принялъ на себя въ княженіе Іоанна III роль общественнаго дѣятеля и скоро занялъ (особенно при Василіи Іоанновичѣ) положеніе человѣка, дававшаго направленіе общественнымъ дѣламъ и съ успѣхомъ достигавшаго осуществленія своихъ взглядовъ по тѣмъ вопросамъ, какіе волновали тогда русское общественное сознаніе. А отсюда само собою вытекаетъ, насколько важно для насъ, въ преслѣдуемыхъ нами цѣляхъ, отмѣтить затронутыя и высказанныя этимъ столь вліятельнымъ общественнымъ дѣятелемъ конца XV и начала XVI в.в. воззрѣнія, касавшіяся власти Московскихъ государей.

Выступивъ въ роли ревностнаго литературнаго борца съ распространившеюся ересью, со всею настойчивостію проводившаго и защищавшаго тотъ же суровый взглядъ по вопросу объ отношеніи къ еретикамъ, котораго держался и Новгород-

---

[1]) См. указанн. изслѣд. Хрущова, стр. 19, прим. 28.

[2]) См. „Записку Иннокентія о послѣднихъ дняхъ учителя его Панфутія Боровскаго“. Ключевскаго: „Древнерусс. житія св., какъ историч. источникъ“. Приложен. I, стр. 444—449.

[3]) См. Полн. Собр. Русс. Лѣтоп., т. VIII, стр. 183, 184; Степенн. кн., ч. II, стр. 207; сн. Акты Истор., т. I, № 204, стр. 382, № 216, стр. 410.

скій архіепископъ, и который выражался въ словахъ: „еретиковъ велѣно не токмо осужати, но и казнити и въ заточеніе посылати“ [1]), и при этомъ сознавая, что для достиженія цѣли во всей ея полнотѣ необходимо склонить на свою сторону Московскую великокняжескую власть и сообщить ей сильный толчекъ по пути усердствованія за вѣру, Іосифъ такъ или иначе долженъ былъ въ своихъ полемическихъ сочиненіяхъ коснуться вопроса о правахъ и обязанностяхъ государей и по этому поводу высказать свои взгляды на значеніе верховной государственной власти. И мы дѣйствительно видимъ, что на почвѣ борьбы съ послѣдователями еретическаго ученія (а вмѣстѣ и съ партіей заволжскихъ старцевъ, нераздѣлявшихъ его взгляды на отношеніе къ еретикамъ) [2]) онъ не разъ затронулъ указанный вопросъ и, пользуясь библейскими и византійскими источниками, со всею ясностію раскрылъ понятія о царской власти съ точки зрѣнія ея основъ и вытекающихъ отсюда ея правъ и обязанностей.

Въ такъ называемомъ „Просвѣтителѣ“ Іосифа, представляющемъ изъ себя сборникъ полемическихъ сочиненій, написанныхъ этимъ знаменитымъ игуменомъ въ обстоятельствахъ борьбы съ ересью (и со взглядами партіи заволжскихъ старцевъ), встрѣчаемъ два замѣчательныя мѣста, гдѣ съ особенною рельефностію выражены воззрѣнія автора на верховную государственную власть съ указанныхъ выше точекъ зрѣнія. Одно изъ такихъ мѣстъ находится въ тринадцатомъ, другое—въ шестнадцатомъ словѣ названнаго сборника [3]).

Въ составъ перваго изъ этихъ словъ входитъ, между прочимъ, длинное разсужденіе о томъ, что „царемъ и княземъ и судіямъ подобаетъ еретиковъ въ заточеніе посылати и казнемъ лютымъ предавати“. Вотъ при аргументаціи этой то мысли игуменъ Волоцкій и раскрываетъ свои взгляды на верховную

---

[1]) См. Послан. Іосифа къ Суздальск. еп. Нифонту. Русс. ист. библ., т. VI, столб. 825.

[2]) Они были противниками строгихъ мѣръ по отношенію къ еретикамъ.

[3]) „Просвѣтителемъ“ Іосифа мы пользуемся въ изданіи Казан. дух. академіи; тринадцатое и шестнадцатое слово „Просвѣтителя“ см. въ Правосл. Собесѣдн. за 1857 г., ч. 3—4. „Просвѣтитель“ есть также въ рукоп. сборн. Кіевск. дух. акад. подъ знакомъ Аа 147, но здѣсь онъ въ в. неполномъ видѣ.

государственную власть, указаніемъ на ея высоту, ея назначеніе и ея отвѣтственность за невыполненіе этого назначенія, стараясь обосновать необходимость заточенія и казни еретиковъ по предписаніямъ этой власти, и основываясь при этомъ на библейскихъ и византійскихъ источникахъ.

Словами апостоловъ и отцевъ церкви Іосифъ старается показать, что государственная власть есть учрежденіе божественное, что ея права и обязанности самыя широкія и весьма отвѣтственныя. „О царѣхъ и о князѣхъ и о судіяхъ—пишетъ онъ—святіи апостоли глаголютъ, яко они власть пріяша отъ Господа Бога во отмщеніе злодѣемъ, въ похвалу же добро творящимъ“ [1]). Приведя самыя относящіяся сюда апостольскія слова (1 Петр. II, 13—14; Римл. XIII, 1—8) [2]), онъ въ подтвержденіе той же мысли ссылается далѣе на авторитетъ Златоуста и Григорія Акраганскаго. Словами послѣдняго онъ заявляетъ, что „царство есть свыше данное дарованіе Божіе въ человѣцѣхъ“, что „пріемшему отъ вышняго повелѣнія правленія человѣческаго рода подобаетъ не токмо о своихъ пещися и своего житія правити, но и все обладаемое отъ треволненія спасати и многогрѣховнаго смятенія“ [3]). Опираясь на „священное писаніе, еже отъ градскихъ законъ“, Іосифъ преступниковъ противъ вѣры и церкви („еретиковъ и отступниковъ“), въ отношеніи преслѣдованія со стороны государственной власти, ставитъ наравнѣ съ различными гражданскими преступниками, „татьбу и разбойничества и ина злая дѣла творящими“ и считаетъ первыхъ гораздо болѣе („множае паче“), чѣмъ послѣдніе, заслуживающими такого преслѣдованія [4]). Авторитетъ заключающихся въ „градскихъ законахъ божественныхъ правилъ“ является, такимъ образомъ, у Іосифа новымъ доказательствомъ неоспоримости и несомнѣнности того положенія, что представители государственной власти облечены правомъ и обязанностію самымъ строгимъ образомъ наказывать еретиковъ, въ защиту православной вѣры и церкви. Сами носители власти государственной не должны забывать высоты своего

---

[1]) 13-е слово „Просвѣтителя“ Правосл. Собесѣдн. 1857 г., ч. 3—4, стр. 534
[2]) Ibid., стр. 535.
[3]) Ibid., стр. 536. [4]) Ibid., стр. 536 и слѣд.

положенія, налагающей на нихъ такія права и обязанности, и не должны опускать изъ виду ожидающей ихъ тяжелой отвѣтственности предъ судомъ небеснымъ. „Слышите цари и князи,—поучаетъ ихъ Іосифъ словами Златоуста,—яко отъ Бога дана бысть держава вамъ, яко слуги Божіи есте: сего ради поставилъ есть васъ пастыря и стража людемъ своимъ, да соблюдете стадо его отъ волковъ невредимо; васъ бо Богъ въ Себѣ мѣсто избралъ на земли, и на Свой престолъ вознесъ посади, милость и животъ положи у васъ, и мечь вышняя Божія десница вручи вамъ: вы же убо да не держите истину въ неправдѣ, и убойтеся серпа небеснаго, и не давайте воля зло творящимъ человѣкомъ, и не напущайте на праведныя человѣки, якоже пси бѣсныя, или яко, аще кто мечь дастъ человѣку неистовящуся, и онъ не точію тѣлеса, но и душа погубитъ“ [1]). Цари и властители должны быть „отмстители Христу на еретики“, чтобы въ противномъ случаѣ, если „они власть дадутъ злочестивымъ человѣкомъ“, не быть имъ „истязанными отъ Бога въ страшный день втораго пришествія Его“ [2]). Для большей силы убѣдительности своихъ разсужденій Іосифъ приводитъ, между прочимъ, рядъ примѣровъ изъ исторіи восточно-византійской церкви, какъ „святіи и преподобніи отцы наши, пастыріе и учителіе моляху“ благочестивыхъ царей, „яко да еретики потребятъ“ и какъ эти православные цари „силою праведнаго своего царства и мышцею благочестія своего ущедрили церковь свою, уставили церковные раздоры“, и какъ они „градными оружіи невѣрныхъ еретикъ крѣпость въ конецъ низложиша, вселеньскими святыми соборы многоглавныя зміемъ главы яко во ужасѣ отсѣкше, чистую же и правовѣрную вѣру столпъ непоколебимъ и утвержение благовѣрія церкви утвердиша“. (Примѣры: первый великій царь равноапостольный Константинъ, „пресвѣтлая звѣзда“ Ѳеодосій Великій, благочестивый царь Маркіанъ, Іустиніанъ и др...) [3]). Ясно, что, подобно царямъ греческимъ, и православный царь русскій долженъ быть такимъ же ревностнымъ вер-

---

[1]) Ibid., стр. 539—540.

[2]) Ibid., стр. 540.

[3]) Ibid., стр. 542—544 и слѣд.

ховнымъ покровителемъ и защитникомъ православной вѣры и церкви, долженъ „поборниковъ ереси или въ заточеніе сослати, или мукамъ и смерти предати“.

Итакъ, охранять и защищать православіе—вотъ что, по воззрѣніямъ Іосифа, составляетъ главную обязанность царя. Обязанность эта стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ самымъ происхожденіемъ царской власти, которая установлена Богомъ, носителей которой „Богъ избралъ на земли въ Себѣ мѣсто“, чтобы быть имъ истинными пастырями и стражами для всѣхъ ввѣренныхъ ихъ попеченію людей и оберегать этихъ послѣднихъ отъ „злотворящихъ человѣковъ“, особенно отъ еретиковъ и отступниковъ. Самая тяжелая отвѣтственность угрожаетъ облеченнымъ столь высокимъ положеніемъ царственнымъ властителямъ въ случаѣ неисполненія ими указанной обязанности, но отвѣтственность не передъ какимъ либо судомъ человѣческимъ—общественнымъ-ли то или частнымъ,—а именно предъ судомъ божественнымъ и только предъ нимъ.

Тѣ-же воззрѣнія на значеніе верховной государственной власти, ея права и обязанности, на той-же религіозно-церковной почвѣ и на основаніи византійскихъ же источниковъ, но съ нѣкоторыми новыми оттѣнками въ частностяхъ, высказываетъ игуменъ Волоцкій и въ шестнадцатомъ словѣ своего „Просвѣтителя“.

Обосновавъ на авторитетѣ „градскихъ законовъ, подобныхъ пророческимъ и апостольскимъ и святыхъ отецъ писаніямъ“ свою прежнюю мысль, что „согрѣшенія еретическая и паче отступническая тягчайши бываютъ разбойническихъ согрѣшеній, и татей, и убійцъ, и блудниковъ и прелюбодѣевъ, и гробокопателей, и всѣхъ грѣховъ смертныхъ“, и что „царемъ и княземъ и судіамъ земьскимъ подобаетъ еретики и отступники казнемъ лютымъ и смерти предавати, якоже убійца и разбойника и иніи злодѣя“ [1]), и снова, въ видахъ большей убѣдительности, указавъ на примѣры ревности о православной вѣрѣ, проявленной православными царями греческими, которые „не точію простыя человѣки, но и патріарховъ, святителей и

[1]) 16-е слово Просвѣтителя. Прав. Собес. 1857 г. ч. 3—4, стр. 586—588.

священниковъ въ ересь впадавшихъ, по проклятіи, во изгнаніе и въ темницы отсылаху, дондеже душа своя злѣ извергоша" (примѣры: царя Ѳеодосія Старшаго, сославшаго въ заточеніе патріарха цареградскаго Македонія со единомысленными ему епископами, Ѳеодосія Младшаго, Маркіана и др...) [1]), —Іосифъ дѣлаетъ затѣмъ такое замѣчаніе, направленное уже спеціально по адресу русскаго православнаго государя: „И аще убо нынѣ тако не сотворятъ православніи самодержцы, невозможно есть инѣмъ чимъ никакоже искоренитися еретикомъ и отступникомъ. Аще ли же о семъ подвигнутся и ревность покажутъ Христа ради, еретики и отступники въ темницу ввергутъ до дне смерти ихъ, и симъ умиритися имать церковь божія и угасится злочестивыхъ еретиковъ и отступниковъ скверное жидовское ученіе" [2]). Если цари будутъ давать еретикамъ ослабу, вѣря ихъ покаянію, которое часто бываетъ совершенно ложнымъ, то, по взгляду ревностнаго игумена, ересь не только не будетъ искоренена, но ея послѣдователямъ данъ будетъ поводъ еще сильнѣе и шире распространить ее, и въ результатѣ „послѣдняя будутъ горша первыхъ". „Державный великій князь Иванъ Васильевичъ,—разсуждаетъ Іосифъ на почвѣ современной русской дѣйствительности,—егда повелѣ святителемъ проклинати еретики... и по проклятіи которыхъ повелѣ въ темницу сажати", то они „злѣ животъ свой скончаша и никогоже отъ православныхъ не прельстиша". А когда тотъ же „Державый ятъ вѣру покаянію еретиковъ" (которые начали—и многіе ложно—приносить раскаяніе послѣ перваго противъ нихъ собора, бывшаго въ 1490 г.), то что изъ этого вышло? Ложно покаявшись, они „многа неизреченна зла сотвориша и многи отъ православныхъ христіанъ въ жидовство отведоша", стремясь „сотворити такоже, якоже древніе еретицы, иже погубиша многія страны и царства великая" [3]). А за такія послѣдствія отвѣтственность падаетъ на царей. Вотъ на этотъ случай разительный примѣръ. „Арменьское и Ефіопское и Римское великое царство, отступившія отъ соборныя и апостольскія церкви и

[1]) Ibid., стр. 593.
[2]) Ibid., стр. 594. [3]) Ibid., стр. 597.

отъ православныя христіанскія вѣры, злѣ погибоша“ именно „небреженія ради тогдашнихъ православныхъ царей и святителей, и тіи убо царіе и святители осуждени имутъ быти на страшномъ судищи Христовѣ о таковомъ небреженіи“ [1]). Распространеніе еретичества Іосифъ считаетъ такимъ образомъ явленіемъ, совершенно аналогичнымъ государственнымъ движеніямъ и переворотамъ, и разсматриваетъ ихъ, какъ причину паденія и гибели всякаго царства. Для болѣе прочнаго обоснованія указанной грозной отвѣтственности, падающей на царей за пренебреженіе дѣлами вѣры и церкви, Іосифъ опирается на авторитетъ византійскаго императора Константина, будто бы оставившаго обширное завѣщаніе царямъ, князьямъ и судіямъ земскимъ, и отъ лица этого православнаго и равноапостольнаго царя въ такихъ сильныхъ и возвышенныхъ чертахъ изображаетъ высоту сана государственной власти, вытекающія отсюда права и обязанности его носителей и отвѣтственность послѣднихъ за небрежное отношеніе къ этимъ правамъ и обязанностямъ. „Слышите убо и разумѣйте царіе и князи,—наставляетъ онъ представителей власти государственной словами царственнаго завѣта,—и бойтеся страха Вышняго, яко да не вашего ради небреженія смерть внидетъ въ міръ... Всякій убо царь или князь, или въ небреженіи живый, и о сущихъ подъ нимъ нерадя, и страха Вышняго не бояся, слугу себе сатанѣ сотворяетъ: сего ради страшно и напрасно найдетъ на него гнѣвъ Господень... Да не будете волцы въ пастырей мѣсто стаду Христову, и не предадите стада Христова звѣремъ на расхищеніе, еже есть іюдѣемъ и еллиномъ, и еретикомъ и отступникомъ, и всѣмъ невѣрнымъ... Бози есте и сынове Вышняго, блюдитежеся да не будете сынове гнѣву, да не изомрете яко человѣцы, и во пса мѣсто сведени будете во адъ. Тѣмже разумѣйте царіе и князи, и бойтеся страха Вышняго,.. да Божію волю сотворше, пріимѣте отъ Него милость: васъ бо Богъ въ Себе мѣсто посади на престолѣ своемъ. Сего ради подобаетъ царемъ и княземъ всяко тщаніе о благочестіи имѣти и сущихъ подъ нимъ отъ треволненія спа-

---

[1]) Ibid., стр. 598, 601.

сати душевнаго и тѣлеснаго. Солнцу убо свое дѣло есть, еже свѣтити сущихъ на земли: царю же свое есть, еже пещися о всѣхъ сущихъ иже подъ нимъ: скипетръ царствія пріимъ отъ Бога, блюди, како угодиши давшему ти того, и не токмо о себѣ отвѣтъ даси къ Богу, но еже иніи зло творятъ, ты слово отдаси къ Богу, волю давъ имъ. Царь убо естествомъ подобенъ есть всѣмъ человѣкомъ, властію же подобенъ есть вышнему Богу. Но якоже Богъ хощетъ вся человѣки спасти, такоже и царь все подручное ему да хранитъ отъ всякаго вреда душевнаго и тѣлеснаго, яко да, Божію волю сотворше, пріимите отъ Бога со бесплотными силами присносущное радованіе" [1]). Опираясь далѣе на авторитетъ „церковныхъ книгъ, главы 60-й" Іустиніана, Іосифъ заявляетъ, что „царь злочестивый, небрегій о сущихъ подъ нимъ, не царь есть, но мучитель" [2]). „Таковый царь—замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ—не Божій слуга, но діаволъ... Таковаго царя, лукавьства его ради, не нарече царемъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, но лисомъ: шедше, рече, рцѣте лису тому (Лук. 13, 32)". Подобный царь—по Іосифу—недостоинъ даже послушанія: „и ты убо таковаго царя, или князя да не послушаеши, на нечестіе и лукавьство приводяща тя, аще мучить, аще смертію прѣтить" [3]). Слѣдуетъ полагать, что проводя указанный взглядъ на отношеніе къ нечестивымъ царямъ, препод. игуменъ Волоцкій, какъ строгій подвижникъ, хотѣлъ въ данномъ случаѣ стать въ положеніе древнихъ аскетовъ, которыхъ гнали язычники за христіанство [4]).

Какъ видимъ, вся сила и все содержаніе главнѣйшихъ обя-

---

[1]) Ibid., стр. 601—603.

[2]) Ibid., стр. 603—604.

[3]) 7-е слово „Просвѣтителя". Прав. Собесѣдн. 1856 г., ч. 3—4, стр. 324—325; рук. сборн. Кіев. дух. акад. подъ зн. Аа 147, л. 31 и об.

[4]) По мнѣнію О. Миллера, въ приведенномъ мѣстѣ изъ 7-го слова „Просвѣтителя" заключается явный намекъ на неохоту вел. кн. Іоанна III казнить еретиковъ. См. его ст.: „Вопросъ о направленіи Іосифа Волоколамскаго" въ жур. Мин. Н. Пр. за 1868 г., ч. 137, стр. 542, прим. 2. По предположенію нѣкоторыхъ изслѣдователей, названный сейчасъ вел. князь будто и самъ не совсѣмъ чуждъ былъ еретическаго ученія. См. Костомарова: „Русс. Ист. въ жизнеопис. ея главн. дѣят." Спб. 1874 г., стр. 332—337; также сочин. Никитскаго: „Очерки исторіи церкви въ Новгородѣ", стр. 170.

занностей государственныхъ властителей и въ шестнадцатомъ словѣ Іосифовскаго „Просвѣтителя“ сводятся опять къ защитѣ православной вѣры и церкви отъ угрожающихъ имъ опасностей. Но за то изображеніе высоты сана царской власти здѣсь усиливается привнесеніемъ нѣкоторой новой возвышеннѣйшей черты. Эта новая черта—идея отраженія въ царской власти божественной воли. Воля государя освящается воліей Божіей и, какъ само собой очевидно, власть его не можетъ быть поставляема рядомъ ни съ какою другою властію въ государствѣ, ибо его власть—власть намѣстника Божія на землѣ. Царь—это не только Божій слуга, самимъ Богомъ избранный и посаженный на царскомъ престолѣ и отъ Бога принявшій скипетръ царствія, но онъ и самъ является представителемъ Бога, неизмѣримо возвышающимся надъ обыкновенными людьми: этимъ послѣднимъ онъ уподобляется только по своей человѣческой природѣ, а властію онъ подобенъ Вышнему [1]). Съ точки зрѣнія преслѣдуемой цѣли проявленія царской власти аналогичны съ проявленіями власти божественной: какъ всевышній Богъ „хощетъ вся человѣки спасти“, такъ и земной богъ—царь долженъ хранить ввѣренныхъ его попеченію людей отъ всякаго вреда душевнаго и тѣлеснаго. Выполняетъ или не выполняетъ царь это свое высокое назначеніе—въ томъ и другомъ случаѣ онъ подлежитъ суду и отвѣтственности не предъ людьми, а только предъ Лицемъ Всевышняго.

Таковы воззрѣнія Іосифа на значеніе верховной государственной власти, какъ они со всею ясностію высказаны имъ въ двухъ мѣстахъ „Просвѣтителя“.

Эти же государственно-политическія воззрѣнія, только уже въ спеціальномъ примѣненіи ихъ къ личности верховныхъ

---

[1]) Въ одномъ изъ словъ „Просвѣтителя“ Іосифъ проводитъ, между прочимъ, такую черту различія между почитаніемъ царя и Бога: „подобаетъ тѣмъ (царю или князю) поклонятися и служити тѣлеснѣ, а не душевнѣ, и въздавати имъ царскую честь, а не божественную, якоже Господь глаголетъ: въздадите Кесарева Кесареви, а божіа Богови. Аще сице поклоняешися и служиши, нѣсть ти на пагубу души, но паче отъ сего научишися боятися Бога: царь бо Божій слуга есть, къ человѣкомъ милостію и казнію“. 7-е слово „Просвѣт.“ Правосл. Собесѣдн. 1856 г., ч. 3—4, стр. 323—324; рук. сборн. Кіев. дух. акад. Аа, 147, л. 30 об. и л. 31.

представителей православнаго русскаго царства—государей Московскихъ, проводилъ Волоцкій игуменъ въ нѣкоторыхъ частныхъ своихъ посланіяхъ, написанныхъ имъ также въ обстоятельствахъ борьбы съ послѣдователями ереси.

Медлительность и нерѣшительность, какія долго обнаруживалъ великій князь Іоаннъ III въ принятіи строгихъ мѣръ противъ еретиковъ и которыя особенно замѣтны были для Іосифа предъ соборомъ 1504 г., когда государь не исполнилъ за годъ предъ тѣмъ даннаго имъ въ личныхъ бесѣдахъ съ Іосифомъ (въ бытность послѣдняго въ Москвѣ на соборѣ 1503 г.) обѣщанія „обыскивати и искоренити еретиковъ", побудили Волоцкаго игумена обратиться къ царскому духовнику архимандриту Митрофану (весною 1504 г.) [1]) съ просьбою напоминать государю объ его главной обязанности въ данныхъ религіозно-церковныхъ обстоятельствахъ,—обязанности „пожать ревностію о православной вѣрѣ христіанской", такъ-какъ неисполненіе съ его стороны этой обязанности грозитъ опасностію всему его царству. „Ино, господине, — пишетъ Іосифъ государеву духовнику,—тебѣ о томъ (объ искорененіи еретиковъ) Государю великому князю пригоже, да и должно поминати. Будетъ государь во многихъ дѣлехъ царскихъ прозабылъ того дѣла, и въ томъ дѣлѣ государя побреги, чтобы на него Божій гнѣвъ не пришелъ за то, да и на всю нашу землю, занеже за царское согрѣшеніе Богъ всю землю казнитъ". Проситъ онъ Митрофана напомнить Московскому государю и о томъ, „каково имѣли подтщаніе и ревность первіи благочествіи царіе о непорочнѣй христіанстѣй вѣрѣ, и како еретиковъ по проклятіи въ заточеніе посылали, а иныхъ казньми казнили" (примѣры—царей Ираклія, Іустиніана, Тиверія и др.). Побудить государя—великаго князя къ усердствованію за православную вѣру необходимо было именно потому, что проявленія его воли—единственное и самое вѣрное средство къ окончательному искорененію ереси. „И только бы государь восхотѣлъ ихъ (еретиковъ) искоренити, ино бы вскорѣ искоренилъ". Какъ видно изъ разбираемаго посланія, государь

---

[1]) См. „Изслѣдов. о сочин. Іосифа Санина..." Хрущова, ст. 183.

московскій и самъ хорошо сознавалъ свои высокія права и обязанности въ этомъ религіозно-церковномъ дѣлѣ. „А коли, господне,—сообщаетъ Іосифъ духовнику государя—билъ есми челомъ великому князю (во время личной бесѣды съ нимъ въ 1503 г.) на Москвѣ о томъ, чтобы послалъ по городамъ еретиковъ обыскати, и князь великій молвитъ: пошлю де, и часа того, да того обыщу; а только де и язъ не пошлю, да не попекуся о томъ, ино де и кому то зло искоренити“ [1]).

А вотъ государственно-политическія воззрѣнія Іосифа, уже во всей ихъ полнотѣ примѣненныя имъ къ личности Василія III-го Іоанновича, того великаго московскаго князя, который по самому рожденію своему отъ византійской царевны былъ связанъ съ послѣдними византійскими царями, какъ ихъ прямой потомокъ, и который, сообразно съ желаніями Волоцкаго игумена, ревностнѣе своего отца прилежалъ къ дѣламъ церковнымъ.

Къ царскому суду этого великаго князя обращается Іосифъ, какъ къ единственной вполнѣ надежной силѣ, которая можетъ устранить угрожающія православной вѣрѣ опасности. „И молимся тебѣ, Государь,—писалъ онъ ему въ одномъ изъ своихъ посланій (не задолго предъ соборомъ 1504 г.),—о томъ, чтобы ты, Государь, своимъ царскимъ судомъ искоренилъ той злый плевелъ еретическій въ конецъ“ [2]). Какъ истинный православный царь, великій князь московскій долженъ проявить самыя ревностныя заботы о чистотѣ и невредимости правовѣрія, обязанъ со всею ревностію промышлять о божественныхъ церквахъ: этого требуетъ отъ него самое значеніе царской власти, носителемъ которой онъ является, и которая есть власть, самимъ Богомъ учрежденная. „Пожалуй и попецыся и промысли о божественныхъ церквахъ, — убѣждалъ Іосифъ Василія III въ другомъ своемъ посланіи къ нему (относящемся къ 1510—1511 г.г., когда при новомъ митрополитѣ Варлаамѣ извѣстный противникъ взглядовъ Іосифа,

---

[1]) Посланіе Іосифа къ Митрофану въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. Россійск. за 1847 г., № 1, смѣсь.

[2]) Посланіе къ вел. кн. Василію Ивановичу... Древн. Россійск. Вивліоѳ., ч. XVI, стр. 424.

князь—инокъ Вассіанъ Патрикѣевъ, сдѣлался „великимъ временнымъ человѣкомъ“ и началъ печаловаться великому князю за еретиковъ [1])—занеже, государь, отъ вышнея Божія десницы поставленъ еси самодержецъ и Государь всея Руси. Глаголетъ бо Господь Богъ пророкомъ: Азъ воздвигохъ тя съ правдою царя и пріяхъ тя за руку и укрѣпихъ тя. Сего ради слышите, царіе и князи, и разумѣйте, яко отъ Бога дана бысть держава вамъ. Васъ бо Богъ въ Себѣ мѣсто избра на земли и на свой престолъ вознесъ посади, милость и животъ положи у васъ. Вамъ же подобаетъ, пріемши отъ Вышняго повелѣнія правленія человѣческаго рода, православнымъ государемъ и княземъ, не токмо о своихъ пещися“... и далѣе приводятся уже извѣстныя намъ изъ Просвѣтителя слова объ обязанности царей—„соблюдать врученное имъ стадо Христово отъ волковъ невредимо“. Объ этой то главной обязанности царской власти, вытекающей изъ самой высоты этой послѣдней, и напоминалъ Іосифъ Василію Іоанновичу, какъ именно „государю и владыцѣ“, имѣющему „богопреданную мудрость“. Подобно тому, какъ и ранѣе, по примѣру благочестиваго и христолюбиваго великаго царя Константина, онъ, вмѣстѣ съ боговѣнчаннымъ отцемъ своимъ, проявилъ свою богодарованную власть по отношенію къ еретикамъ, когда (на соборѣ 1504 г.). „Темныхъ и скверныхъ Новгородскихъ еретиковъ и отступниковъ до конца низложилъ и непорочную Христіанскую вѣру поколебавшуюся и изнемогшюю отъ еретическихъ и жидовскихъ ученій паки утвердилъ“, такъ и теперь онъ снова долженъ употребить эту свою власть противъ послѣдователей ереси, чтобы въ противномъ случаѣ не „погибнути всему православному христіанству“, какъ погибли прежнія многія царства: Еѳіопское, Армянское и Римское. Поступить „подобно первымъ православнымъ и благочестивымъ царемъ“ и показать ревность своего благочестія верховный представитель русскаго государства долженъ и въ виду тѣхъ славныхъ послѣдствій, какія произойдутъ отсюда для его царства и для него самого: онъ

[1]) См. въ „Изслѣдов. о сочин. Іосифа Санина“... Хрущова, стр. 244; см. также у К. И. Невоструева въ его разсмотрѣніи названной книги Хрущова, стр. 58.

долженъ это сдѣлать, „да видятъ всѣ царіе славу преславнаго царствія твоего; придетъ бо ти отъ сего свѣтъ вѣчный и невечерній въ тебѣ возсіяетъ“ и „того ради непоколебимо и непревратно соблюдетъ и сохранитъ Вышняго десница Богомъ поставленное твое царство“ [1]).

Итакъ, въ обстоятельствахъ борьбы съ ересью и ея послѣдователями государю Московскому, по взглядамъ Іосифа, принадлежитъ та самая царственная роль, какая прежде была достояніемъ православныхъ царей греческихъ. Съ особенною ясностію мысль эту игуменъ Волоколамскій выразилъ въ своемъ посланіи къ боярину Василію Андреевичу Челяднину, когда, между прочимъ, писалъ ему: „мы, господине, по свидѣтельству святыхъ вселенскыхъ седми соборъ стали на еретики, да по свидѣтельству священныхъ правилъ били челомъ Государю великому князю Василью Ивановичу всея Русіи, какъ прежніи святители на вселенскыхъ соборѣхъ прежнимъ православнымъ царемъ били челомъ. И государь святымъ духомъ подвижися, учинилъ якоже и прежніи православніи цари, по свидѣтельству тѣхъ же божественныхъ правилъ“ [2]). По примѣру этихъ-то православныхъ царей и какъ бы въ качествѣ ихъ замѣстителей государь Московскій въ борьбѣ съ еретиками и выступалъ верховнымъ покровителемъ и защитникомъ православной вѣры и церкви. Въ немъ именно теперь заключались „надежда и упованіе всему православному христіанству“ [3]), такъ—что онъ вполнѣ достоинъ того, чтобы быть названнымъ „въ православіи просіавшимъ, благовѣрнымъ и христолюбивымъ Государемъ и самодеръжцемъ всея Руси, новымъ царемъ Констянтиномъ новому граду Констянтину—Москвѣ, и всей русской земли, и инымъ многымъ землямъ государемъ“ [4]).

---

[1]) Этимъ вторымъ посланіемъ Іосифа къ Василію Ивановичу мы пользуемся по выдержкамъ изъ него, приведеннымъ въ названномъ изслѣдованіи Хрущева (стр. 242—243), а также въ сочин. Дьяконова: „Власть Московск. Государей“, СПБ. 1889 г., стр. 97.

[2]) Это посланіе см. въ „Изслѣд. о сочин. Іосифа Санина“... Хрущова. Приложеніе подъ букв. Б, стр. 261.

[3]) Ibid., стр. 262.

[4]) См. Митр. Зосимы извѣщеніе о пасхаліи на осьмую тысячу лѣтъ. Русс. Ист. Библ., т. VI, столб. 798—799.

Раскрывая такимъ образомъ, на почвѣ борьбы съ ересью и на основаніи библейскихъ и византійскихъ источниковъ понятія о царской власти, ея правахъ и обязанностяхъ, и примѣняя эти понятія къ личности верховныхъ представителей русскаго государства—великихъ князей Московскихъ, вліятельный игуменъ Волоцкій одновременно съ этимъ старался показать значеніе и силу царственной власти Московскаго государя на почвѣ совершенно иного рода борьбы. Разумѣемъ возникшее въ 1507 г. дѣло Іосифа съ удѣльнымъ Волоцкимъ княземъ Ѳеодоромъ Борисовичемъ и съ Новгородскимъ архіепископомъ Серапіономъ.

Волоколамскому монастырю не разъ приходилосъ испытывать различныя незаконныя притѣсненія со стороны только что названнаго удѣльнаго князя. Эти притѣсненія побудили Іосифа съ братіею „бить челомъ православному царю Государю всея Русіи, великому князю Василію Ивановичу, еже бы избавилъ отъ мятежа и отъ насилія, взялъ бы монастырь подъ свою царскую дрьжаву“ [1]).Іосифъ, конечно,заранѣе разсчитывалъ на благопріятный отвѣтъ, и не ошибся. Государь московскій, пользуясь благопріятнымъ случаемъ заявить свои верховныя права по отношенію къ удѣльному князю, не замедлилъ исполнить просьбу и „обитель Пречистыя Богородицы отъ насиліа удѣльнаго взя подъ свою царскую руку“ [2]). На предложеніе князя Волоцкаго возвратиться подъ его власть Іосифъ, какъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ его біографовъ, отвѣчалъ князю такъ; „невозможно, господине, сего мятежа сотворити, еже поколебати православнымъ самодержцемъ“ (т. е. невозможно сдѣлать такого безпорядка, чтобы по произволу вертѣть московскимъ государемъ) [3]). Когда не довольный и безсильный въ своей злобѣ удѣльный князь возбудилъ противъ Воло-

[1]) См. Житіе Іосифа, составл. Саввою, еп. Крутицкимъ. Изд. Невоструева, стр. 42; сн. Житіе Іосифа, составл. неизвѣстнымъ. Изд. Невоструева же, стр. 62 („Тѣмже и молитвеная посла (Іосифъ) къ великому самодеръжцю Василію, иже тихыма очима царство свое зряше, да пріатъ будетъ въ благочестивую державу его“).

[2]) Житіе Іосифа, составл. Саввою..., стр. 43; сн. житіе, сост. неизвѣстнымъ, стр. 63.

[3]) Житіе Іосифа, составл. Саввою..., стр. 44.

коламскаго игумена Новгородскаго архіепископа Серапіона („молитвами убо и ласканми подходитъ (князь) архіерея великаго Новаграда“ [1]), и послѣдній, по его подстрекательству, послалъ игумену свою „неблагословеную и отлученую“ грамоту [2]) за учиненный имъ, вопреки церковнымъ правиламъ, самовольный переходъ изъ Новгородской архіепископіи, тогда Іосифъ снова обратился къ суду царскому, принося „Дрьжавному князю всея Русіи великую жалобу“ на озлобившагося противъ него Новгородскаго архіепископа [3]). Немедленно, по повелѣнію великаго князя, составленъ былъ по этому поводу въ Москвѣ соборъ, на судъ котораго и вызвали новгородскаго владыку. Допрошенный здѣсь, между прочими, и самимъ, присутствовавшимъ на соборѣ, великимъ княземъ, и единогласно осужденный, какъ нарушитель „божественнаго писанія и святыхъ правилъ закона, пресуждающій и претворяющій царская повелѣнія и всего священнаго собора благословеніе“, архіепископъ Новгородскій преданъ былъ отлученію, лишенъ своей каѳедры и заключенъ въ Андрониковъ монастырь, откуда вскорѣ переведенъ былъ въ монастырь Троицкій Сергіевъ [4]).

Не безъ шума и смущеній, какъ и слѣдовало ожидать, прошла описанная сейчасъ исторія. Передавъ свой монастырь изъ-подъ власти удѣльнаго князя въ державу государя московскаго, Іосифъ за этотъ свой поступокъ, которымъ нарушались вотчинныя права Волоцкаго князя въ интересахъ вел. князя Московскаго, и святительскія Новгородскаго архіепископа, подвергся сильнымъ порицаніямъ со стороны ревнителей церковно-іерархическаго порядка и враговъ Московской централизаціи, особенно когда владыка Новгородскій, отлучившій „своего чернеца“ отъ церкви, лишенъ былъ по суду соборному своей каѳедры [5]). Даже друзья и сторонники Волоцкаго игу-

[1]) Житіе Іосифа, сост. неизвѣстнымъ, стр. 63.

[2]) Житіе Іосифа, сост. Саввою..., стр. 47; сн. житіе, составл. неизвѣстнымъ, стр. 63; см. также Полн. Собр. Лѣт., Т. VI, стр. 249.

[3]) Житіе Іосифа, сост. Саввою..., стр. 48.

[4]) Житіе Іосифа, сост. Саввою..., стр. 48—49; сн. Полн. Собр. Лѣт., Т. VI, стр. 249—250; житіе Іосифа, сост. неизвѣстнымъ, стр. 63—64.

[5]) Все это дѣло получило такой широкій размѣръ и имѣло такія печальныя для Серапіона послѣдствія потому именно, что тутъ примѣшалась государственная политика.

мена сомнѣвались въ его правотѣ и находили лучшимъ, еслибы онъ, не начиная соблазнительной борьбы со своимъ архіереемъ и княземъ, оставилъ свой монастырь и удалился въ другое мѣсто. Все это и побудило Іосифа прибѣгнуть къ литературной защитѣ предпринятаго имъ образа дѣйствій, выразившейся въ видѣ его пространныхъ и энергическихъ посланій къ друзьямъ и благодѣтелямъ. Для насъ важно отмѣтить эти посланія, какъ ясный показатель того, насколько высоко поставлялъ игуменъ Волоцкій въ проводимыхъ имъ воззрѣніяхъ значеніе и силу власти государя Московскаго, и какъ широко понималъ онъ его права во всѣхъ сферахъ жизни управляемой имъ русской земли.

Въ посланіи къ Борису Васильевичу Кутузову [1]), приведя въ оправданіе своего поступка—передачи монастыря изъ подъ власти удѣльнаго князя въ державу великаго князя Московскаго—съ одной стороны „въ нашей Рустѣй землѣ" бывшіе уже примѣры такой передачи (монастырей: Троицкаго Сергіева, Каменскаго и Толгскаго въ княженіе Василія Темнаго, и монастыря Боровскаго при Іоаннѣ III), а съ другой—рядъ примѣровъ изъ исторіи христіанской церкви, какъ различные „преподобніи и богоносніи отцы наши, пастыріе и учителіе, (заботившіеся о церквахъ и монастыряхъ) отъ меньшихъ царей къ большимъ приходяще, и оборону отъ нихъ пріимаху, а большіе цари вступалися въ вотчину меньшихъ царей за церкви и монастыри",—Іосифъ пишетъ: „И язъ, послѣдуя божественнымъ писаніямъ и прежь реченнымъ онимъ святителемъ, игуменомъ и царей православныхъ суду, билъ челомъ государю православному самодержцу и Великому князю всеа Русіи, чтобы

[1]) Біографъ Іосифа, Савва еп. Крутицкій, описывая отроческій періодъ жизни будущаго основателя и перваго игумена Волоколамскаго монастыря, говоритъ о дружбѣ его съ „отрокомъ отъ синклитска роду",Борисомъ Кутузовымъ.(Житіе Іосифа, стр. 6—7). Кутузовы были вотчинниками въ Волоколамскѣ, Дмитровѣ и Рузѣ; при Іоаннѣ III нѣкоторые изъ нихъ получили помѣстья въ Новгородѣ. Служили они въ Москвѣ и Новгородѣ при архіепископѣ; Борисъ Васильевичъ былъ окольничимъ. Іосифъ до старости сохранялъ свое пріязненное отношеніе къ нему. Подъ конецъ жизни Борисъ Кут. принялъ монашество въ монастырѣ Іосифа подъ именемъ Авраамія. См. „Изслѣд. о сочин. Іосифа Санина"... Хрущова, стр. 27 прим. 42; а также примѣч. Невоструева на 7 стр. изданнаго имъ житія Іосифа, написанн. Саввою.

государь пожаловалъ, монастырь Пречистыя избавилъ отъ насильства княжъ Ѳедорова,... и государь нашъ князь великій Василей Ивановичъ всеа Русіи монастырь Пречистыя и мене грѣшнаго съ братьею взялъ въ великое свое государство, и не велѣлъ князю Ѳедору Борисовичу вступаться ни во что" [1]). Итакъ, ясно, что Московскій великій князь въ сравненіи съ князьями удѣльными является „большимъ государемъ", который имѣетъ полное право вступаться въ ихъ вотчины и при всякомъ случаѣ можетъ проявить надъ ними свою верховную власть. Эту же мысль о преимуществѣ князя Московскаго Іосифъ ярко выражаетъ далѣе и въ томъ толкованіи, какое онъ даетъ словамъ архіеп. Серапіона изъ его отлучительной на Іосифа грамоты. „Да и грамоту,—сообщаетъ онъ Кутузову,—прислалъ (архіепископъ) такову ко мнѣ,... что де еси отдалъ монастырь свой въ великое государство, ино де еси отступилъ отъ небеснаго, а пришелъ къ земному. И ты, господине, разсуди себѣ Серапіонову мудрость, учинилъ Волокъ небомъ, а Москву землею, а князя Ѳедора Волоцкаго небеснымъ, а великаго князя Московскаго земнымъ" [2]). Такимъ образомъ, на взглядъ Іосифа, является просто неразумнымъ прилагать къ личности удѣльнаго князя названіе „небесный", а къ личности Государя Московскаго названіе „земной": государю „большему" свойственно и названіе болѣе возвышенное. Подъ вліяніемъ, конечно, Іосифа, такой же смыслъ придалъ вышеприведеннымъ словамъ владыки Новгородскаго и самъ Московскій великій князь. По свидѣтельству Іосифа (въ томъ же посланіи къ Кутузову), на составленномъ для суда надъ Серапіономъ соборѣ государь Московскій спрашивалъ обвиняемаго: „ино ты нарекъ князя Ѳеодора небеснымъ, а меня земнымъ, ино язъ земной то и есть, то намъ скажи, почему ты князя Ѳеодора назвалъ небеснымъ?" [3]). Въ разрѣшительной грамотѣ, данной Іосифу послѣ соборнаго суда надъ Серапіономъ, объ этомъ послѣднемъ, между прочимъ, говорилось: „владыка Серапіонъ... писалъ къ тебѣ, Іосифу, неблагословеніе и отлученіе съ иными

---

[1]) Посл. Іосифа къ Борису Кутузову. Древн. Росс. Вивліоѳ., ч. XIV, стр. 177—189.

[2]) Ibid., стр. 192. [3]) Ibid., стр. 194—195.

нѣкоторыми не подобными рѣчьми, вводя имя государя нашего неразсуднѣ" [1]). Очевидно, подъ этими „неподобными рѣчьми" разумѣются здѣсь тѣже самыя слова Новгор. архіепископа изъ его отлучительной на Іосифа грамоты, которыя такъ тенденціозно (въ чисто политическомъ смыслѣ) истолковалъ Волоцкій игуменъ и Московскій государь.

Значеніе и силу власти государя—великаго князя Московскаго еще рельефнѣе выразилъ Іосифъ въ посланіи къ другому своему благожелателю, боярину Ивану Ивановичу Третьякову-Ховрину [2]). Доказывая въ оправданіе себя „неправомѣрность" дѣйствій архіепископа Новгородскаго, который позволилъ себѣ отлучить его (Іосифа), предварительно „не обослався съ православнымъ государемъ и старѣйшимъ святителемъ", Іосифъ въ примѣръ того, какъ въ данномъ случаѣ долженъ бы поступить новгородскій владыка, указываетъ на митрополитовъ Кипріана, Іону и архіепископа Ростовскаго Вассіана (Рыло), изъ которыхъ у каждаго была распря съ подвластными имъ игуменами, и изъ которыхъ, однако, ни одинъ не дерзнулъ самовольно „отлучити и не благословити" тѣхъ игуменовъ, но каждый билъ челомъ великому князю Московскому, представляя такимъ образомъ дѣло на его усмотрѣніе. „И государи православные—замѣчаетъ Іосифъ—доспѣли тому дѣлу конецъ на Москвѣ по свидѣтельству священныхъ правилъ" [3]). Ясно, какъ видимъ, проводится мысль, что государь московскій есть высшая инстанція и по дѣламъ церковнаго управленія. Высказывая далѣе свой взглядъ на поведеніе Новгородскаго владыки, обнаруженное этимъ послѣднимъ на судившемъ его, въ присутствіи самого „державнаго", Московскомъ соборѣ, игуменъ Волоцкій пишетъ Ховрину: „И ты, господине, поразсуди Серапіоновъ умъ: гдѣ было ему бити челомъ на соборѣ государю православному и

---

[1]) Ibid., стр. 200.

[2]) Этимъ посланіемъ мы пользуемся по пространнымъ выдержкамъ изъ него, приведеннымъ въ „Изслѣдов. о сочин. Іосифа Санина" . . . Хрущова (стр. 219—232), въ сочин. Дьяконова: „Власть Москов. Государей" (стр. 120, 212); содержаніе этого посланія съ большими буквальными выдержками изъ него, изложено также въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. Россійск. за 1847 г., № 8, смѣсь.

[3]) Назван. изслѣдов. Хрущова, стр. 222; названн. сочин. Дьяконова, стр, 120.

самодержцу всея Руси..., и онъ сталъ сваритися съ нимъ. А божественныя правила повелѣваютъ царя почитати, ни сваритися съ нимъ. Ни древніи святители дерзнуша сіе сотворити, ни четыре патріарси, ни Римскій папа, бывшій на вселенскомъ соборѣ. И аще когда царь на гнѣвъ совратится на кого, и они съ кротостію и смиреніемъ и со слезами моляху царя" [1]). Вотъ образецъ, которымъ слѣдуетъ руководствоваться въ отношеніяхъ и къ царю-самодержцу всея Руси: съ нимъ никто не долженъ дерзать „сваритися", а на проявляемый имъ гнѣвъ отвѣтомъ должно служить смиренное и слезное предъ нимъ моленіе. Подъ властную защиту и покровительство этого-то царя и самодержца русскаго Іосифъ и передалъ свой монастырь, и можно-ли его подвергать порицаніямъ и обвиненіямъ за этотъ поступокъ, совершая который онъ слѣдовалъ указанію „священныхъ правилъ" и прежде не разъ бывшимъ примѣрамъ многихъ епископовъ и игуменовъ, у „царей и князей большихъ" искавшихъ защиты отъ притѣсненій со стороны „царей и князей меньшихъ". „И язъ—заявляетъ Іосифъ—билъ челомъ тому Государю, который не точію князю Θеодору Борисовичу, да архіепископу Серапіону, да всѣмъ намъ общій государь, но и всея русскія

[1]) Названн. изслѣд. Хрущова, стр. 223. Роль государя Московскаго на соборахъ святителей Іосифъ, какъ очевидецъ, изображаетъ, между прочимъ, въ своей духовной грамотѣ (монастырскомъ уставѣ). На порядокъ совѣщаній, какому слѣдовали на этихъ, происходившихъ въ присутствіи велик. князя, соборахъ, Іосифъ указываетъ, какъ на образецъ, которому должна подражать братія его монастыря на соборахъ монастырскихъ. Онъ пишетъ: „видѣхомъ бо и у великыхъ государей и самодръжцевъ сице творима: егда убо о нѣкоторыхъ дѣлехъ взысканіе творятъ, благочинно и некричаніемъ глаголютъ же; преже убо Государь глаголетъ, потомъ же и вси прилучившіися по единому глаголютъ; аще ли же начнутъ мнози глаголати, тогда съ яростію и гнѣвомъ запрѣщеніе пріимутъ отъ Дръжавнаго". 9-е преданіе Устава. См. Четьи—Минеи Макарія, изд. Арх. комиссіей. СПБ. 1868 г., м—цъ Сентябрь, столб. 609.—Извѣстный Ростовскій священникъ Георгій Скрипица въ поданномъ имъ собору 1503 г. писменномъ возраженіи противъ запрещенія вдовымъ священникамъ священнодѣйствовать писалъ между прочимъ: „въ церковныхъ правилахъ сказано: если кого обидитъ епископъ, пусть исправитъ митрополитъ; если оскорбитъ митрополитъ, пусть исправитъ патріархъ; а если обидитъ кого нибудь патріархъ или соборъ, то долженъ разсудить царь по правиламъ святыхъ отцевъ". См. Чт. въ Общ. Ист. и Древн. Росс. за 1848 г., № 6, отд. IV, стр. 6. Такъ понимались отношенія церковной и государственной властей на основаніи принципа, выработаннаго Византіей.

земли государемъ государь, котораго Господь Богъ устроилъ вседержителя въ свое мѣсто и посадилъ на царскомъ престолѣ, судъ и милость предаетъ ему, и церковное, и монастырское и всего православнаго государства и всея русскія земли власть и попеченіе вручилъ ему. И чтобы язъ—добавляетъ онъ—иному государю билъ челомъ, ино то бы я не гораздо учинилъ. И язъ того ради такого государя нашелъ, котораго судъ не посуждается“ [1]). И когда этотъ государь—великій князь обратился къ Іосифу съ просьбою, чтобы онъ отписалъ ему мысль свою, нельзя ли ему, Іосифу, бить челомъ архіепископу Серапіону, игуменъ Волоколамскій въ своемъ отвѣтномъ посланіи всецѣло предавалъ себя суду и волѣ государевой. „А нынѣ, государь, моя мысль: какъ Богъ да Пречистая Богородица тебѣ, государю моему, на сердце положитъ: какъ ты, государь, велишь, и азъ, государь, такъ бью челомъ“ (Серапіину) и прибавляетъ: „занеже, государь, надежа и упованіе по Бозѣ... ты, государь [2]).

Итакъ, государь всея Руси—великій князь московскій, согласно съ воззрѣніями Іосифа, представляетъ изъ себя такое царственное лицо, предъ которымъ всѣ его подданные—будетъ ли то князь, или іерархъ церкви, или иной кто-либо--должны заявлять полную покорность: для всѣхъ онъ есть единый общій государь. Онъ является какъ бы земнымъ богомъ, и его власть, врученная ему отъ Всевышняго Бога, уже въ силу этого самого происхожденія своего, есть власть неограниченная. Какъ царственный властитель, самимъ Богомъ посаженный на царскомъ престолѣ, онъ служитъ на землѣ высшимъ источникомъ суда и милости, и можетъ творить этотъ судъ и эту милость независимо отъ какихъ либо ограниченій со стороны подвластныхъ ему людей. И при этомъ, частнѣе, онъ не только властитель гражданскій, но его власть простирается и на все „церковное и монастырское“; всюду, слѣдовательно, и въ области отно-

---

[1]) Названн. изслѣдов. Хрущова, стр. 225—226; названн. сочин. Дьяконова, стр. 212; Чтен. въ Общ. Ист. и Древн. Росс. за 1847 г., № 8, смѣсь; сн. разрѣшит. грам., данную Іосифу послѣ соборнаго суда надъ Серапіономъ,—грамота эта въ посланіи Іосифа къ Кутузову. Древн. Росс. Вивліоѳ., ч. XIV, стр. 198—201; сн. также Полн. Собр. Лѣт., Т. VI, ст. 249.

[2]) См. Невоструева—Разсмотрѣніе названной книги Хрущова, стр. 55.

шеній чисто гражданскихъ, и въ области отношеній религіозно-церковныхъ—государь Московскій является царемъ—владыкою со властію неограниченною, дѣйствій которой никто не можетъ и не смѣетъ „посуждать".

Какіе, въ частности, взгляды проводилъ Іосифъ на взаимныя отношенія между государемъ Московскимъ и удѣльными князьями, это съ ясностію можно видѣть изъ тѣхъ теоретическихъ и практическихъ совѣтовъ, какіе предлагалъ удѣльнымъ властителямъ вліятельный Волоцкій игуменъ. Въ „посланіи къ благовѣрному имркъ", написанномъ, какъ полагаютъ [1]), къ одному изъ братьевъ великаго князя Василія Іоанновича, и именно къ Дмитровскому князю Юрію, Іосифъ, пересказывая слова Златоуста, даетъ князю такое наставленіе: „князь и властели, милованіе и заступленіе и правду покажите на нищихъ людехъ, сихъ заступленіе пріемлюще и укрѣпленіе о нихъ, и отъ сердца подающе любовь богодарованному царю нашему, воздающе ему должная покоренія, и послушанія, и благодареніе, и работающе ему по всей воли его и повелѣнію его, яко Господеви работающе, а не человѣкомъ" [2]). А вотъ какой совѣтъ даетъ Іосифъ тому же удѣльному князю уже на чисто практической почвѣ. Когда „по зависти искони злоначальнаго злодѣя, врага, богопротивника и ненавистника всякаго блага" и „смущеніемъ злыхъ человѣкъ дръжавный царь и государь, великій князь Василій Ивановичъ всеа Русіи захотѣ поимати брата Юрья Ивановича", и когда этотъ послѣдній, чувствовавшій свою правоту предъ Московскимъ княземъ и думавшій, во избѣжаніе кровопролитія, послѣдовать совѣту своихъ людей—„еже отступити далѣ", обратился за совѣтомъ и содѣйствіемъ къ Іосифу, то игуменъ Волоцкій сказалъ ему слѣдующее: „Азъ ти не велю дръжавному брату своему противитися, ни паки мало совѣтъ даю, еже отступити: аще отступиши, той же крови литися, а на тебя будетъ слава во вѣки измѣнная. Азъ же нынѣ молю тобя и по твоему

---

1) См. названн. изслѣдов. Хрущова, стр. 96. Здѣсь это посланіе надписывается: „посланіе наставительное къ благовѣрному князю" (стр. 94).

2) Посланіе это въ Памятн. Старинн. Русс. Литер., изд. Кушелевымъ-Безбородко, вып. IV, стр. 192.

прошенію совѣтъ даю: приклони съ извѣщеніемъ (т. е. съ объясненіемъ дѣла) главу свою предъ Помазанникомъ Божіимъ и покорися ему: вѣрую Господу Богу, яко извѣститъ сердцу его правду твою, яко сердце помазанника Божія въ руцѣ Его есть“ [1]). Согласно съ совѣтомъ Іосифа, удѣльный князь оставилъ свое намѣреніе „еже отступити далѣ“ и сказалъ: „не буду противу государя, но предамся волѣ его: воленъ Богъ да Государь“!... Благодаря посредничеству вліятельнаго игумена, дѣло между князьями на этотъ разъ кончилось мирно [2]).

Таковы, по взглядамъ Іосифа, должны быть отношенія удѣльныхъ князей къ Государю всея Руси—великому князю Московскому. Безусловная покорность и послушаніе первыхъ предъ послѣднимъ—вотъ чѣмъ должны быть всецѣло проникнуты эти отношенія. Правда, удѣльные князья представляютъ изъ себя также власть богоучрежденную и потому самому должны „все обладаемое отъ треволненіа спасати“, но власть удѣльныхъ князей должна имѣть примѣненіе *только* въ предѣлахъ даннаго имъ „отечьствія“ (вотчины): они поставлены Богомъ *только* на своемъ отечествѣ, приняли отъ Вышняго „правленье“ *только* „своего отечествіа“ [3]); между тѣмъ великій князь Московскій есть государь всея Руси, и, слѣдовательно, его власть, Богомъ ему данная, должна простираться на всю ввѣренную его попеченію русскую землю (его „Богъ въ Себѣ мѣсто избра на земли и *на свой престолъ* вознесъ посади“, онъ принялъ „отъ Вышняго повелѣнія *правленія человѣческаго рода*“ [4]), а въ частности, и на князей удѣльныхъ. Воля и повелѣніе московскаго государя должны представлять для князя удѣльнаго нерушимый законъ, опредѣляющій его поведеніе и дѣятельность. Случается-ли какое-нибудь взаимное недоразумѣніе, удѣльный князь—пусть будетъ даже на его сторонѣ правда—долженъ во всемъ отдаться на волю и милость своего госу-

---

[1]) Житіе Іосифа, напис, Саввою, еп. Крутицкимъ, стр. 54—55.

[2]) Ibid., стр. 55—58.

[3]) Другое посланіе Іосифа Волоцкаго къ Дитровскому князю Юрію. Дополн. къ Акт. Истор., т. I, № 216, стр. 363—364.

[4]) См. отмѣчен. нами выше посланіе Іосифа къ вел. кн. Василію Ивановичу.

даря, преклонить предъ нимъ главу свою, какъ предъ богодарованнымъ царемъ и помазанникомъ Божіимъ, и бить ему ему челомъ о помилованіи. Отступить отъ великаго князя для него значитъ наложить на себя тяжелое и вѣчное клеймо измѣнника. И нельзя здѣсь не замѣтить, что высказанныя въ этомъ направленіи Іосифомъ политическія идеи не укрылись отъ вниманія современниковъ и ближайшаго потомства. Нагляднымъ показателемъ ихъ широкой популярности въ XVI в. служитъ то, что при одной изъ рукописей этого вѣка („Діоптра инока Филиппа"), въ числѣ прибавочныхъ статей, не безъ цѣли, конечно, помѣщено подложное прошеніе Іосифа подъ такимъ заглавіемъ: „Извѣтъ преподобнаго отца нашего Іосифа Волоколамскаго, новаго чудотворца Осипова монастыря, повелѣніемъ вышняго къ Московскимъ великимъ княземъ: како имъ одолѣти удѣлнихъ великихъ рускихъ князей... и соединити во благоденство подъ себя вся руская земля и распространити всюду и всюду" [1]). Являясь, безъ сомнѣнія, подлогомъ, подобнаго содержанія статья, приписанная Волоцкому игумену, во всякомъ случаѣ служитъ однимъ изъ краснорѣчивыхъ свидѣтельствъ о томъ, какого рода политическія идеи приписывались Іосифу.

Но собственно не столько этими идеями о политическомъ объединеніи русской земли опредѣляется политическое значеніе Іосифа, сколько его горячей литературной проповѣдію о высотѣ сана верховной государственной власти. Ореолъ божественности, какимъ окружается эта власть въ его воззрѣніяхъ, прямо ведетъ къ признанію ея полной неограниченности. Такою дѣйствительно и является власть царя во взглядахъ Іосифа. По его представленію, царь—это неограниченный

---

[1]) См. приложеніе подъ буквою Д къ „изслѣдов. о сочиненіяхъ Іосифа"... Хрущова, стр. 264—265. Указанная рукопись принадлежитъ Москов. Синод. библіот. (№ 758). Въ двухъ сборникахъ Соловецкаго монастыря „Извѣтъ" не имѣетъ въ заглавіи имени Волоцкаго игумена. К. И. Невоструевъ высказываетъ предположеніе, что въ этомъ послѣднемъ видѣ „Извѣтъ" принадлежитъ перу извѣстнаго виднаго представителя партіи Заволжскихъ нестяжателей—князя—инока Вассіана Патрикѣева. Но кѣмъ сдѣланъ подлогъ „извѣта" на имя Іосифа Волоцкаго—трудно объяснить. См. его „Разсмотрѣніе книги Хрущова: изслѣдов. о сочин. Іосифа"..., стр. 64—66.

владыка, по своей власти уподобляющійся самому Богу („властію же подобенъ Вышнему Богу“), и потому обладающій на землѣ почти божественными правами; въ его рукахъ сосредоточивается такая полнота власти, что, подобно Вышнему, онъ для всѣхъ своихъ подданныхъ служитъ источникомъ милости и живота („милость и животъ положи у васъ и мечь вышняя Божія десница вручи вамъ“). Будучи главою государства, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ есть верховный покровитель и защитникъ церкви: изъ-подъ его царственной власти не изъята и область жизни религіозно-церковной. Охраненіе интересовъ церкви, забота объ искорененіи въ ней еретическихъ лжеученій и всякихъ безпорядковъ—вотъ самый главный долгъ, самая существенная обязанность, лежащая на государѣ и вытекающая изъ самаго священнаго величія той власти, носителемъ которой онъ является. Неисполненіе государемъ этой своей важнѣйшей обязанности будетъ величайшимъ съ его стороны преступленіемъ,—такимъ преступленіемъ, которое влечетъ за собою серьезнѣйшую опасность—погибель „всего православнаго хрестьянства“, божественную казнь надъ всѣмъ его государствомъ, а его самого дѣлаетъ не царемъ, а мучителемъ, имѣющимъ подвергнуться страшной отвѣтственности предъ судомъ божественнымъ. Представляя изъ себя верховнаго покровителя церкви, обязаннаго заботиться объ ея благоденствіи, объ охраненіи чистоты правовѣрія и благочестія, государь имѣетъ право вполнѣ начальственнаго отношенія ко всѣмъ церковнымъ учрежденіямъ; изъ его компетенціи не изъята ни одна сторона церковной жизни; ему отъ самого Бога вручено „все церковное и монастырское попеченіе“ [1]); къ его верховному

[1]) Церковные обряды, церковная дисциплина, церковно-юридическій порядокъ вообще—все это входило въ кругъ попеченій власти царя московскаго. Образъ дѣйствій царя Ивана Васильевича Грознаго на извѣстномъ стоглавомъ соборѣ 1551 г., задававшемся цѣлію выработать національный церковный уставъ, ясно показываетъ, что его одинаково озабочивало устроеніе какъ порядка государственной жизни, такъ и порядка жизни церковной. Царь обратился къ собору съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ и предложеній относительно разнаго рода злоупотребленій и безпорядковъ по всѣмъ направленіямъ церковной жизни (каковы напр. неправильное писаніе иконъ, неправильный звонъ и пѣніе въ церквахъ, неблаговѣйное стояніе въ храмахъ, злоупотребленія при выдачѣ антиминсовъ, при опредѣленіи на церковныя должности, соблазнительное поведеніе духовенства, мона-

суду и защитѣ должно прибѣгать во всѣхъ церковныхъ и монастырскихъ обидахъ. И этотъ верховный судъ государя, которому одинаково подлежатъ и лица свѣтскія и сами высшіе іерархи церкви и другіе представители ея, есть судъ окончательный, безапелляціонный, который никѣмъ уже не можетъ быть „посуженъ", т. е. отмѣненъ. Государь, такимъ образомъ, является единственнымъ, ничѣмъ неограниченнымъ, кромѣ божескихъ правилъ (страхъ предъ Богомъ, судъ божественный, гнѣвъ Божій), судьею поступковъ и дѣлъ всѣхъ безъ исключенія своихъ подданныхъ. И въ сферѣ церковно-религіозной, и въ сферѣ чисто гражданской власть государя—одинаково могущественная сила, предъ которой равно должны преклоняться представители и церковной, и гражданской власти. Словомъ, образъ царской власти, какъ онъ выступаетъ предъ нами въ воззрѣніяхъ знаменитаго Волоцкаго игумена, есть образъ чисто византійскій, обрисованный чисто византійскими чертами. Это, если можно такъ выразиться, пересаженный на русскую почву образъ православнаго византійскаго царя-автократора.

Излишне, кажется, было бы распространяться о важности такого рода государственно-политической проповѣди для интересовъ носителей великокняжеской Московской власти. Уже

шествующихъ, клятвопреступленіе и т. п.). Отношеніе царя къ этимъ безпорядкамъ и злоупотребленіямъ и къ ихъ устраненію не было отношеніемъ посторонняго наблюдателя, а отношеніемъ хозяина, ближе и болѣе всѣхъ озабоченнаго водвореніемъ порядка. Исправленіе „поисшатавшихся" церковныхъ обычаевъ дѣлалось на соборѣ по волѣ и отъ имени царя. Говоря вообще, церковное законодательство стоглаваго собора принадлежало болѣе царю, нежели духовенству; царь мыслилъ и совѣтовалъ, а духовенство только слѣдовало его указаніямъ. Государь московскій, устанавливавшій нормы церковнаго порядка, слѣдилъ и за соблюденіемъ установленныхъ нормъ чрезъ архіереевъ и воеводъ, которымъ онъ посылалъ соотвѣтственные наказы, при чемъ подчиненнымъ органамъ предписывалось доносить о несоблюденіи „царскихъ заповедей" святителю, а въ случаѣ, если святитель не управитъ, самому царю: безчинникамъ и непослушнымъ угрожалось святительскимъ запрещеніемъ и царскимъ наказаніемъ (см. „Стоглавъ", изд. Казан. Дух. Акад., гл. 49, стр. 237—239; сн. Акта Истор., Т. I, № 154, стр. 252; о правахъ и обязанностяхъ Государя московскаго по отношенію къ порядку церковной жизни см. также Стоглавъ, стр. 374, 298, 235; вообще во всѣхъ соборныхъ отвѣтахъ на царскіе вопросы и предложенія проводится мысль о необходимости царскаго контроля надъ всѣмъ „церковнымъ и монастырскимъ").

самое совпаденіе этой проповѣди съ эпохой окончательнаго собиранія Руси въ одно цѣлое государство и съ введеніемъ новаго монархическаго строя политической жизни ясно говоритъ за ея значеніе въ указанномъ направленіи. Немало при этомъ значило и то, что проповѣдь эта исходила отъ такой вліятельной личности, какую представлялъ изъ себя Волоцкій игуменъ Іосифъ. Его авторитетъ служилъ вѣрнымъ ручательствомъ за широкую популярность высказанныхъ имъ на религіозной основѣ политическихъ взглядовъ. Другое, что обезпечивало широкое распространеніе этихъ взглядовъ въ сферѣ политической—это ихъ близость со вновь выработанной Московской теоріей о православномъ русскомъ царствѣ. Теорія эта, какъ мы уже знаемъ, окружая ореоломъ величія православную Русь, явившуюся послѣ паденія Византійской имперіи единственнымъ въ мірѣ убѣжищемъ православія и благочестія, вмѣстѣ съ тѣмъ выдвигала Московскаго государя, какъ единаго во всей вселенной православнаго царя. Старецъ Филоѳей, перу котораго принадлежитъ окончательная формулировка данной теоріи, въ своемъ посланіи къ Василію Ивановичу называлъ этого великаго князя „православнымъ христіанскимъ царемъ, владыкою всѣхъ, браздодержателемъ святыхъ Божіихъ престолъ святыя вселенскія и апостольскія церкви“ [1]). По отношенію къ этимъ общимъ мыслямъ относительно государя всея Руси—великаго князя Московскаго государственно-политическія воззрѣнія Волоцкаго игумена представляютъ какъ бы ихъ частнѣйшее раскрытіе,—раскрытіе, сдѣланное на фактической почвѣ и на основаніи данныхъ, какія представляла для этого византійская юриспруденція и церковное право. На почвѣ борьбы съ ересью Жидовствующихъ и въ обстоятельствахъ столкновенія съ своимъ удѣльнымъ княземъ, новгородскимъ архіепископомъ Іосифъ самыми яркими красками обрисовалъ высоту положенія государя Московскаго, его права и обязанности, съ одной стороны, именно какъ „православнаго христіянскаго царя, браздодержателя святыхъ Божіихъ, престолъ святыя вселенскія и апостольскія церкви“, который,

---

[1]) См. Правосл. Собесѣдн. за 1863 г., ч. I, стр. 344.

по примѣру православныхъ царей греческихъ, долженъ быть верховнымъ покровителемъ и защитникомъ церкви, ревнителемъ православной вѣры, искоренителемъ ересей и расколовъ,—а съ другой какъ „владыки всѣхъ“, предъ которымъ всѣ его подданные—будутъ ли то представители свѣтской, или представители церковной власти—должны занять во всѣхъ отношеніяхъ зависимое и подчиненное положеніе.

Не задолго до смерти († 1515 г.) Іосифъ Волоцкій отправилъ посланіе „благородному и хрістолюбивому самодрьжцу, царю и государю всея Русіи, великому князю Васілію Ивановичу“, въ которомъ извѣщалъ послѣдняго о своей болѣзни и просилъ не назначать въ его монастырь игумена изъ другихъ обителей и вопреки желанію Волоколамской братіи („не по ихъ мысли“) [1]). А по духовной грамотѣ игуменъ Волоцкій передавалъ свой монастырь въ полное распоряженіе того же Государя Московскаго [2]). Послѣдній охотно принялъ это порученіе. Исполнилъ великій князь и вышеуказанную просьбу Іосифа, утвердивъ послѣ него Волоколамскимъ игуменомъ его ученика Даніила, избраннаго по желанію братіи. Немного времени спустя, именно въ 1522 г., этотъ преемникъ Іосифа по игуменству возведенъ былъ на каѳедру русской митрополіи, будучи избранъ на этотъ столь важный и видный постъ, какъ можно съ вѣроятностію полагать, единоличною волею Государя Московскаго [3]).

Воспитаніе и жизнь въ Волоколамскомъ монастырѣ, можно сказать, заранѣе предопредѣляли характеръ и направленіе воззрѣній и дѣятельности Даніила въ санѣ всероссійскаго митрополита, заранѣе показывали, что, ставъ во главѣ русской іерархіи, онъ выступитъ горячимъ сторонникомъ, ревностнымъ защитникомъ и послѣдовательнымъ проводникомъ завѣтовъ своего знаменитаго учителя. Такимъ дѣйствительно и выступаетъ предъ нами митрополитъ Даніилъ. Явившись яркимъ

---

[1]) Посланіе это см. въ Житіи Іосифа, напис. Саввою, еп. Крутицкимъ, изд. Невостр., стр. 59—60.

[2]) Ibid., стр. 61—62.

[3]) См. Полн. Соб. Лѣт. т. VI, стр. 264; Никон. Лѣт., ч. VI, стр. 228; см. также „Ист. рус. церкви“ преосв. Макарія, т. VI, кн. I, СПБ. 1870 г., стр. 166—167.

выразителемъ понятій и взглядовъ воспитавшей его школы, онъ съ этой стороны вполнѣ заслуживаетъ признаніе за нимъ типической личности іерарха—іосифлянина, какъ основательно и называютъ его нѣкоторые историки [1]). Тѣ излюбленныя идеи, за которыя ратовалъ преподобный Іосифъ, при его ученикѣ—митрополитѣ достигли господствующаго значенія, проникли въ жизнь русскаго общества и дали ей соотвѣтствующее направленіе на долгое время и послѣ Даніила.

Въ область нашей задачи не входитъ, конечно, всестороннее разсмотрѣніе воззрѣній и дѣятельности названнаго іерарха—іосифлянина. Сообразно своей цѣли, мы остановимъ вниманіе лишь на той сторонѣ литературной проповѣди и практической дѣятельности митр. Даніила, которая такъ или иначе касалась государственной власти и ея носителей, и такимъ образомъ, соотвѣтственно условіямъ времени, когда вводился и утверждался на Руси новый, монархическій, порядокъ государственной жизни въ лицѣ великаго князя Московскаго, могла носить политическій характеръ и имѣть политическое значеніе.

Въ ряду словъ, входящихъ въ составъ такъ называемаго „Соборника" митрополита Даніала, есть одно (восьмое) съ такимъ заглавіемъ: „яко подобаетъ къ властемъ послушаніе имѣти и честь имъ вѣздаати и еже на врагы Божіа" [2]). Въ словѣ, очевидно, имѣется въ виду главнымъ образомъ власть свѣтская, или государственная, такъ какъ рѣчь здѣсь идетъ о „человѣческомъ созданіи начальства"—о царяхъ, князьяхъ и владыкахъ. Изъ содержанія слова можно также видѣть, что ближайшей отправной точкой для автора—митрополита при составленіи даннаго разсужденія о власти послужила хорошо уже извѣстная намъ и столь подробно разработанная Іосифомъ Волоцкимъ тема о необходимости и законности преслѣдованія еретиковъ по предписаніямъ государственныхъ властителей. Но наряду съ этимъ неневѣроятнымъ представляется и то,

---

1) См. сочин. проф. Павлова „Истор. очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи". Одесса 1871 г., стр. 86.

2) См. рукописный „Соборникъ" митр. Даніила, принадлежащій Кіевской Дух. Академіи подъ знак. Аа 198, стр. 274 (списанъ съ рукописи XVI в., находящ. въ библіот. Москов. Дух. Акад. за № 198)

что поводъ къ написанію подобнаго разсужденія могъ лежать отчасти и въ нѣкоторыхъ явленіяхъ современной Даніилу русской жизни, соприкасавшихся съ вопросомъ о власти. „Время Даніила, говоритъ одинъ изъ изслѣдователей жизни и дѣятельности этого митрополита, было временемъ, когда только что входило въ силу единовластіе, смѣнившее собою удѣльно-вѣчевой строй общественной жизни. Оно же въ разсужденіи государственной власти принадлежало еще къ эпохѣ переходной, неустойчивой, когда новыя понятія о власти и ея правахъ не успѣли еще сдѣлаться общимъ достояніемъ народа, когда, напротивъ, существовали кружки людей, дорожившихъ старыми понятіями о власти и ея прерогативахъ, и враждебно относившихся къ новымъ порядкамъ, отнимавшимъ и нарушавшимъ многія изъ древнихъ родовыхъ правъ. Въ царствованіе Василія Іоанновича были нерѣдки случаи, „отъѣзда" русскихъ бояръ къ Литовскому князю и нѣкоторыхъ Литовскихъ бояръ къ Московскому государю [1]). Въ нихъ выразилось не вполнѣ подавленное сознаніе въ русскомъ боярствѣ своихъ древнихъ правъ—свободной и юридически законной перемѣны своихъ господъ... Могло быть, что митрополитъ Даніилъ, желая ослабить невыгодный для правительства взглядъ боярства на свои права, позаботился представить его неблаговиднымъ съ религіозно-нравственной точки зрѣнія, и своимъ разсужденіемъ о повиновеніи власти выставилъ его противнымъ ученію Христа и апостоловъ [2]).

Какъ бы то ни было, отъ чего бы въ зависимость мы ни поставляли данное разсужденіе митрополита Даніила, оно выставляетъ предъ нами автора проводникомъ тѣхъ же воззрѣній на значеніе государственной власти, какія высказалъ и Іосифъ

[1]) При усиленіи новаго порядка вещей приверженцы старины—бояре и вообще всѣ дружинники и слуги вольные—крѣпко держались за обветшалое право отъѣзда и, не имѣя возможности отъѣзжать къ русскимъ князьямъ, устремлялись въ Литовскую Русь, къ вел. князю Литовско-русскому. Отъ временъ Василія Іоанновича сохранилось не мало клятвенныхъ записей разныхъ князей—бояръ, данныхъ ими Государю Москов. за поручительствомъ и подписью митр. Даніила. См. Собр. Госуд. Грам. и Догов. Т. I, № 149, стр. 414—415 (Запись князя В. Шуйскаго); № 152, стр. 420—422 (запись кн. Дмитрія Бѣльскаго); № 153, стр. 423—425 (Запись кн. Ѳеодора Бѣльскаго), №№ 154. 157...

[2]) В. Жмакинъ: „Митр. Даніилъ и его сочиненія" М. 1881 г., стр. 407—408.

Волоцкій. Подобно этому послѣднему, и митрополитъ Даніилъ проводитъ взглядъ на власть государственную, какъ на учрежденіе божественное, функціи котораго сводятся къ двумъ главнымъ формамъ дѣятельности: съ одной стороны—къ отмщенію злодѣямъ, а съ другой—къ похвалѣ благотворящимъ. „Богъ нашъ,—говоритъ авторъ слова,—многоразлично пекійся о человѣческомъ спасеніи, устрои власти въ человѣческыхъ сынахъ въ отмщеніе злодѣемъ, во похвалу же благотворящимъ, да аще презритъ человѣкъ страхъ Божій, да въспомянетъ страхъ властелей земныхъ, да боящеся земныхъ начальствъ не поглатаютъ другъ друга якоже рыбы; тѣмъ же веліа польза даровася отъ Христа Бога человѣческому роду земными начальствы, много убо благодѣйствуютъ намъ владящіи и яко слугы Божіа суть, служаще Богу“ [1]). Если носители государственной власти суть слуги Божіи, служащіе Богу и благодѣтельствующіе людямъ, то въ силу этого самого должно воздавать имъ честь, оказывать предъ ними подчиненіе и послушаніе. На основаніи библейскихъ источниковъ авторъ доказываетъ, что „достойно и праведно есть въздавати честь царемъ“, согласно апостольской заповѣди: „Бога бойтеся, царя чтите... въздадите всѣмъ долгы: емуже урокъ, урокъ, емуже дань, дань, емуже страхъ, страхъ, емуже честь, честь“, что „подобаетъ покарятися, а не противитися властемъ“, такъ какъ, по словамъ апостола, „противляяйся власти Божію повелѣнію противляется“ [2]). Не преминулъ митрополитъ—авторъ отмѣтить и то, насколько высока должна быть степень покорности, какую каждый обязанъ проявлять по отношенію къ представителямъ власти. Процитовавъ извѣстное мѣсто изъ перваго посланія ап. Петра, что должно повиноваться „всякому человѣчю създанію Господа ради, аще же царю, яко преобладающу, аще ли княземъ, яко отъ него посланымъ“ и пр., онъ приводитъ затѣмъ толкованіе на эти

---

[1]) См. указанн. „Соборникъ“ митр. Даніила, стр. 274—275; сн. стр. 281.

[2]) Ibid; стр. 275; сн. стр. 279—280; сн. также „Наказаніе“ къ слову четырнадцатому. Ibid., стр. 502. Здѣсь митрополитъ Даніилъ въ числѣ другихъ наставленій дѣлаетъ и такое: „Бога бойтеся и царя чтите, и правду и смиреніе къ нему имѣйте“.

апостольскія слова Василія Великаго, гдѣ, между прочимъ, сказано, что должно „властемъ повиноватися, яко не властемъ, но Богови“ [1]). Не разъ поставляетъ на видъ при этомъ митр. Даніилъ и ту мысль, что подобаетъ покаряться именно властямъ, „Божіе повелѣніе творящимъ“ [2]), что повиноваться властямъ, какъ Богу, люди должны въ томъ именно случаѣ, „аще по закону Божію начальство имъ есть“ [3]); когда же власти что-либо „внѣ воли Господни повелѣваютъ намъ, да не послушаемъ ихъ“ [4]). Одинаково съ Іосифомъ опредѣляетъ митр. Даніилъ и главную обязанность, лежащую на носителяхъ государственной власти. Обязанность эта—попеченіе о чистотѣ вѣры и благочестія ввѣренныхъ ихъ управленію людей. По словамъ автора разсужденія, „подобаетъ пріемшимъ отъ Бога таковое служеніе (т. е. санъ государственной власти) яко Божіимъ слугамъ много попеченіе имѣти о божественныхъ законахъ и съблюдати родъ человѣческый невредимо отъ волковъ душепагубныхъ и не давати воли зло творящимъ человѣкомъ, ими же имя Божіе бесчествуется“ [5]). На богоустановленности государственной власти и ея назначеніи—отмщать злодѣямъ авторъ обосновываетъ, въ частности, право и обязанность представителей этой власти преслѣдовать и наказывать еретиковъ, которые являются не только врагами церкви, но вмѣстѣ съ тѣмъ и врагами государства и, въ качествѣ таковыхъ, должны быть судимы, какъ обыкновенные государственные преступники. Сказавъ, что гражданскіе властители, какъ „Божіи служители“, не должны „давати воли зло творящимъ человѣкомъ, бесчествующимъ имя Божіе“, митрополитъ разсуждаетъ далѣе; „осужаеми бываютъ татіе и разбойници и прочіи злотворящеи человѣци, пріемлютъ же казнь поправшеи и оплевавшеи образъ земнаго царя, и аще убо сіи и прочіи казнь пріемлютъ, множае паче хулящеи и бесчествующеи Сына Божія и Бога, и Пречистую Богородицу“ [6]). Тоже право и обязанность представителей государственной власти по отношенію къ „Зло творящимъ человѣкомъ“ авторъ

---

[1]) Ibid., стр. 280.
[2]) Ibid., стр. 275.
[3]) Ibid., стр. 280.
[4]) Ibid., стр. 280.
[5]) Ibid., стр. 275—276.
[6]) Ibid.; стр. 276.

обосновываетъ и путемъ историческимъ, ссылаясь съ одной стороны („отъ слова, еже похвалное святымъ славнымъ и равноапостоломъ, великимъ царемъ Констянтину и Еленѣ Евфиміа патріарха Торновскаго") на примѣръ перваго православнаго царя Константина—этого „всему римскому началству самодержца", который, ревнуя о православіи, повелѣвалъ „повсюду въздвизати святыя Божіа церкви, идольскыя же храмины подъ тѣхъ въчиневати властію", приказывалъ „пребывающихъ въ идольстѣй прелести главною казнити казнію" и написалъ „къ всѣмъ властемъ державы своеа ни въ чемъ же обидѣти церковь, но всяку пріазнь и покореніе тѣмъ даяти" [1]), а съ другой - на примѣръ русскаго князя—„подобника великаго Константина" — св. Владиміра, который, по совѣту и просьбѣ епископовъ, „начатъ казнити разбойники" [2])

Являясь, такимъ образомъ, въ качествѣ автора-публициста проводникомъ совершенно одинаковыхъ съ Іосифомъ Волоцкимъ взглядовъ на высоту положенія представителей государственной власти, ихъ права и обязанности по отношенію къ вѣрѣ и церкви,—взглядовъ, о политической значимости которыхъ, какъ мы замѣтили выше, можно заключить уже изъ самого совпаденія пропаганды ихъ съ эпохою введенія на Руси новаго (монархическаго) порядка государственной жизни въ лицѣ великихъ князей московскихъ,—митрополитъ Даніилъ гораздо яснѣе заявилъ свое политическое значеніе въ фактахъ прямого содѣйствія политическимъ интересамъ великокняжеской Московской власти.

Пользовавшійся неизмѣннымъ благоволеніемъ Василія Іоанновича и, естественно, старавшійся платить ему взаимною преданностію, митрополитъ Даніилъ оказалъ этому великому московскому князю двѣ важныхъ услуги, разсчитанныхъ на достиженіе цѣлей политическихъ. Услуги эти являются, между прочимъ, краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ, что названный іерархъ церкви угождалъ иногда Государю Московскому болѣе надлежащаго, и ими не безъ основанія соблазнялись нѣкоторые изъ современниковъ.

---

[1]) Ibid.; стр. 285.   [2]) Ibid.; стр. 287.

Одна изъ такихъ услугъ со стороны митрополита состояла въ томъ, что онъ помогъ великому князю Московскому отдѣлаться отъ послѣдняго представителя удѣльнаго порядка политической жизни—Сѣверскаго князя Василія Шемячича, внука извѣстнаго Димитрія Шемяки. Вызванный въ 1523 году въ Москву по подозрѣнію въ тайныхъ сношеніяхъ съ Литвою и при этомъ обнадеженный въ безопасности напередъ высланными „опасными" грамотами отъ государя и митрополита, удѣльный князь, однако, въ Москвѣ вскорѣ былъ схваченъ, какъ обвиненный въ измѣнѣ, и заключенъ въ темницу. Нѣкоторые изъ современниковъ высказывали сомнѣніе въ справедливости такого обвиненія и осуждали великаго князя и особенно митрополита за нарушеніе данныхъ Шемячичу обѣщаній. „Язъ у митрополита былъ и сидѣлъ есми у него одинъ на одинъ,—разсказывалъ опальный бояринъ Берсень-Беклемишевъ въ откровенной бесѣдѣ съ Максимомъ грекомъ,—и митрополитъ Великому князю велику хвалу воздаетъ,... а се деи Богъ его избавилъ запазушного врага; и язъ митрополита въспросилъ: кто запазушной государю былъ врагъ? И митрополитъ молвилъ: Шемячичъ;—а того деи митрополитъ и самъ позабылъ, что къ Шемячичу грамоту писалъ, и руку свою къ той грамотѣ и печать приложилъ, а взялъ его на образъ Пречистые да на Чюдотворцевъ да на свою душу" [1]). Съ другой стороны,

[1]) См. отрывокъ слѣдств. дѣла о Иванѣ Берсенѣ и Ѳедорѣ Жареномъ въ Акт. Археогр. Экспед., т. I, № 172, стр. 144. Относительно Берсеня нельзя не замѣтить, что въ извѣстіяхъ этого опальнаго представителя боярской оппозиціи замѣтна нѣкоторая тенденціозная преувеличенность въ изображеніи непріятныхъ ему лицъ и явленій того времени. О митр. Даніилѣ, который былъ политическимъ сторонникомъ вел. князя, Берсень въ той же бесѣдѣ съ ученымъ святогорцемъ говорилъ, что „учителна слова отъ него нѣтъ никотораго" (Ibid., стр. 141), а между тѣмъ названный митрополитъ, судя по его сочиненіямъ, былъ несомнѣнно однимъ изъ самыхъ начитанныхъ и учительныхъ пастырей русской церкви.—Лѣтопись, говоря о дѣлѣ Шемячича, не указываетъ причинъ, по которымъ онъ былъ схваченъ и заключенъ въ темницу, а просто замѣчаетъ: „Шемячичъ пойманъ бысть" (Полн. Собр. Лѣт., т. VI, стр. 264; т. VIII, стр. 270; Никон. Лѣт., ч. VI, стр. 229). Курбскій въ своей „Исторіи Іоанна" разсказываетъ, что игуменъ Троицкій Порфирій, „мужъ обычаевъ простыхъ и въ пустынѣ воспитанъ", торжественно и смѣло ходатайствовалъ предъ Василіемъ Іоанновичемъ за Шемячича, чѣмъ в. прогнѣвалъ государя и, сложивъ съ себя одежду игуменскую, удалился въ лѣсную пустыню на Бѣлоозеро". (См. Сказан. кн. Курбскаго, изд. Н. Устрялова, Спб. 1842 г., стр. 127—128).

какъ можно видѣть изъ показаній Герберштейна, носился слухъ, что уликою Шемячичу послужило его письмо, посланное имъ Польскому королю чрезъ Кіевскаго воеводу, а этимъ послѣднимъ доставленное Василію Іоанновичу [1]). Какъ бы то, впрочемъ, ни было—былъ-ли удѣльный князь дѣйствительно виновенъ въ томъ, въ чемъ подозрѣвалъ его государь Московскій, или нѣтъ,—во всякомъ случаѣ поступокъ съ нимъ митрополита Даніила съ нравственной точки зрѣнія не можетъ быть признанъ безупречнымъ. Очевидно, митрополитъ въ данномъ случаѣ руководился главнымъ образомъ соображеніями политическаго характера, и его мысль гораздо болѣе была занята важностію преслѣдуемой государственно-политической задачи, чѣмъ выборомъ средствъ къ ея осуществленію: онъ старался оказать услугу политическимъ стремленіямъ государя всея Россіи—великаго князя Московскаго.

Устроеніе дѣла о разводѣ Василія Іоанновича съ неплодной Соломоніей и о вступленіи его въ новый бракъ съ Еленой Глинской было второй крупной услугой со стороны митрополита Даніила политическимъ интересамъ Государя Московскаго [2]). Если въ поступкѣ съ Шемячичемъ митрополитъ являлся нарушителемъ своего священнаго слова, то въ данномъ случаѣ, изъявивъ свое согласіе на незаконный разводъ великаго князя и благословивъ его новый бракъ, онъ поступался каноническимъ правомъ церкви, оказывался нарушителемъ церковныхъ правилъ, тѣмъ болѣе, что, если вѣрить свидѣтельству одного сказанія объ этомъ дѣлѣ [3]), со стороны восточныхъ патріарховъ, къ которымъ, по совѣту митрополита, обращался русскій государь съ просьбою о разрѣшеніи развода, полученъ былъ

[1]) См. „Ист. Госуд. Россійск." Карамзина, изд. 2-е, т. VII, прим. 254.

[2]) Полн. Собр. Лѣтоп., т. VI, стр. 264; т. VIII, стр. 271; сн. т. IV, стр. 296.

[3]) Имѣемъ въ виду: „Выпись изъ Государевой грамоты о сочетаніи втораго брака и о разлученіи перваго брака чадородія ради. Твореніе Паисѣино, старца Ферапонтова монастыря". Чтен. въ Общ. Ист. и Древн. Россійск. за 1847 г., № 8. Смѣсь. Одни изъ изслѣдователей (напр. Преосв. Макарій—„Ист. рус. церкви", т. VI, кн. 1, Спб. 1870 г., стр. 173, прим. 242.—Карамзинъ—„Ист. Госуд. Росс." изд. 2-е, т. VII, прим. 277) съ недовѣріемъ относятся къ этому документу; другіе, напротивъ, не видятъ нужды сомнѣваться въ сообщаемыхъ здѣсь историческихъ фактахъ. См. проф. Иконникова: „Опытъ изслѣдов. о культурн. значеніи Византіи въ русс. Ист." Кіевъ 1869 г., стр. 354; см. также проф. Павлова: „Истор. очеркъ секуляризаціи церк. земель въ Россіи", Одесса 1871 г., стр. 87.

рѣшительный отказъ. На разводъ великаго князя и на вступленіе его во второй бракъ митрополитъ смотрѣлъ, очевидно, исключительно съ точки зрѣнія проистекавшей отсюда государственной пользы, а потому и въ этомъ случаѣ, какъ и ранѣе, въ дѣлѣ заключенія Шемячича, не затруднился воспользоваться нравственно-религіознымъ средствомъ для достиженія важной цѣли политической.

Важность политическихъ побужденій, которыми руководствовался митрополитъ Даніилъ, устроя дѣло развода и новаго брака Василія Іоанновича, со всею ясностію откроется предъ нами, если мы примемъ во вниманіе, что мысли самыя тревожныя, опасенія самыя сильныя вызывались тогда отсутствіемъ у великаго князя прямого наслѣдника престола и возникавшею отсюда возможностію прекращенія великокняжеской династіи. Самъ государь Московскій, сознавшій государственную важность прямого престолонаслѣдія отъ отца къ сыну, былъ сильно огорченъ и обезпокоенъ продолжительною бездѣтностію, которая, повидимому, угрожала сдѣлаться постоянною, такъ-какъ и второй бракъ вел. князя около пяти лѣтъ оставался безплоднымъ. „Кому по мнѣ царствовати на русской землѣ и во всѣхъ градѣхъ моихъ и въ придѣлѣхъ?—говорилъ онъ, по свидѣтельству лѣтописца, своимъ боярамъ, открывая имъ, очевидно, уже созрѣвшую въ немъ мысль о разводѣ и вступленіи въ новый бракъ.—Братіи-ли дамъ? Ино братья своихъ удѣловъ не умѣютъ устраивати“ [1]). Горячее желаніе имѣть по себѣ преемникомъ на престолѣ своего сына заставляло его обращаться къ молитвамъ, подвигамъ благочестія, хожденію по святымъ обителямъ. „О дивство!—восклицаетъ неизвѣстный авторъ вошедшаго въ составъ Степенной книги похвальнаго слова Василію III,—яко отъ таковы превеликія царскія красоты въ каково пріиде самовольное смиреномудріе, яко и по далечайшимъ пустынямъ пѣшу шествовати ему своими царскими стопами и съ своею боголюбивою княгинею Еленою, и съ своими синклиты, всегда бо на Бога упованіе возлагаху, и вѣрою утверждающеся и надежою веселящеся. Извѣстно бо вѣдяху, яко вѣра возмогаетъ, а надежда не посрамитъ; желаше бо по премногу

[1]) Полн. Собр. Лѣтоп., т. IV, стр. 295—296.

отъ плода чрева его посадити на престолѣ своемъ въ наслѣдіе роду своему" [1]). По разсказу лѣтописи, Василій Іоанновичъ, отпуская новопоставленнаго архіепископа Макарія въ Новгородъ, „велѣлъ въ ектеньяхъ молити Бога, и Пречистые Его Богоматере, и Чюдотворцовъ о Государѣ и его благовѣрной княгинѣ Еленѣ, чтобы Господь далъ имъ плодъ чрева ихъ" [2]). А списатель житія преп. Александра Свирскаго свидѣтельствуетъ, что „самодержавный Государь", по просьбѣ преподобнаго, „вся съ радостію даровалъ ему потребная на устроеніе монастырю,... повелѣлъ же и о семъ възвѣстити преподобному, яко да молитъ Бога о многолѣтіи и о плоду чрева его и о державѣ царства его" [3]). Желаніе вел. князя исполнилось: давно ожидаемый наслѣдникъ Московской державы явился. Естественно, что рожденіе этого сына—наслѣдника въ глазахъ приверженцевъ потомственной линіи русскихъ самодержцевъ должно было явиться такого рода событіемъ, государственно-политическая важность котораго совершенно искупляла противозаконность дѣла, допущеннаго по отношенію къ вел. князю со стороны митрополита. Анонимный авторъ отмѣченнаго нами выше похвальнаго слова Василію III, написаннаго именно по поводу рожденія у этого князя сына—наслѣдника, самыми яркими красками рисуетъ предъ нами и то глубокое чувство скорби, какое волновало извѣстную часть русскаго общества вслѣдствіе неплодства царицы, и тѣ чувства живѣйшей радости и благодарности къ Богу, какія явились, взамѣнъ перваго, по случаю рожденія будущаго царя Грознаго. Указывая на рожденіе царственнаго наслѣдника, какъ на проявленіе милости Божіей, „да не погибнутъ безъ пастыря не точію едины Рускія страны, но и вси православніи", авторъ обращается ко всѣмъ скорбѣвшимъ предъ тѣмъ людямъ съ такою торжественно-назидательною рѣчью: „Уже къ тому не сѣтуемъ, уже къ тому не стужаемъ Божіи славѣ, уже къ тому да не мятемся мыслію глаголя: кто потомъ да удержитъ хоругви рускаго царствія?

---

1) Степенн. кн., ч. II, стр. 105—106.

2) Полн. Собр. Лѣт., т. IV, стр. 296.

3) Житіе преп. Александра Свир. въ рукоп. сборн. Кіев. Дух. Акад. подъ зн. Аа 106, л. 266.

Кто да соблюдетъ православныхъ исполненіе? Кто поборетъ на безумныя? Кто да упразнитъ языческое стремленіе? Кто да посрамитъ еретическое гнилословіе? Кто да управитъ исконное во отчествіи его любопрѣнное и гордынное о благородствѣ мятежное шатаніе?" [1]) По воззрѣнію автора, отсутствіе у великаго князя прямого наслѣдника его царству грозило невыполненіемъ двухъ важныхъ задачъ государственнаго управленія, изъ коихъ одна—„посрамленіе еретическаго гнилословія" или дѣло преслѣдованія еретиковъ, а другая—искорененіе „гордыннаго и мятежнаго о благородствѣ шатанія" т. е. совершенное уничтоженіе сохранившихся остатковъ удѣльнаго порядка жизни. Но вотъ „дарова Богъ государю царю Василію отъ Елены сына Ивана, царству его наслѣдника",—и угрожавшая великая опасность миновала. „Уже отдохнухомъ отъ предлежащихъ намъ печалей,—восклицаетъ авторъ слова. Уже да не вскочитъ чужій посѣтитель на стадо Христово Уже къ тому да не сядетъ отъ иного племени на престолъ рускаго царствія, и да не преложитъ предѣловъ иже суть уставили православніи наши прежніи Самодержцы. Нынѣ же вся по Бозѣ полезная да управитъ сынъ и наслѣдникъ сего премудраго и милостиваго государя царя самодержавнаго Василія, потребляя всяку неправду, укрѣпляя благочестіе" [2]). По взгляду автора, на престолѣ русскаго царства желателенъ именно прямой наслѣдникъ названнаго сейчасъ Московскаго государя въ виду высоты царскаго сана, носителемъ котораго является государь всея Руси, такъ что вполнѣ достойнымъ наслѣдникомъ его можетъ быть только „плодъ отъ боку царска". И въ самомъ дѣлѣ, „царь существомъ тѣлеснымъ равенъ есть человѣкомъ, властію же приличенъ вышнему иже надо всѣми Богу: не имать бо высочайша себѣ на землѣ"; онъ „неприступимъ человѣки высоты ради земнаго царствія,... Якоже око въ тѣлеси водрузися, сице и царь въ мірѣ устроися отъ Бога дарованнымъ ему поспѣшеніемъ и полезнымъ, да промышляетъ убо о человѣцѣхъ". „Таковъ и бысть,—замѣчаетъ авторъ,—благочестивый царемъ царь Великій князь Василій, истовый велеумный правитель, вседоблій показатель, истинный кормчій,...

---

[1]) Степенн. кн. ч. II, стр. 206, 209.

[2]) Ibid., стр. 209.

всѣмъ людемъ еже о благочестіи твердый поборникъ,... окормляющій всѣхъ опасно о благозаконіи, беззаконія же потоцы крѣпко отгоняющій, да не погрязнетъ корабль великаго его державства въ волнахъ неправды" [1]).

Судя по содержанію слова, можно съ вѣрностію угадать, кто главнымъ образомъ составлялъ ту часть русскаго общества, которую болѣе всего могли смущать и тревожить печальныя опасенія, связанныя съ предположеніемъ о прекращеніи прямой потомственной линіи верховныхъ правителей русскаго царства —государей Московскихъ. Указанныя авторомъ двѣ задачи государственнаго правленія, возможное невыполненіе которыхъ такъ сильно безпокоитъ его, особенно же первая изъ этихъ задачъ, касающаяся охраненія чистоты православія отъ „еретичнаго гнилословія", укрѣпленія благочестія,—съ очевидностію, думаемъ, говорятъ за̀ то, что въ своемъ похвальномъ словѣ авторъ высказалъ мысли, которыя болѣе всего могли озабочивать именно сторонниковъ и послѣдователей школы Іосифа Волоцкаго: въ воззрѣніяхъ послѣдняго охрана и защита православной вѣры и церкви выставляются, какъ мы видѣли, существеннѣйшимъ назначеніемъ и главнѣйшею обязанностію носителей царственной власти. Престарѣлый и строгій подвижникъ Волоколамскаго монастыря Кассіанъ Босой, бывшій свидѣтелемъ жизни и дѣятельности Іосифа, услышавъ о рожденіи у великаго князя сына (котораго потомъ онъ вмѣстѣ съ игуменомъ Переяславскаго Троицкаго монастыря воспринималъ отъ купели [2]), „воздаде благодареніе и славу Богу и возрадовася духовною радостію" именно потому, что съ рожденіемъ наслѣдника престола „родъ православныхъ царей русскихъ не оскудѣ" [3]). Нужно думать, что и митрополитъ Даніилъ, какъ ревностный послѣдователь взглядовъ своего учителя—Іосифа, былъ тревожимъ тѣми же мыслями по поводу отсутствія у Василія Іоанновича прямого наслѣдника русской державѣ, которыя такъ рельефно выразилъ авторъ указаннаго похвальнаго

---

[1]) Ibid, стр. 209, 212.

[2]) См. Полн. Собр. Лѣт. т. VI, стр. 265; Степен. кн. ч. II, стр. 207.

[3]) См. въ сочинен. Невоструева: „Разсмотрѣніе книги Хрущова: изслѣд. о сочин. Іосифа Санина.., стр. 68.

слова—такой же ревностный сторонникъ воззрѣній знаменитаго игумена Волоцкаго [1]). Съ точки зрѣнія высказанныхъ этимъ неизвѣстнымъ авторомъ государственно-политическихъ опасеній за возможное пресѣченіе прямой линіи православныхъ русскихъ царей роль митрополита Даніила въ дѣлѣ развода и второго брака Василія III могла даже представляться патріотическимъ подвигомъ.

Двумя отмѣченными услугами, какія оказалъ митрополитъ Даніилъ Василію Іоанновичу, не исчерпываются вполнѣ политическія отношенія названнаго іерарха церкви, направлявшіяся въ пользу интересовъ носителей великокняжеской Московской власти. Есть данныя, чтобы указать и еще нѣкоторыя фактическія проявленія его политическаго значенія.

Такъ, нельзя не остановиться вниманіемъ на одномъ подробномъ и обстоятельномъ лѣтописномъ разсказѣ о послѣднихъ минутахъ жизни Василія Іоанновича, составленномъ, вѣроятно, какимъ-либо близкимъ ко двору современникомъ. Здѣсь сообщается, что великій князь, спѣшившій сдѣлать обычныя предсмертныя распоряженія, передавая собравшейся около его постели боярской думѣ собственно политическую часть своей духовной, прежде всего „приказалъ“ сына своего и наслѣдника Іоанна отцу своему Даніилу митрополиту, и что митрополитъ, тотчасъ же послѣ смерти государя, „вземъ братію великаго князя, князя Юрья и князя Андрея Ивановичевъ, въ переднюю избу, и приведе ихъ ко крестному цѣлованію на томъ, что имъ служити великому князю Ивану Васильевичу всея Руси и его матери великой княгинѣ Еленѣ, а жити имъ на своихъ удѣлѣхъ, а стояти имъ въ правдѣ, на чемъ цѣловали крестъ великому князю Василью Ивановичу всея Руси,... а государьства имъ подъ великимъ княземъ Иваномъ не хотѣти, ни людей имъ отъ великаго князя Ивана не отзывати,... а бояръ и дѣтей боярскихъ и княжатъ на томъ приведе ко крестному цѣлованію, что имъ великому князю Ивану Васильевичу всея Руси... и всей земли хотѣти имъ добра вправду,... а иного имъ госу-

[1]) Авторъ слова съ глубокимъ уваженіемъ и съ великою похвалою отзывается объ Іосифѣ Волоцкомъ, а также о постриженникѣ Іосифа, Кассіанѣ Босомъ. См. Степ. кн. ч. II, стр. 207.

даря мимо великаго князя Ивана не хотѣти“ [1]). Правда, мы имѣемъ другое лѣтописное извѣстіе, которое нѣсколько иначе рисуетъ роль митрополита въ тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ. По этому второму извѣстію, бояре сначала „межь себя крестъ цѣловали“ на вѣрность юному государю, а потомъ они же и братьевъ государя Юрія и Андрея „часа того привели къ цѣлованію предъ отцемъ ихъ Даниломъ митрополитомъ“ [2]). Но первый лѣтописный разсказъ представляется гораздо болѣе вѣроятнымъ и по своей обстоятельности, и по силѣ того соображенія, что митр. Даніилъ, которому, по обоимъ извѣстіямъ, умиравшій Государь прежде всѣхъ „приказалъ“ своихъ сыновей и жену, долженъ былъ, по обязанности главнаго душеприкащика, ранѣе и болѣе всѣхъ другихъ озаботиться о принесеніи присяги наслѣднику государства. А если такъ, то мы имѣемъ право приписать митр. Даніилу, который взялъ въ разсмотрѣнномъ сейчасъ случаѣ крестную присягу на вѣрность малолѣтнему государю съ князей Юрія и Андрея, а самъ къ нимъ за великаго князя креста не цѣловалъ,—приписать ему главную иниціативу первой попытки поставить отношенія удѣльныхъ князей къ великому князю на новыхъ, недоговорныхъ, началахъ.

Не много времени спустя послѣ кончины Василія Іоанновича, именно въ 1537 г., митрополиту Даніилу пришлось выступить въ роли посредника для примиренія малолѣтняго великаго князя и его матери съ младшимъ братомъ покойнаго государя—княземъ Андреемъ Старицкимъ. Послѣдній былъ подозрѣваемъ правительницею и верховными боярами въ измѣнѣ юному Іоанну Васильевичу. Желая вызвать его въ Москву, и не надѣясь на успѣшность своихъ мѣропріятій, правительница и бояре обратились къ содѣйствію церковной

---

[1]) См. Полн. Собр. Лѣт., т. VI, стр. 270, 275. А чрезъ нѣсколько времени „начаша Государя ставити князя Ивана Васильевича на великое княженіе въ соборнѣй церкви Пречистые Богородицы митрополитъ Данило, и архіепископы и епископы, и архимандриты, и игумены, и весь причетъ церковный, и князи и бояре и все православное христіанство; благослови его (вел. князя) митрополитъ крестомъ и нача ему высочайшимъ гласомъ глаголати: Богъ, Государь, благословляетъ тя, князь великій Иванъ Васильевичъ... царь и государь всеа Русіи“. См. Пол. Собр. Лѣт., т. IV, стр. 299.

[2]) Полн. Собр. Лѣт. т. VIII, стр. 285—286.

власти, и разсчитывали на силу и вліяніе ея авторитета. Къ Старицкому князю отправлено было посольство изъ нѣсколькихъ духовныхъ особъ (Досиѳей, арх. Сарскій и Подонскій, и Филоѳей, архимандритъ Симоновскій) съ спеціальнымъ наказомъ митрополита, въ которомъ почти цѣликомъ воспроизведены извѣстные намъ совѣты Іосифа Волоцкаго князю Юрію Ивановичу. Въ наказѣ митрополитъ приказывалъ убѣждать князя Андрея, чтобы онъ „отсталъ отъ своего злого помысла", не измѣнялъ князю Московскому и не нарушалъ своего крестнаго къ нему цѣлованія, чтобы припомнилъ заповѣдь Апостола, повелѣвающую подчиняться и вѣрно служить установленной власти и потому былъ бы во всемъ „благопокоренъ и послушенъ" своему Государю [1]). Митрополитъ обѣщалъ взять князя Старицкаго на свою отвѣтственность („на свои руки"), если онъ „поѣдетъ къ Государю и Государынѣ", а въ случаѣ упорства повелѣвалъ посламъ предать его, какъ „непослушнаго и непокорнаго", отлученію и проклятію [2]). Наказъ не достигъ своей цѣли. Удѣльный князь рѣшился спасаться бѣгствомъ въ Новгородъ и тамъ разсчитывалъ наскоро собранною силою защищать себя. Но его разсчетамъ не суждено было осуществиться: взятый Московскими воеводами, онъ заключенъ былъ въ тюрьму, гдѣ скоро и умеръ [3]). Дѣло Андрея Старицкаго

---

[1]) „Данилъ митрополитъ велѣлъ тобѣ говорити: слухъ къ намъ пришелъ, что де—и хочешъ оставити благословенье отца своего... и жалованье и бреженье Государя своего, Великаго князя Ивана, и матери его Великія Княгини Елены, и обещанье свое и крестное целованье... Писано есть въ посланіи великого Апостола Павла, ежъ къ Тимоѳѣю ученику его и апостолу и епископу: воспоминаи, рече, имъ, началомъ и властемъ повиноватися, и покорятись, и ко всякому дѣлу благу готовымъ быти... И тыбъ, чадо, помнилъ обещанье свое и крестное целованіе... и лихія бы еси мысли оставилъ, и былъ бы еси съ нимъ, со Государемъ своимъ, съ Великимъ князем Иваномъ Васильевичемъ всеа Русіи... безъ всякого противленьа, и разскола и раздора, во всемъ благопокоренъ и послушенъ, и въ мирѣ и любви". См. Собр. Госуд. Грам. и догов., ч. II, № 32, стр. 40.

[2]) „Данилъ митр. велѣлъ тобѣ говорити:... се ты, чадо непослушное и непокорное, самъ на себе налагаешь тягость церковную, духовную и юзу вѣчную... И се еси отлучилъ самъ себе и вѣчную юзу на себѣ наложилъ: не буди на тебѣ милости Божіа, и Пречистыа Его Матери Богородицы... и по Божественыхъ святыхъ апостольскихъ и отеческихъ правилахъ да будеши проклятъ". Ibid., стр. 41.

[3]) Разсказъ о дѣлѣ князя Андрея Старицкаго см. въ Полн. Собр. Лѣт., т. VIII стр. 292—295.

было послѣднею слабою попыткою удѣльнаго князя возобновить старинныя междоусобія. Вмѣстѣ съ этою попыткою прекратились и старыя удѣльныя отношенія. Московское единодержавіе послѣ того уже не подвергалось подобнаго рода тревогамъ.

Какъ можно видѣть изъ сказаннаго, политическое значеніе митрополита Даніила для интересовъ великокняжеской Московской власти яснѣе всего выразилось въ его практическаго характера услугахъ государю Московскому. Что же касается собственно высказанныхъ имъ въ восьмомъ словѣ „Соборника“ теоретическихъ воззрѣній на значеніе государственной власти, ея права и главныя обязанности, то этимъ его воззрѣніямъ, сравнительно съ такими же воззрѣніями Іосифа Волоцкаго, недостаетъ въ его литературно-публицистической проповѣди прямого и ближайшаго примѣненія ихъ именно къ личности великаго князя Московскаго. Съ этой стороны замѣтнѣе выступаетъ предъ нами другой послѣдователь Іосифа и его школы—Новгородскій архіепископъ Ѳеодосій, бывшій сначала инокомъ Волоколамскаго монастыря, затѣмъ, въ 1531 г., не безъ вліянія митрополита Даніила, назначенный игуменомъ Новгородскаго Хутынскаго монастыря и, наконецъ, въ 1542 г. поставленный архіепископомъ Новгорода [1]).

Въ посланіи къ великокняжескому дворецкому Ивану Шигонѣ, написанномъ въ концѣ 1534 г., вскорѣ послѣ смерти Василія Іоанновича, Ѳеодосій—тогда еще игуменъ Хутынскій—въ самыхъ возвышенныхъ чертахъ обрисовываетъ въ лицѣ государя Московскаго образецъ единаго православнаго царя—самодержца, на котораго возложено попеченіе о всѣхъ ввѣренныхъ его власти людяхъ. Оплакивая смерть Василія Іоанновича и возлагая всѣ надежды на даннаго ему Богомъ сына—наслѣдника русскому царству, авторъ посланія пишетъ: „постиже насъ ночь глубока и темна, лишихомся твердаго и крѣпкаго столпа, пастыря и учителя, праведнаго царя,... наставляющаго и окормляющаго все свое стадо къ спасенію духовному, и отъ лютыхъ врагъ и треволненій изымающа, и до крове за души наша подвизающася. Нынѣ же таковый свѣтъ отъ очію нашею зайде. Горе намъ грѣшнымъ и окаяннымъ,

[1]) Полн. Собр. Лѣт. VI, стр. 289; т. IV, стр. 305.

яко во тмѣ и сѣнѣ смертнѣй ходимъ, отъ великія и нечаемыя скорби и бѣды, и заблудихомъ яко овцы неимуща пастыря! Но не до конца Христосъ остави насъ сирыхъ: за молитвъ Угодника Его далъ Богъ отъ чреслъ его Царя и Государя Великаго Князя Ивана Васильевича пасти люди Божіа; отъ того утѣшеніе пріемлемъ, и тѣмъ ся окормляемъ, и на то ся надѣемъ, великое жалованье и милость получити отъ него, якоже и отъ отца его" [1]).

Высокое и священное положеніе верховнаго представителя русскаго государства—великаго князя Московскаго частнѣе раскрываетъ тотъ же авторъ—публицистъ въ посланіи (1547 г.) къ Іоанну Васильевичу Грозному, котораго онъ просилъ принять мѣры къ прекращенію въ Новгородѣ корчемства грабежей и смертоубійствъ [2]). Умоляя „благороднаго и христолюбиваго и вседръжавнаго, превысочайшего и свѣтлѣйшего, Богомъ избраннаго и Богомъ почтеннаго царя—самодрьжца всея Русіи" употребить свои всесильныя мѣры противъ новгородскихъ безчинствъ, такъ какъ кромѣ него, государя, „того душевнаго вреду и треволненіа внѣшняго уставити нѣкому", Ѳеодосій пишетъ Іоанну Васильевичу: „О сихъ тебѣ пишу, богоутверженный владыко, не яко уча и наказуя твое остроуміе и благородную премудрость,... но яко ученикъ учителю, яко рабъ государю, въспоминаю тебѣ и молю нынѣ безпрестани: занеже тобѣ, государю, по подобію небесныя власти далъ ти есть небесный Царь скипетръ земнаго царствія силы, да человѣкы научиши правду хранити и еже на ны бѣсовское отженеши желаніе". Такъ высока, священна и всеобъемлюща власть православнаго царя—государя, какимъ является великій князь Московскій. Его положеніе во ввѣренномъ ему государствѣ подобно положенію кормчаго, отъ бдительности и распорядительности котораго зависитъ судьба корабля, совершающаго далекое плаваніе среди великихъ и многочисленныхъ опасностей. „Якоже кормчій бдитъ всегда, тако и царскій многоочитый твой умъ сдержитъ твердо добраго закона правило, изсушаа крѣпко беззаконіа потокы, да корабль всемірныя жизни не по-

---

1) Послан. см. въ Акт. Историч. т. I. № 294, стр. 537—538.

2) Посланіе въ дополн. къ Акт. Истор. т. I, № 41, стр. 55—56.

грязнетъ волнами смущенія". Проявленія его царственной власти подобно проявленіямъ власти Царя Небеснаго: „якоже страшное и всевидящее око Небеснаго Царя всѣхъ человѣкъ сердца зритъ и помышленіе вѣсть, такоже и царское твое остроуміе болшу имать всѣхъ силу изрядне управити благое свое царствіе, и страшенъ будеши сана ради власти царскіе и запретиши не на злобу обращатися, но на благочестіе". Въ отношеніи къ своему царству единый православный Государь представляетъ изъ себя то же, что представляетъ солнце по отношенію ко всей твари, съ тѣмъ лишь, показывающимъ превосходство перваго, различіемъ, что свѣтъ отъ солнца проистекающій, пропадаетъ съ наступленіемъ ночи, а царь долженъ быть чуждъ вліяній тьмы. „Солнцу свое дѣло свѣтити лучами всю тварь, царя же добродѣтели еже миловати нищіа и обидныя; свѣтлійше же того, благовѣрный царь, солнце заходитъ пріятіемъ нощи, сей же не попущаетъ въсхищенъ быти злымъ, но свѣтомъ истиннымъ обличаетъ тайная неправды; елико силою всѣхъ превышше еси, толма и дѣлы подобаетъ ти свѣтити". Забота о чистотѣ вѣры и благочестія—главнѣйшая обязанность православнаго русскаго царя: „подобаетъ же ти, благочестивый царю, всяко тщаніе о благочестіи имѣти, и сущихъ подъ тобою отъ треволненія спасати душевнаго и тѣлеснаго".

Такими же яркими и сильными красками обрисовываетъ Ѳеодосій высоту и значеніе царскаго сана въ лицѣ государя Московскаго и въ двухъ своихъ посланіяхъ къ Іоанну Васильевичу по случаю Казанскаго похода 1545—1546 г.г. [1]). Примѣняя къ личности верховнаго представителя русскаго царства принципъ богоустановленности царской власти, авторъ такимъ возвышеннымъ титуломъ величаетъ государя всея Руси: „Вседержителемъ созданный, иже божественною благодатію осѣняемый, паче же Богомъ почтенный,... превеликаго разума Божіимъ милосердіемъ исполнена истинная вѣтвь родителей своихъ вро-

[1]) Эти два посланія см. въ Дополн. къ Акт. Истор., т. I, № 37, стр. 38—40. Весьма близкое, доходящее часто до буквальности, сходство съ этими посланіями арх. Ѳеодосія представляетъ собое посланіе къ царю Іоанну Васильевичу Грозному о укрѣпленіи на брань съ литовцами (1563 г.), принадлежащее арх. Новгородскому Пимену. См. Ак. Истор., т. I, № 302, стр. 549—551.

женныхъ на земли,... Богомъ направляемый и всякія чести достойный, милостивый государь,... всея Русіи самодръжецъ". Высоту положенія государя русскаго, „о благочестіи дръжавы" котораго „день и нощь" возносятся къ Богу „молитвы и молбы" Ѳеодосій рельефно также выставляетъ, прилагая къ нему заимствованныя у пророка божественныя слова относительно царей: „Азъ воздвигохъ тя съ правдою царя, и пріахъ тя за руку, и укрѣпихъ тя, да послушаютъ тебе языци, и крѣпость царемъ разрушу, отворю двери и гради не затворятся" и пр. По воззрѣнію архіепископа—автора, русскій „Богомъ утверженный царь", предпринимающій походъ противъ царства, „идѣже темніи и бесерменстіи языци идоломъ покланяются", обнаруживалъ черезъ это свойственную его царственному положенію ревностную заботу о „святыхъ церквахъ и православномъ христіанствѣ, за нихъ же Христосъ кровь свою проліа" и такимъ образомъ уподобился первому христіанскому царю Константину, „иже крестомъ честнымъ побѣди враги своя".

Тѣ же возвышенныя понятія о верховной государственной власти, сосредоточивающейся въ рукахъ государя всея Руси—великаго князя Московскаго, раскрываются и въ литературно-публицистическихъ воззрѣніяхъ самаго виднаго изъ сторонниковъ и послѣдователей взглядовъ Іосифлянской школы, какимъ былъ знаменитый іерархъ русской церкви XVI в.—митрополитъ Макарій [1]). Священное значеніе царской власти, права и главныя обязанности ея носителей провозглашаются Макаріемъ совершенно въ духѣ Іосифовскихъ воззрѣній и выражаются иногда въ словахъ, буквально заимствованныхъ изъ писаній Волоцкаго игумена.

---

[1]) Архіепископъ Новгородскій, а потомъ столь извѣстный всероссійскій митрополитъ времени Іоанна Васильевича Грознаго, Макарій по своимъ воззрѣніямъ и по характеру полученнаго имъ книжнаго образованія вполнѣ подходилъ подъ духъ того направленія, яркимъ выразителемъ котораго былъ препод. Іосифъ Волоцкій. См. ст. Лебедева: „Макарій митр. Всероссійскій" въ Чт. Общ. Люб. Дух. Просв. за 1877 г., мѣсяцъ сентябрь, стр. 392—406. Солидарность воззрѣній Макарія съ воззрѣніями Волоколамской школы находитъ свое объясненіе, помимо его знакомства съ сочиненіями Іосифа Волоцкаго, отчасти и въ томъ, что онъ нѣкоторое время подвизался въ монастырѣ Пафнутія Боровскаго, гдѣ началъ свои монашескіе подвиги и препод. Іосифъ. См. Правосл. Собесѣдн. 1863 г., ч. III стр. 412.

Въ санѣ Новгородскаго архіепископа Макарій производитъ реформу въ устройствѣ внѣшняго быта мѣстныхъ монастырей (введеніе общежитія) не иначе, какъ „по царскому повелѣнію“ и считаетъ необходимымъ извѣщать о своихъ церковныхъ дѣлахъ „вседержавнаго государя“, „по божественному—какъ онъ выражается—писанію: вся да сказана бываютъ царю и архіерею“ [1]). Въ написанномъ имъ по поводу этой реформы посланіи къ Василію Іоанновичу изображеніе высоты царскаго сана до буквальности сходно съ изображеніемъ ея у Іосифа, въ посланіи къ тому же великому князю. „Бога ради, государь, и пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцовъ,—пишетъ Макарій „вседержавному царю—самодержцу всея Руси“,—подщися и промысли о божественныхъ церквахъ и честныхъ монастырехъ: занеже, государь, отъ вышняя Божіа десница поставленъ еси самодержецъ и государь всея Русіи, Тебя, Государя, Богъ въ себе мѣсто избра на земли и на свой престолъ вознесъ посади, милость и животъ тебѣ поручи всего великаго православіа“ [2]). „Попеченіе о своей Богомъ порученѣй паствѣ, о святыхъ Божіихъ церквахъ и честныхъ монастырехъ, и о всѣхъ православныхъ христіанѣхъ, о ихъ единородныхъ и безсмертныхъ душахъ“—это существеннѣйшая обязанность занимающаго столь недосягаемо—высокое положеніе государя русскаго; выполняя эту обязанность, онъ уподобляется древнимъ царямъ православной Византіи. „Ты, о боговѣнчанный государь, уподобился еси благочестивому и равноапостольному великому царю Костонтину: якоже онъ христіанскій родъ въ своемъ царствіи изъ рова преисподняго возведе и всяко благочиніе церковное утверди, такоже и ты створилъ еси, боговѣнчанный самодержецъ и государь всея Русіи, въ своемъ царствіи, попреже сихъ лесть явльшуюся чрезъ Новгородцкихъ еретиковъ до конца низложилъ еси, съ богохульными ихъ преданьи, и свое великое православіе всѣхъ вѣрующихъ въ святую и животворящую Троицу сердца возвеселилъ

---

[1]) См. Послан. архіеп. Макарія велик. князю Василію Іоанновичу объ учрежденіи общежитія въ Новгород. монастыряхъ. Дополн. къ Акт. Истор., т. I, № 25, стр. 22—23.

[2]) Ibid., стр. 22.

еси, и вся церковнаа и монастырское благочивье и благостояніе въ всѣхъ церквахъ и монастырехъ боголѣпно и благообразно управленіе имутъ, твоимъ царьскимъ остроуміемъ и богоданнѣй ти ревности, государю и самодержцу царю. Такъ и нынѣ,—умоляетъ архіепископъ вел. князя Московскаго,—потщися и покажи ревность о божественныхъ церквахъ и честныхъ монастырехъ своихъ богомолей, въ твоей отчинѣ въ Великомъ Новѣгородѣ и Псковѣ упраздни нѣкое бесчиніе, своимъ царьскимъ повелѣніемъ. Тебѣ бъ должно, государю и самодержцу, отъ треволненіа спасти и съблюдати" [1]).

Итакъ, по высотѣ своего положенія, по значенію своей царственной власти русскій государь—какъ бы намѣстникъ Божій на землѣ, самимъ Богомъ избранный и посаженный на царскомъ престолѣ. На немъ именно, какъ на верховномъ представителѣ православнаго русскаго царства, лежитъ главная забота о православной вѣрѣ и благочестіи и объ утвержденіи ихъ въ русскомъ государствѣ, имъ управляемомъ. Проявляя дѣятельно эту заботу, единый государь всея Руси чрезъ то принимаетъ на себя роль, когда-то принадлежавшую православнымъ царямъ греческимъ—прежнимъ ревнителямъ чистоты вѣры и благочестія.

Эти же самыя воззрѣнія на царскую власть, ея главнѣйшія обязанности проводятся въ рѣчахъ и посланіяхъ Макарія, обращенныхъ къ царю Іоанну Васильевичу Грозному. Въ посланіи къ этому государю, написанномъ съ цѣлію укрѣпить послѣдняго на священную брань съ Казанскими татарами (въ іюлѣ 1552 г.), авторъ—митрополитъ, чтобы означить высоту положенія, занимаемаго „православнымъ царемъ и самодержцемъ всеа Русіи", цитуетъ извѣстное пророческое мѣсто о поставленіи царей: „Азъ воздвигохъ тя царя правдѣ, и призвахъ тя царя правдою, и пріяхъ тя за руку, и укрѣпихъ тя" и проч..., и при этомъ отъ себя выражаетъ Іоанну Васильевичу такое пожеланіе: „се твердое и честное и крѣпкое царство да дастъ Господь въ руки твои, и сыновомъ сыновъ твоихъ, въ родъ и родъ, и въ вѣки, Богомъ утвержденный царю". Въ этомъ же посланіи онъ такъ опредѣляетъ главнѣйшую обязанность

---

[1]) Ibid., стр. 23.

которая лежитъ на московскомъ государѣ, какъ на „благовѣрномъ и благочестивомъ царѣ", стоящемъ во главѣ великаго и славнаго царства русскаго: „подобаетъ наипаче подвизатися вамъ за святую и чистую нашу и пречестнѣйшую вѣру христіанскую греческого закона, яже во всей поднебесной, якоже солнце, сіяше православіе во области и державѣ вашего царьского отечества и дѣдства и прадѣдства великого твоего Царьского благородія и господьства" [1]). А въ своей отвѣтной рѣчи Іоанну Васильевичу, просившему у митрополита благословенія и молитвъ предъ основаніемъ въ странѣ Казанской города Свіяжска (въ 1551 г.), Макарій относительно той же главной обязанности царя торжественно говорилъ русскому государю: „тебѣ подобаетъ царю на Бога упованіе положа и на Пречистую Богоматерь и великихъ чудотворцовъ подвизатися за благочестіе, за порученную тебѣ отъ Бога паству, якожъ тя Святый Духъ наставитъ, да не росхитятъ безбожніи волцы порученныхъ тебѣ овецъ". Долгъ государя—подвизаться за ввѣренный ему отъ Бога народъ и за благочестіе, а долгъ пастырей церкви—молиться о ниспосланіи Государю помощи отъ Бога [2]).

Высотою положенія, какое занимаетъ государь всея Руси—великій князь Московскій, опредѣляются и отношенія къ нему со стороны подданныхъ. Безусловныя послушаніе и покорность предъ нимъ—прямая обязанность каждаго. „Аще царево сердце въ руцѣ Божіи,—писалъ Макарій въ отмѣченномъ уже нами посланіи къ Грозному во время похода подъ Казань,—то всѣмъ подобаетъ по волѣ Божіи и по царьскому велѣнью ходити, и повиноватися со страхомъ и трепетомъ, якоже рече божественный апостолъ Петръ: „Бога бойтеся, и царя чтите" и паки тойже апостолъ рече: не туне царь мечъ носитъ, но въ месть

[1]) Послан. это см. въ Акт. Истор., т. I, № 160, стр. 290—295.

[2]) Никон. Лѣтоп., ч. VII, стр. 74—75. Въ поученіи царю Ивану Васильевичу и царицѣ Анастасіи, по совершеніи надъ ними обряда бракосочетанія (въ 1547 г.), митр. Макарій говорилъ между прочимъ: „се, о благочестивыи царю и царице, пріали есте царство отъ Бога разсудити и управити люди ваши въ правду: и вы храните бодрено отъ дивіихъ влъкъ губящихъ ѐ, да не растлятъ Христова стада словесныхъ овець, отъ Бога вданнаго вамъ". Дополн. къ Акт. Истор., т. I, № 40, стр. 54.

убо злодѣемъ, въ похвалу же добродѣемъ" [1]). Каждый долженъ служить ему „веледушно, сердечнымъ хотѣніемъ", чтобы „отъ него честь воспріяти" [2]); каждый долженъ помнить, что онъ представляетъ изъ себя „главу всѣмъ, якоже крестъ есть глава церкви" [3]), что онъ есть „святѣйшій царь", дѣйствующій по всей своей волѣ, „какъ ему, Великому Государю, Всесильный Богъ положитъ на сердцѣ" [4]).

Какъ бы въ соотвѣтствіе столь возвышеннымъ представленіямъ о значеніи власти государя Московскаго, знаменитый Макарій заявлялъ себя и прямымъ служеніемъ интересамъ утверждавшагося въ данное время на Руси единодержавія и самодержавія въ лицѣ великаго Московскаго князя.

Отмѣченный нами случай съ удѣльнымъ княземъ Андреемъ Ивановичемъ Старицкимъ, имѣвшій мѣсто въ малолѣтство Грознаго, помимо участія въ немъ въ пользу интересовъ великаго князя со стороны митрополита Даніила, не чуждъ былъ участія въ ту же пользу и со стороны Макарія, бывшаго тогда Новгородскимъ архіепископомъ. Отказавшись явиться лично въ Москву, не смотря на настойчивое требованіе Московскаго правительства, скрѣпленное грознымъ митрополичьимъ наказомъ, князь Старицкій, какъ мы знамъ, воспользовался единственнымъ, находившимся въ его распоряженіи, средствомъ избѣгнуть подчиненія волѣ Москвы, именно рѣшилъ спасаться бѣгствомъ въ Новгородъ. Вѣроятно, имъ руководилъ въ данномъ случаѣ не безосновательный разсчетъ найти въ указанномъ городѣ, гдѣ еще не умеръ окончательно духъ свободы и недовольства Москвою, достаточное количество горючихъ матеріаловъ для возстанія. Но надежды удѣльнаго князя далёко не оправдались. „Въ Великомъ Новѣгородѣ,—разсказываетъ лѣтописецъ,—тогда бысть печаль велика; преосвященный же архіепископъ Макарій собирая честные игумены и священники, и

---

1) Акты Истор. т. I, № 160, стр. 292—293.

2) Рѣчь митр. Макарія при вступленіи въ походъ противъ царства Казанскаго (въ 1550 г.). Никон. Лѣт., ч. VII, стр. 67.

3) Отмѣченн. поученіе Макарія царю Іоанну Васильевичу и царицѣ Анастасіи по совершеніи обряда бракосочетанія. Дополн. къ Акт. Ист., т. I, № 40, стр. 54.

4) Окружное послан. митр. Макарія о милостынѣ святогорскимъ старцамъ (1547 г.). Акт. Истор., т. I, № 300, стр. 545—546.

діяконы и по вся дни молебная совершая... о устроеніи земскомъ и о тишинѣ и о государевѣ здравіи великого князя Ивана Васильевича всеа Русіи... и избавилъ бы Господь богоспасаемый преименитый градъ Москву и Великій Новъградъ и вся грады и страны христіянскія отъ междоусобныя брани". По свидѣтельству того же лѣтописца, владыка Макарій и намѣстники и всѣ Новгородцы не пустили князя Старицкаго въ Новгородъ, а посылали къ нему на встрѣчу воеводу Бутурлина со многими людьми и пушками [1]). Интересы великаго князя были вполнѣ такимъ образомъ соблюдены въ Новгородѣ и, безъ сомнѣнія, многимъ обязаны были на этотъ разъ вліянію Новгородскаго архіепископа.

Немного времени спустя послѣ избранія и поставленія Макарія на каѳедру всероссійской митрополіи произошло весьма важное въ исторіи государей Московскихъ событіе. 16 января 1547 г. въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ надъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ торжественно совершенъ былъ священный обрядъ царскаго вѣнчанія: великій князь Московскій и всея Руси торжественно провозгласилъ себя царемъ. Правда, титулъ „царя" не былъ совершенно новымъ: онъ употреблялся и ранѣе, при отцѣ и дѣдѣ Іоанна, но со времени Іоаннова коронованія употребленіе этого титула сдѣлалось постояннымъ во всѣхъ государственныхъ актахъ [2]). Фактъ царственнаго вѣнчанія Грознаго имѣлъ большое значеніе: онъ являлся какъ бы реальнымъ воплощеніемъ тѣхъ мыслей о православномъ русскомъ царствѣ и его представителѣ—великомъ князѣ Московскомъ, которыя, какъ мы видѣли, весьма рано, еще съ половины XV в. и главнымъ образомъ подъ вліяніемъ событій византійской исторіи [3]), явились въ сознаніи русскихъ людей

[1]) Полн. Собр. Русс. Лѣтоп., т. VI, стр. 302.

[2]) „Исторія Россіи" Иловайскаго, т. III, М. 1890 г., стр. 169.

[3]) Есть мнѣніе, высказанное г. Успенскимъ, по которому образованіе на Руси понятія о Москвѣ, какъ „третьемъ Римѣ", объясняется вліяніемъ западнымъ, и, частнѣе, вліяніемъ неоднократныхъ попытокъ Римскихъ папъ, надѣявшихся обратить Россію въ католицизмъ, соблазнить Московскаго Государя различными политическими планами и комбинаціями относительно Цареградскаго наслѣдства, гдѣ Москвѣ указывалось опредѣленное мѣсто и назначеніе. (Журн. Мин. Нар. Просв. за 1884 г., № 8, стр. 383). Но послѣ серьезныхъ изслѣдованій Каптерева, весьма основательно доказавшаго, что понятіе о „третьемъ Римѣ" сложилось на

и съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе развивались и крѣпли, пока не сложились въ цѣльную теорію, нашедшую для себя скончательную формулировку въ посланіяхъ старца Филоѳея. Чрезъ торжественное вѣнчаніе на царство на Московскаго государя какъ бы осязательно переносилось то значеніе, какое имѣли въ свое время царственные властители Рима и Византіи. Вѣнецъ и бармы—эти царственныя регаліи, нѣкогда присланныя, по заявленію нашихъ книжниковъ, изъ Греціи славному Владиміру Мономаху, теперь въ лицѣ Грознаго нашли для себя вполнѣ достойнаго носителя [1]). Торжественно возложивъ

Руси именно подъ византійскимъ вліяніемъ, указанное сейчасъ мнѣніе не можетъ быть принято. См. изслѣд. Каптерева: „Характ. отнош. Россіи къ правосл. Востоку въ XVI и XVII в.в., М. 1885 г.

[1]) Въ ряду создавшихся на русской почвѣ сказаній о присылкѣ изъ Греціи на Русь, при Владимірѣ Мономахѣ, царственныхъ регалій, наиболѣе раннимъ текстомъ—если не первоначальнымъ, то ближайшимъ къ первоначальному—признается текстъ такъ называемаго: „Сказанія о великихъ князехъ владимірскихъ"; сказаніе это большею частію буквально воспроизводится въ „посланіи о Мономаховомъ вѣнцѣ", принадлежащемъ нѣкоему Спиридону—Саввѣ, современнику Василія III, и написанномъ не позже 1523 г.,—а также въ разсказѣ о Мономаховыхъ утваряхъ, какъ отдѣльной статьѣ, встрѣчаемой въ нѣкоторыхъ спискахъ гронографа, различныхъ сборникахъ, и имѣющей такое заглавіе: „Поставленіе великихъ князей русскихъ откуду бѣ и како начаша ставитися на великое княжество святыми бармами и царскимъ вѣнцомъ въ лѣто 6403". Краткіе пересказы см. Полн. Собр. Лѣт., т. VII, стр. 23; т. IX, стр. 144. Подъ указаннымъ сейчасъ заглавіемъ сказаніе о присылкѣ царскихъ регалій напечатано по списку Посольскаго приказа XVI в. въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс. за 1883 г., кн. I стр. 39—41. По одной редакціи того же сказанія Владиміръ Мономахъ, получившій изъ Греціи царственныя регаліи, предъ смертію собралъ знаменитое духовенство, бояръ, купцовъ, и сказалъ имъ: „да не вѣнчаютъ никого на царство по моей смерти! Отечество наше раздѣлено на многія области: если будетъ царь, то удѣльные князья отъ зависти начнутъ воевать съ нимъ и государство погибнетъ. Онъ вручилъ царскую утварь шестому сыну своему Георгію, велѣлъ хранить оную, какъ зѣницу ока и передавать изъ рода въ родъ, пока Богъ воздвигнетъ царя, истиннаго самодержца, въ государствѣ Велико-россійскомъ". См. Карамз.: „Ист. Госуд. Росс.", изд. Эйнерлинга, Спб. 1842 г., т. II, прим. 220. Не представляя само въ себѣ значенія историческаго факта, заключая цѣлый рядъ анахронизмовъ и прямыхъ несообразностей, отмѣченное сказаніе пользовалось, однако, весьма широкою популярностію; даже въ документахъ оффиціальнаго характера дѣлались ссылки на это сказаніе. Вотъ что напр. читаемъ въ „чинѣ вѣнчанія на царство царя Іоанна Васильевича" Грознаго: „Архіепископъ и два епископа приносятъ къ митрополиту животворящій крестъ на златомъ блюдѣ, и митрополитъ... да благословитъ великаго князя тѣмъ крестомъ животворящаго древа,... что прислалъ тотъ крестъ Греческый царь Констянтинъ Моно-

на себя, при церковномъ священнодѣйствіи, принадлежности царской власти, государь московскій въ полномъ смыслѣ являлся „святымъ боговѣнчаннымъ царемъ и самодержцемъ“, какъ повсюду называется онъ въ чинѣ вѣнчанія [1]), въ собственномъ смыслѣ выступалъ замѣстителемъ православныхъ царей византійскихъ. Отъ Константинопольскаго патріарха, у котораго,

махъ на поставленіе къ великымъ князем Русскымъ, съ бармами и съ шапкою, съ Неоѳитомъ Ефесскымъ митрополитомъ и съ прочими посланникы“. См. Допол. къ Акт. Истор., т. I, № 39, стр. 45; ср. № 222, стр. 378 (мѣсто изъ „Духовнаго завѣщанія царя Іоанна Васильевича“); см. также чины вѣнчанія на царство:— Ѳеодора Іоанновича (Собр. Госуд. Грам. и Догов., ч. II, № 51, стр. 77), Михаила Ѳеодоровича (Ibid., ч. III, стр. 70), Алексѣя Михаиловича и Ѳеодора Алексѣевича (Древн. Росс. Вивліоѳ., ч. VII, стр. 234 и 304). Въ грамотѣ Цареградскаго Патр. Іоасафа, утверждающей санъ царя за Государемъ Московскимъ, присылка изъ Греціи русскому кн. Владиміру Мономаху царскихъ регалій принимается за несомнѣнный историческій фактъ. См. эту грамоту въ изд. Оболенскаго, М. 1850 г., стр. 23. О циклѣ сказаній о Моном. вѣнцѣ см. въ статьѣ Архангельскаго: „Образ. и Литер. въ Москов. госуд. кон. XV—XVII в.в.“ Учен. Зап. Казан. Унив. за 1898 г., кн. 7—8, стр. 184—192. Критическій разборъ сказанія о Мономаховыхъ регаліяхъ и о царскомъ вѣнчаніи ими Мономаха см. въ сочин. Ф. Терновскаго: „Изученіе Визант. исторіи и ея тенденціозное прилож. въ древней Руси“, вып. II, Кіевъ 1876 г., стр. 155—166.

[1]) Дополн. къ Акт. Истор., т. I, № 39. Чинъ вѣнчанія, нужно полагать, составленъ былъ самимъ митрополитомъ Макаріемъ. Въ составъ чина входитъ, между прочимъ, довольно длинное „Поученіе митрополичье къ (нововѣнчанному) великому князю“. Въ этомъ поученіи митрополитъ, въ изъясненіе смысла совершеннаго надъ русскимъ государемъ священ. коронованія, говорилъ нововѣнчанному царю: „се отнынѣ отъ Бога поставленъ еси князь великій и боговѣнчанный царь правити хоругви и съдръжати скипетра великого царства Російскаго, и вѣнчанъ еси симъ царскимъ вѣнцемъ по благодати Святаго Духа, и по милости Пресвятыя Богородицы... Ты, боговѣнчанный православный царь,... пріалъ еси отъ Бога скипетръ правити хоругви великаго царства Російскаго и разсудити и управити люди твоя въ правду, блюди и храни бодрено отъ дивіихъ вълкъ губящихъ ѐ, да не растлятъ Христова стада словесныхъ овецъ, отъ Бога вданнаго ти“... (Ibid., стр. 48). Въ этомъ же поученіи есть одно мѣсто, представляющее собою буквальное воспроизведеніе словъ о сущности царской власти изъ посланія Іосифа Волоцкаго къ вел. кн. Василію Іоанновичу объ искорененіи ереси: „слышите, царіе, и разумѣйте, яко отъ Бога дана бысть дръжава вамъ и сила отъ Вышняго; васъ бо Господь Богъ въ Себе мѣсто избра на земли, и на свой престолъ вънесъ посади, милость и животъ положи у васъ“ и проч. (Ibid, стр. 49). Но здѣсь слова эти имѣютъ, такъ сказать, свой особенный вѣсъ. Такъ—какъ поученіе по чину вѣнчанія являлось оффиціальнымъ документомъ и въ неизмѣнномъ видѣ повторялось при всѣхъ царскихъ древне-русскихъ коронованіяхъ, то чрезъ внесеніе сюда вышеуказанныхъ словъ оффиціально и положительно выражалось ученіе о теократическомъ абсолютизмѣ царской власти.

какъ у единственнаго авторитета, испрашивалъ чрезъ нѣсколько времени Іоаннъ Васильевичъ подтвержденія своего новаго титула или собственно благословенія на его принятіе, была прислана въ Москву утвердительная грамота, что служило какъ бы новымъ подтвержденіемъ мысли о царственномъ замѣстительствѣ.

Столь великое и славное для государей московскихъ событіе, какимъ являлось торжественное вѣнчаніе на царство Іоанна Васильевича Грознаго, не могло, конечно, совершиться безъ участія высшаго представителя русской церкви—митрополита Макарія. Но важно для насъ отмѣтить собственно то, что это участіе со стороны названнаго митрополита далеко не было однимъ лишь тѣмъ оффиціальнымъ участіемъ, которое онъ необходимо долженъ былъ принять въ этомъ случаѣ по самому своему іерархическому положенію. Имѣются данныя, на основаніи которыхъ можно съ полною вѣроятностію предположить, что митрополиту Макарію главнымъ образомъ принадлежала самая инициатива по вопросу о принятіи царскаго титула великимъ княземъ Іоанномъ Васильевичемъ. Согласно съ показаніемъ лѣтописнаго извѣстія („Царственной книги“), юный великій князь сначала совѣщался объ этомъ съ митрополитомъ и долго говорилъ съ нимъ наединѣ. Митрополитъ вышелъ отъ него съ лицемъ веселымъ, отпѣлъ молебенъ въ храмѣ Успенія, послалъ за боярами, даже и за тѣми, которые находились въ опалѣ, и вмѣстѣ съ ними былъ у Государя. Принятіе царскаго титула было рѣшено, и счастливая тайна вскорѣ всѣмъ была открыта [1]). Въ чемъ состояло предварительное совѣщаніе между великимъ княземъ и митрополитомъ по указанному вопросу—мы не знаемъ точно. Нужно полагать, что митрополитъ въ бесѣдѣ съ государемъ сильно поддерживалъ и развивалъ въ немъ мысль о царственномъ короновании. Послѣ совѣта съ Іоанномъ Васильевичемъ, митрополитъ созываетъ къ себѣ бояръ, въ числѣ которыхъ были и опальные,—созываетъ, конечно, не съ иною цѣлію, какъ для того именно, чтобы не согласныхъ среди нихъ на задуманное дѣло побудить дать свое согласіе. Вѣроятность предпо-

[1]) См. „Ист. Госуд. Россійск.“ Карамзина, т. VIII, изд. 4-е, СПБ. 1834 г., стр. 83 и примѣч. 139.

ложенія о первенствующей роли митрополита Макарія въ предварительной разработкѣ вопроса о царственномъ вѣнчаніи государя Московскаго, кромѣ данныхъ, представляемыхъ лѣтописнымъ объ этомъ дѣлѣ извѣстіемъ, подтверждается и слѣдующими соображеніями. Трудно допустить, чтобы молодой семнадцатилѣтній государь, какимъ былъ въ это время Іоаннъ Васильевичъ, одними собственными усиліями могъ такъ глубоко представить себѣ историческія основанія коронаціи, съ какими она является въ его сознаніи, а окружавшіе его бояре—потомки древнихъ владѣтельныхъ князей, еще живо помнившіе о своихъ удѣльно-княжескихъ предкахъ, имѣли прямой интересъ не развивать въ немъ желанія коронаціи, какъ рѣшительнаго знака самодержавія; ихъ не особенно-то должно было радовать, что великій Московскій князь принимаетъ титулъ, который долженъ былъ рѣзко выдѣлять его властительскій образъ изъ среды остальныхъ князей единоплеменныхъ [1]). Кому же послѣ этого всего естественнѣе могла принадлежать главная иниціатива, главное и самое живое участіе въ дѣлѣ принятія государемъ Московскимъ царскаго титула, кто изъ приближенныхъ къ юному великому князю болѣе всего былъ на это способенъ, какъ не митрополитъ Макарій, симпатіи котораго и теоретически, и практически всецѣло были на сторонѣ единаго государя всея Руси—великаго князя Московскаго, и который по этому самому болѣе, чѣмъ кто-либо другой, былъ склоненъ въ данномъ случаѣ пойти на встрѣчу интересамъ этого государя, нуждавшагося, для полноты своего величія, въ торжественномъ и оффиціальномъ провозглашеніи себя православнымъ царемъ православнаго русскаго царства, его единымъ царственнымъ представителемъ?

Излагая воззрѣнія на значеніе верховной государственной власти въ лицѣ государя Московскаго, раскрывавшіяся въ литературной проповѣди представителей духовенства въ теченіе взятаго нами времени, нельзя обойти молчаніемъ посланій, приписываемыхъ Благовѣщенскому іерею Сильвестру, тому знаменитому іерею, который былъ однимъ изъ видныхъ общественныхъ дѣятелей въ теченіе первой, отмѣченной рядомъ знаме-

[1]) См. Соловьева „Ист. Россіи съ древнѣйш. временъ“, т. VI, стр. 158.

нательныхъ происшествій въ государственномъ и церковномъ управленіи, половины царствованія Іоанна Васильевича Грознаго, который былъ одною изъ главныхъ причинъ спасительной перемѣны, сдѣлавшей государя, преданнаго съ ранней юности грубымъ наслажденіямъ и порокамъ, строптиваго и до свирѣпости жестокаго, милосердымъ и настоящимъ царемъ правды, котораго, наконецъ, одна лишь мрачная подозрительность больной души царя Грознаго могла обвинять въ какихъ-то злоумышленіяхъ и коварствахъ и самымъ добрымъ дѣламъ его приписать худыя побужденія [1]).

Приписываемыя названному лицу посланія, которыя помѣщаются въ такъ называемомъ „Сильвестровскомъ Сборникѣ“ и которыя мы для своей цѣли считаемъ нужнымъ отмѣтить, это: а) „посланіе къ царю Ивану Васильевичу“, написанное, какъ полагаютъ нѣкоторые, въ годину большого Московскаго пожара 1547 г. [2]), в) посланіе въ Казань къ князю Александру Борисовичу Шуйскому-Горбатову, написанное вскорѣ по на-

[1]) См. „Сказанія Курбскаго“, изд. Н. Устрялова, Спб. 1842 г., стр. 9, 62, 68. 187—188. 223—224.

[2]) См. „Благовѣщенскій іерей Сильвестръ и его писанія“,—изслѣдов., начатое Д. П. Голохвастовымъ и оконченное архимандр. Леонидомъ. Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс. за 1874 г., кн. I. По предположенію изслѣдователей, „посланіе къ царю Ивану Васильевичу“, написанное Сильвестромъ въ пору Москов. пожара 1547 г., и послужило непосредственной ближайшей причиной той благодѣтельной перемѣны въ Іоаннѣ, которую приписываютъ вліянію Сильвестра (Изслѣдов., стр. 13—14, 67). Принадлежность „посланія къ царю Ивану Васильевичу“ іерею Сильвестру, кромѣ авторовъ указаннаго коллективнаго изслѣдованія, признаетъ также—хотя не съ полною рѣшительностію—Ждановъ въ своей ст. „Матеріалы для Стоглаваго Собора“ (Журн. Мин. Нар. Просв. за 1876 г., №№ 7—8), но не считаетъ его причиной благодѣтельной перемѣны въ Іоаннѣ и время написанія его полагаетъ между 1550—1553 г.г. Професс. Барсовъ думаетъ, что посланіе это писано во время опричины т. е. между 1565—1572 г.г., и наиболѣе вѣроятнымъ авторомъ его считаетъ епископа Коломенскаго Вассіана Топоркова, который былъ племянникомъ Іосифа Волоцкаго и въ малолѣтство Грознаго сосланъ былъ въ Пѣсношскій монастырь. См. его рефератъ, читанн. въ Петерб. Археолог. Инстит. 10 мая 1880 г.: „къ вопросу объ авторѣ „посланія къ царю Ивану Васильевичу“, Сильвестровскаго сборника библіотеки С.-Петерб. Дух. Академіи“. Соображенія автора нуждаются однако въ большемъ подтвержденіи. Для нашей цѣли гораздо болѣе важны проводимые въ данномъ посланіи политическіе взгляды, чѣмъ точное обозначеніе того, кто именно изъ представителей духовенства былъ его авторомъ.

значенiи его сюда воеводою (6-го октября 1552 г.) [1]) и γ) „посланiе утѣшительное къ нѣкоему любимцу"—вѣроятно, къ тому же князю Шуйскому по случаю постигшей его въ 1553 г. царской опалы [2]).

Взгляды на значенiе власти Государя Московскаго, какiе проводятся въ указанныхъ посланiяхъ, представляютъ полное соотвѣтствiе воззрѣнiямъ на тотъ же предметъ Iосифа Волоцкаго. Въ такихъ же возвышенныхъ чертахъ рисуются здѣсь высота и величiе царскаго сана, носителемъ котораго является Московскiй Государь, тѣ же самыя указываются и царственныя права и обязанности, соединенныя съ высотою положенiя политической главы православнаго русскаго царства.

Идеалъ царской власти, рисуемый въ первомъ изъ вышеотмѣченныхъ посланiй, выставляетъ предъ нами Государя Московскаго въ образѣ единаго православнаго царя русскаго царства, въ рукахъ котораго безраздѣльно вмѣщается вся абсолютная полнота государственной власти, равно какъ и вся полнота государственнаго разума. „Царю и Государю Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русiи, Самодержца вѣчна, православныя вѣры истинна наставника, на Божiа враги крѣпкаго борителя, Христовѣ церкви столпа непоколебимаго и основанiе недвижимо и стѣна непобѣдимая, и градъ воистину неплѣняемый, и воинъ крѣпкаго Бога и Царя всѣхъ, и Свѣтильница премирна... Престолъ твой правдою и крѣпостiю и судомъ истиннымъ утверженъ есть, жезлъ правды, жезлъ царствiя твоего... Ты на царствiи Богомъ утвержденъ еси, Царь Великiй,Самодержецъ христiанстей области,скипетры царьствiа великаго державу по закону прiемый крестною силою Царя царемъ и Господа господемъ. Царь еси предобръ и умилителенъ всему, на супротивныя храбръ, яко да покорени будутъ врази твои подъ ногами твоими, и поклонятъ ти ся цари и князи, и послужатъ ти языцы, и будеши благословенъ, и одолѣеши посреди врагъ твоихъ... Обладаеши отъ моря и до моря, и отъ рѣкъ

[1]) См. указанн. коллективное изслѣдов., стр. 66. Несомнѣнная принадлежность этого посланiя Сильвестру видна, между прочимъ, изъ самого посланiя, гдѣ авторъ называетъ себя „непотребный рабъ Сильвестришко".

[2]) То же изслѣдованiе, стр. 64.

до конецъ вселенныя—твоя, и поклонятца тебѣ всѣ царіе земстіи и вси языци поработаютъ тебѣ... И будетъ утверженье твоему царствію, яко во вѣки не подвижитца... и всѣ языцы возвеличаютъ тя... Тако глаголеть Господь Вседержитель: Азъ воздвигохъ тя царя правде, и призвахъ тя правдою, пріяхъ тя за руку и укрѣпихъ тя"... [1]) Занимая высокое и славное положеніе Богомъ возвышеннаго „православнаго царя всеа Русіи", Государь Московскій не долженъ забывать и лежащихъ на немъ главнѣйшихъ обязанностей. Ему „подобаетъ еже подъ его великою областію о многихъ прилежати и въ разумъ истинный привести, понеже Государь—глава всѣмъ людемъ своимъ, избранъ Божіею благодатіею" [2]). Высотѣ положенія и важности обязанностей носителя царскаго сана соотвѣтствуетъ и тяжесть отвѣтственности его предъ судомъ божественнымъ,—отвѣтственности не только личной, но и за все ввѣренное ему царство. „И тебѣ, Великому Государю, которая похвала: въ твоей великой области множество Божіихъ людей заблудиша? На комъ то ся взыщетъ? О семъ бо самъ Господь изъяви во Благовѣстіи: и всякому, ему жъ дано будетъ много, много и взыщетца отъ него, и ему же предаша множайша, множайша и спросятъ отъ него. Понеже государь еси въ православной своей области, Богомъ поставленъ, и вѣрою утверженъ, и огражденъ святостію, глава всѣмъ людемъ своимъ и государь своему царствію, и наставникъ крѣпокъ людемъ своимъ, и учитель, и ходатай къ Богу, и теплъ предстатель; понеже многое множество даровалъ ти Господь Богъ, и нарекъ тя пастыремъ, начальника, судью и пророка, и дивна совѣтника, вождя и учителя всемирна, и заблужшимъ наставника" [3]). Укротитѣ и смирить „людей, рабовъ своихъ, дерзновеніемъ и небреженіемъ и безстудными скверными удаляющихся отъ Бога"—сдѣлать это въ полной власти государя, ибо влать эта всесильна: „сего смиряеши, а сего возносиши... царскимъ судомъ вся смиряетца" [4]).

---

[1]) См. „Послан. къ царю Ивану Васильевичу" въ прилож. къ указанн. изслѣдов. Голохвастова и архим. Леонида. Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1874 г., кн. I, стр. 69—70.

[2]) Ibid., стр. 73.

[3]) Ibid., стр. 82; сн. стр. 80, 81.

[4]) Ibid., стр. 83; сн. стр. 84.

Образъ православнаго царя—ревнителя вѣры и благочестія, воплощающійся въ особѣ государя всея Руси, рельефнѣе выступаетъ въ посланіи къ воеводѣ Казанскому, князю Александру Борисовичу Шуйскому—Горбатому. Здѣсь на чисто конкретной почвѣ проводится параллель между первымъ православнымъ царемъ греческой имперіи—равноапостольнымъ Константиномъ, и державнымъ самодержцемъ всея Руси—Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ. Какъ великій царь Константинъ, озаренный благодатнымъ свѣтомъ вѣры Христовой, „многое и безчисленное множество Эллинъ обрати къ Господу и просвѣти святымъ крещеніемъ", а также силою креста Христова „многія противныя и невѣрныя языки побѣждалъ", такъ и русскій „благовѣрный царь", верховный представитель православнаго русскаго царства, прославилъ себя такими же царственными подвигами. „Нынѣ,—пишетъ авторъ посланія,—Христолюбецъ державный государь нашъ, Самодержецъ всея Росіа, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ, Божіею благодатію уподобися царю Констянтину: тою жъ царьскою багряницею обложенъ есть, тожъ правовѣрія хоругви въ руку своею благочестно содержитъ; отъ начала бо и донынѣ та же бо благодать способствуетъ: въоружибося всесильно божественною силою и всеоружствомъ Животворящаго креста, и безчисленная варварьская нахожденіа и противъ ополченіа крѣпце победи, и градъ Казань разори... и враговъ своихъ до конца погуби" [1]). Но главное, что совершилъ государь Московскій, что главнымъ образомъ и уподобляетъ его царю Константину, это то, что онъ, благочестивый Самодержецъ, „невѣрныхъ въ вѣру обратилъ,... многихъ злолютыхъ своихъ врагъ, кровопивецъ христіаньскихъ... святымъ крещеніемъ освятилъ, и во благочестивой вѣрѣ наказуетъ, и въ духовнѣ разумѣ просвѣщаетъ, волки овцамъ, стаду Христову, присовокупляетъ" [2]).

Такимъ образомъ, государь всея Руси—великій князь Московскій является вполнѣ достойнымъ замѣстителемъ православныхъ царей греческихъ—прежнихъ ревнителей православной вѣры.

---

[1]) Посланіе къ кн. Александру Борисовичу .. въ прилож. къ тому же изслѣдов., стр. 89—90.

[2]) Ibid., стр. 91.

Онъ во всемъ подобный имъ Самодержецъ, усердный покровитель вѣры и благочестія, глава всѣмъ своимъ людемъ, ихъ верховный пастырь, начальникъ, судья, вождь и наставникъ. Ему, какъ носителю неограниченной царственной власти, полученной имъ отъ Бога, всѣ другіе князья и властители, которымъ онъ поручаетъ „попеченіе о своихъ людехъ", должны воздавать „должное покореніе и послушаніе", должны „работать ему по всей воли его и по повелѣнію его..., яко Господеви работающе, а не человѣкомъ" [1]). Они не должны дозволять себѣ даже „хульнаго помысла и глагола неблагочестиваго на своего государя" ибо „серце царево въ руцѣ Божіи и онъ слуга есть Божій въ наказаніе согрѣшающимъ, а поставленъ есть отъ Бога на всѣхъ творящихъ обиду и содѣвающихъ неправду, якоже и апостолъ пишетъ: „Бога чтите, а царя бойтеся, не туне бо мечъ носитъ въ похвалу добродѣемъ, а во отмщеніе злодѣемъ [2]).

Согласные съ Іосифовскими взгляды на верховную государ-

---

[1]) Ibid., стр. 96.

[2]) Посланіе утѣшител. къ нѣкоему любимцу. Ibid., стр. 104. Въ поученіи къ сыну (Анѳиму), которое составляетъ 64 главу такъ называемаго Сильвестровскаго Домостроя и есть несомнѣнное произведеніе пера Сильвестра, авторъ, поучая сына быть вѣрнымъ царю, внушалъ ему слѣдующее: „Чадо мое, единородное и любимое, Анѳимъ! Произволилъ Богъ, и благочестивый, православный царь государь велѣлъ послужити тебѣ въ своей царьской казнѣ, да у таможнихъ дѣлъ; и нынѣ молю тя, чадо, и со слезами глаголю: Господа ради, памятуй царьское наказаніе, прося у Бога помощи и разума, отъ всеи души и отъ всего помышленія; служи вѣрою и правдою, безъ всякія хитрости, и безъ всякаго лукавства;... душевредная бо твоя служба государю не была ни въ чемъ; а самъ благословеннымъ государьскимъ урокомъ сытъ буди"... См. „Домострой", изд. Кожанчикова, подъ редакц. Яковлева, Спб. 1867 г., стр. 155. Безотносительно къ личности автора, отмѣтимъ здѣсь также 5 главу Домостроя (по указ. изданію), гдѣ содержатся слѣдующія наставленія о повиновеніи носителямъ государственной власти: „Царя боися и служи ему вѣрою, и всегда о немъ Бога моли, и ложно отънюдь не глаголи предъ нимъ; но съ покореніемъ истину отвѣщаи ему, яко самому Богу, во всемъ повинуися ему. Аще земному царю правдою служиши, и боишися его, тако научишися и Небеснаго Царя боятися... Такожъ и княземъ покоряися, и должную честь воздаваи имъ, яко отъ него посланымъ, во отмщеніе злодѣемъ, въ похвалу же добродѣемъ... Глаголетъ Павелъ апостолъ: вся владычества отъ Бога учинена суть: да—аще кто противится властелемъ, то Божію повелѣнію противится. А царю и князю и всякому велможѣ не тщися служити лжею и клеветою и лукавствомъ; погубитъ Господь вся глаголящая лжу"... Ibid., стр. 11—12; сн. гл. 12, стр. 28—29.

ственную власть проводитъ, на основаніи библейскихъ и византійскихъ источниковъ, и извѣстный литературный противникъ ереси Θеодосія Косого и его послѣдователей — инокъ Отенской Новгородской пустыни Зиновій († 1568 г.). Коснуться даннаго предмета инокъ-полемистъ долженъ былъ въ виду тѣхъ воззрѣній лжеучителей, что всякія земныя власти, какъ государственныя, такъ и церковныя, не находятъ для себя оправданія въ божественномъ Писаніи и должны считаться явленіями развращеннаго человѣческаго преданія [1]).

Идея богоустановленности государственной власти ясно выступаетъ у Зиновія, когда онъ въ доказательство необходимости повиновенія этой власти, ссылается на повелѣніе Христово „въздавати царевая цареви", не разъ приводитъ извѣстное мѣсто изъ посланія ап. Павла къ Римлянамъ, свидѣтельствующее, что „сущая владычества отъ Бога учинена суть", что князи суть „служителіе Божіи, отмстители въ гнѣвъ злое творящему", и, согласно этому апостольскому ученію, отъ себя неоднократно заявляетъ, что „царскіа чиноначалники Богомъ поставлены", что „власти и владычества учинены Богомъ" [2]). Выставляя и обосновывая общую мысль, что власть есть учрежденіе божественное, Зиновій часто касается въ своей рѣчи спеціально носителей власти царской и рельефно отмѣчаетъ высоту ихъ положенія. Въ одномъ мѣстѣ своего „посланія многословнаго" авторъ-инокъ, цитуя первую бесѣду Іоанна Златоуста къ Антіохійскому народу по поводу сверженія царскихъ статуй, приводитъ, между прочимъ, изъ этой бесѣды и слѣдующія слова относительно высоты царскаго сана: „не бо есть отъ малыхъ никого же бо точна имыи себе честію на земли, царь бо есть верхъ и глава иже на земли человѣкомъ всѣмъ" [3]). Въ другомъ своемъ полемическомъ сочиненіи Зиновій относительно носителей царской власти заявляетъ, что хотя царь есть также человѣкъ, однако по своей власти онъ на-

---

[1]) См. „Истины показаніе"... изд. Каз. Дух. Акад., стр. 219—220; см. „Посланіе многословное", изд. А. Попова, Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс. за 1880 г., кн. 2, стр. 144.

[2]) См. „Посланіе многосл.; въ изд. Попова, стр. 220—221, 285, 284.

[3]) Посланіе многосл...., стр. 88.

столько возвышенъ надъ всѣми другими людьми, что каждый изъ этихъ послѣднихъ долженъ выслушивать и принимать царскія слова съ молчаніемъ и боязнію. „Ни синглити предъ царемъ повелѣвати могутъ, такому же человѣку сущу и царю, и сего ради боязнію и молчаніемъ слово его предпочитаютъ“ [1]). Словъ царя никто не смѣетъ считать праздными и никто не „смѣетъ преобидѣти“ царской бесѣды [2]); такъ авторитетны слова государя. А насколько, дѣйствительно, высоко царское достоинство поставляетъ человѣка—царя въ ряду другихъ людей, это съ особенною ясностію показываетъ Зиновій, когда говоритъ о почитаніи царскихъ изображеній. Вотъ это мѣсто: „видимъ и человѣка образъ, яко честнѣйши есть и вышши всѣхъ повинующихся ему. Не токмо бо простіи человѣцы земледѣльцы и рукуходожницы, внегда цареву образу вносиму въ грады митрополеціи, но и воины царевы и старѣйшіи мужіе граду, и честнѣйшіи сановницы, и сами синклиты, и воеводы, и епархи устрѣтаютъ съ честію многою и поклоняются образу цареву человѣчю, яко и самому цареви; и есть образъ царевъ честнѣйши всего синклита его, и воеводъ, и епархъ, и патрикіевъ, вси бо тіи покланяются образу цареву и многою честію въ усрѣтеніи его, яко и самого царя, и тѣмъ показующе повиновеніе къ царю и возлюбленіе свое къ нему. Отъ сего познавается, яко много хужши суть образа царева человѣча вся свѣтлыя и великія честныя саны, и епаршескія, и воеводскія, и синклитскія, и царевъ человѣчъ образъ... честнѣйши есть и вышше есть всѣхъ ихъ“ [3]). „О сей же почести царскихъ образовъ,—замѣчаетъ Зиновій въ другомъ мѣстѣ,—нѣсть видѣти отъ отецъ негодованія, ниже отъ апостолъ, ни отъ Самого Господа, но и рекшу Господу: воздадите убо яже Кесарева Кесареви“ [4]). Почитаніемъ царскаго изображенія свидѣтельствуется „благоуміе и покореніе къ царю“; наоборотъ, тѣ, кто не воздаетъ этому изображенію подобающихъ почестей, „самого

---

1) „Истины показаніе“..., стр. 136.

2) „Истины показаніе“..., стр. 83—84, 261.

3) Истины показаніе..., стр. 283—284; сн. стр. 483.

4) Истины показаніе..., стр. 361; сн. стр. 479, 484; сн. „Послан. многосл.“. стр. 81, 93.

царя въ иконѣ его преобижаютъ и на ярость его раздражаютъ", что и случилось „нѣкогда въ гречестѣмъ царствіи", именно при царѣ Ѳеодосіи въ Антіохіи, гдѣ хульники свергли царскія статуи [1]).

Касаясь того пункта лжеученія Косого и его послѣдователей, по которому земныя власти считались учрежденіемъ развращеннаго человѣческаго преданія, инокъ Отенскій старается показать, сколь необходимъ для блага человѣческихъ обществъ институтъ верховной государственной власти и при томъ власти, сосредоточивающейся въ рукахъ одного высшаго властителя. По его воззрѣнію, плачевенъ и гибеленъ тотъ порядокъ вещей, когда люди не имѣютъ надъ собой одного общаго владыки и „каждый по своему хотѣнію творитъ"; слѣдствіемъ такого порядка бываетъ „всякое нестроеніе, мятежъ и разрушеніе землямъ и царствію". Наоборотъ, „покой, тишина и во благожизніи наслаженіе живущимъ бываетъ", когда всѣ признаютъ одного верховнаго представителя власти и ему подчиняются [2]). „Въ жизни—говоритъ Зиновій—всѣмъ дотолѣ исправляется благочиніе и согласіе, донелѣже добрѣ покаряются: иже въ дому—господину, въ пути—предводящему, во области—князю, въ царствіи—царю" [3]). Раздоры и раздѣленія происходятъ тамъ, гдѣ нѣтъ „единаго владычествующаго" или есть нѣсколько такихъ властителей [4]). „Единоначаліе добро и полезно есть, а многоначаліе зло и пакостно", потому что,—разсуждаетъ Зиновій,—„егда ко единому началу вси вкупѣ и взираютъ и покаряются, тогда вся добрѣ исправляются не сущу прекословію, ни распрѣнію; внегда же проникнетъ прекословіе, ту и распря, а идѣже распря, ту и непокореніе, а идѣже непокореніе, тамо отъ начальствующаго отложеніе есть" [5]). Итакъ, необходимою принадлежностію всякаго благоустроеннаго царства является существованіе въ немъ верховной власти въ лицѣ единаго владыки—царя. Нужно только, по словамъ Зиновія, чтобы „сами цареве разсмотряли всему царствію общія пользы и крѣ-

[1]) Истины показаніе..., стр. 361 и слѣд.
[2]) Истины показаніе..., стр. 575.
[3]) Истины показаніе..., стр. 586.
[4]) Истины показаніе..., стр. 587.
[5]) Истины показаніе..., стр. 589—590.

пости“, а не заботились только о себѣ самихъ. Если они „вся начнутъ творити правая лишь предъ очима своима“, то „погубятъ свое царство или чужимъ преподадутъ, якоже вавилонстіи владыки Персяномъ, Перстіи—Македономъ, а Македони—Римляномъ“, или какъ это было съ нѣкоторыми царями Израильскими и Іудейскими, а также царями греческими, „уповавшими собою и сотворившими правая предъ очима своима“ [1]).

Раздѣляя воззрѣнія Іосифа на высоту сана верховной государственной власти, Зиновій проводитъ одинаковый съ Іосифомъ взглядъ и на главную обязанность, лежащую на носителяхъ этого сана. „Рцыте намъ,—съ укоризною спрашиваетъ онъ въ одномъ мѣстѣ лжеучителей,—чесо ради отбѣгаете началникъ владычества, не явѣ ли яко сего ради, да злобу всякую творяще вы, и антихристу пропутіе творяще ученіемъ своимъ, никимже возбранени будете, не имуще надстоящихъ и зрящихъ лукавая дѣянія ваша и безбожная словеса, да въ всяцѣй воли своеи все зло сдѣете“... и вслѣдъ за этимъ дѣлаетъ ссылку на извѣстное апостольское ученіе о томъ, что князи суть „Божіи слуги“, предназначенные быть „отмстителями во гнѣвъ злое творящимъ“ [2]). А въ другомъ мѣстѣ, упоминая о ереси жидовствующихъ, возникшей „въ лѣта великаго князя Іоанна и сына его великаго князя Василія“, Зиновій въ качествѣ главной причины, содѣйствовавшей уничтоженію ереси, выставляетъ именно ревность этихъ „благочестивыхъ русскихъ самодержцевъ“ [3]).

Итакъ, соотвѣтственно преслѣдуемой цѣли, мы изложили въ этомъ отдѣлѣ своего изслѣдованія, съ одной стороны, тѣ литературно-публицистическія воззрѣнія представителей русскаго духовенства и монашества (такъ называемаго „Іосифлянскаго“ направленія) за время отъ конца XV по начало 2-ой половины XVI в. включительно, въ которыхъ затрогивается и раскрывается вопросъ о значеніи верховной государственной власти, о правахъ и обязанностяхъ ея носителей. Всѣ эти воззрѣнія, переносимыя въ своей совокупности на личность государя всея

---

[1]) Истины показаніе..., стр. 575—576.

[2]) Посланіе многословное..., стр. 284—285.

[3]) Истины показаніе..., стр. 964—965.

Руси—великаго князя Московскаго, окружаютъ эту личность ореоломъ чисто царственнаго величія, возводятъ государя Московскаго на священную высоту единаго верховнаго представителя православнаго русскаго царства. Полновластный владыка, получившій царственную власть отъ самого Бога, единый глава всѣмъ своимъ подданнымъ, изъ которыхъ никто не можетъ сравняться съ нимъ по достоинству и чести, а всѣ равно должны воздавать ему благопокореніе и послушаніе, государь русскій, по самой этой высотѣ своего положенія, обладаетъ самыми широкими правами и несетъ на себѣ великія и важныя обязанности. Онъ не гражданскій только властитель ввѣреннаго ему народа, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ особенности представитель его совѣсти и вѣры, носитель его нравственно-религіознаго міра [1]), блюститель и защитникъ русскаго православнаго христіанства. Онъ не просто русскій государь или царь, но государь именно православный, царь благовѣрный и христолюбивый. Ему, по примѣру православныхъ царей греческихъ, принадлежитъ роль верховнаго покровителя церкви, государственнаго представителя православія, охранителя чистоты вселенской древне-христіанской истины. Словомъ, онъ вполнѣ достойный преемникъ и наслѣдникъ сошедшихъ съ исторической сцены православныхъ носителей цезарской греко-римской власти; онъ во всемъ подобный имъ царь—автократоръ [2]).

[1]) Въ одномъ изъ произведеній XVI в., именно апокрифической „Бесѣдѣ преподобныхъ Сергія и Германа, Валаамскихъ чудотворцевъ“ (составленіе которой неизвѣстнымъ авторомъ новѣйшіе историки относятъ ко времени послѣ 1553—1554 г.г.) на царя возлагается даже обязанность слѣдить за говѣніемъ мірянъ. По словамъ „Бесѣды“, царю слѣдустъ „вездѣ уставити своею царскою смиренною и всегодною грозою, чтобъ покаятися и говѣти по вся годы всякому вездѣ мужеску полу и женьску двоюнадесять лѣтъ: о томъ царю самому крѣпко и крѣпко печися паствы своея о спасеніи міра, о всегодномъ посту всегодными прямыми постными людьми во благоденство міру всего“. См. „Ист. русс. Литерат.“ А. Н. Пыпина, т. II, Спб. 1898 г., стр. 149—152, 157.

[2]) Всѣ эти мысли о Государѣ всея Руси—великомъ князѣ Московскомъ ясно выражаются въ тѣхъ величественныхъ титулахъ, которые, какъ мы видѣли, постоянно прилагаются къ Государю Московскому въ литературно-публицистической проповѣди представителей нашего духовенства и монашества. Перечислимъ здѣсь кстати нѣкоторые титулы Государя Московскаго, какіе пришлось намъ встрѣтить въ произведеніяхъ агіографической письменности, въ изобиліи явившихся на Руси во дни знаменитаго Макарія и составлявшихся подъ большимъ или меньшимъ его вліяніемъ (то по его вызову и порученію, то по его благословенію). Москов-

Съ другой стороны, одновременно съ изложеніемъ теоретическихъ воззрѣній на значеніе верховной государственной власти, какъ они высказаны въ литературной проповѣди указанныхъ нами представителей духовенства и монашества, отмѣтили мы и обнаруженія практическаго содѣйствія со стороны нѣкоторыхъ изъ тѣхъ же представителей политическимъ интересамъ великихъ Московскихъ князей. Въ этомъ отношеніи, кромѣ прямой политической дѣятельности знаменитаго игумена Волоцкаго Іосифа, указали мы на двѣ крупныя политическія услуги, оказанныя великому князю Московскому митрополитомъ

скій Государь у авторовъ—списателей житій святыхъ обыкновенно называется, „*Державнымъ царемъ православнымъ*", „*православнымъ Государемъ всея Руси*", „*Дръжавнымъ Государемъ, носящимъ багряницу царскую и скипетры всея Руси*" (См. житіе Іосифа Волоцкаго, написанн., по порученію Макарія, Саввою, еп. Крутицкимъ, въ 1546 г., изд. Невостр., стр. 14, 43, 70), „*благовѣрнымъ и христолюбивымъ царемъ и Государемъ Самодержьцемъ руския земли скипетры держащимъ*", „*Самодержавнымъ Царемъ и Государемъ; предержащимъ начальство русскаго царства*". (См. житіе преп. Александра Свирскаго, написанн. игуменомъ его монастыря Иродіономъ въ 1545 г. по порученію Макарія и арх. Новгород. Θеодосія. Рукоп. сб. Кіев. Дух. Акад. подъ зн. Аа 106, л. 227 об., л. 257 об.; о времени написанія сего житія и его авторѣ см. у Ключевскаго: „Древнерусск. житія святыхъ, какъ историч. источникъ", М. 1871 г., стр. 262), „*великимъ государемъ православью на Русіи*". (См. Описаніе позднѣйшихъ чудесъ препод. Зосимы Соловецкаго, сдѣланное, какъ можно видѣть изъ содержанія, въ малолѣтство Грознаго, когда „вельможамъ пріимшимъ самовластіе, много зла сотворися между ними". Рукоп. Сборн. Кіевск. Д. Акад. подъ зн. Аа 106, л. 65), „*благочестивымъ и Богомъ вѣнчаннымъ царемъ, осіяваемымъ благодатію Св. Духа*". (См. житіе митр. Іовы въ редакціи Макарьевскаго времени у Ключевскаго въ приложен. къ указанн. сочин., прилож. IV, стр. 460—461) „*благочестивымъ и хваламъ достойнымъ самодержцемъ, достохвальнымъ во царѣхъ, правящимъ скипетръ царства великаго Россійскаго*". (См. житіе св. Стефана Махрищскаго, написанн. по порученію царя и митр. Макарія игуменомъ Іоасафомъ въ самомъ началѣ 2-ой полов. XVI в. Рукоп. Сбор. Кіев. Дух. Акад. подъ зн. Аа 155. л. 186 об.; о времени написанія и авторѣ см. у Ключевск., стр. 279—280), „*въ православіи пресвѣтлымъ царемъ*". (См. житіе Никиты, еп. Новг., написанн. тѣмъ же игуменомъ Іоасафомъ и около того же времени. Рук. Сбор. Кіев. Дух. Акад. подъ зн. Аа 118, л. 176 об., 186 об.; о времени напис. и авторѣ см. у Ключевск., стр. 278 и 265) и т. п. О томъ или другомъ святомъ въ житіяхъ замѣчается, что онъ „*молитвы къ Богу въздавше о державѣ царства Государя великаго князя, да умножитъ Богъ царство самодержавнаго Государя*" (См. указанн. Житіе Александра Свирскаго, л. 266 об.), что онъ „*о самодержавцахъ молился*" (Указанн. Житіе Новгор. еп. Никиты, л. 182 об.), „училъ насъ работати Государеви", что онъ благочестивому и христолюбивому великому князю Самодержцу всея русскія земли... и всѣмъ православнымъ благовѣрнымъ княземъ теплый молебникъ Богу и ходатай изрядный къ

Даніиломъ. Побуждаемый важностію государственно-политическихъ задачъ, преслѣдуемыхъ великокняжескою Московскою властію, названный митрополитъ помогъ Василію III отдѣлаться отъ послѣдняго представителя удѣльнаго строя политической жизни—удѣльнаго князя Василія Шемячича. Руководясь тѣмъ же побужденіемъ и ради важности преслѣдуемой цѣли поступаясь даже каноническимъ правомъ церкви, тотъ же митрополитъ устроилъ дѣло о разводѣ Василія Іоанновича съ неплодной Соломоніей и о вступленіи его въ новый бракъ, при которомъ возможно было рожденіе прямого наслѣдника русскаго

Пречистѣй Богородицѣ, яко да подастъ имъ побѣду на вся видимыя и невидимыя враги, и да умножитъ Богъ лѣта живота ихъ въ благоденствіи.... и да вѣнчаетъ Богъ благородная чада вѣнцемъ царствія въ родъ и родъ". (Похвальн. слово Пафнутію Боровскому Макарьевск. времени. См. Жур. Мин. Н. Пр. за 1868 г., м-цъ февраль, ст. свящ. Николаевскаго: Русск. Проповѣдь въ XV и XVI в.в.", стр. 362—363). Но особенно интереснымъ, съ точки зрѣнія политической обстановки, изъ житій XVI в. является житіе извѣстнаго митрополита второй половины царствованія Грознаго—Филиппа, написанное кѣмъ то въ Соловецкомъ монастырѣ, по порученію игумена и братіи (Ключевск., стр. 311). Въ немъ ярко обрисовываются политическія воззрѣнія Филиппа, представляющія совершенное сходство съ воззрѣніями Іосифовскими. Вотъ для примѣра мѣсто изъ помѣщеннаго въ житіи поученія царю Іоанну Васильевичу, сказаннаго Филиппомъ при возведеніи въ санъ митрополита: „яко великимъ сподобился еси отъ Бога благимъ,—говорилъ митрополитъ Грозному,—толма большая долженъ еси воздати Ему.. Неприложенъ еси человѣкомъ ради земнаго царствія, кротокъ же буди требующимъ державы ради горняя власти... Якоже кормчій бодръствуетъ всегда, тако и царскій многоочитый умъ, содержай твердо добраго закона правило и иссушая крѣпко безаконія потоки, да корабль всемирныя жизни не погрязнетъ волнами неправды... Паче всея славы царствія благочестіе царя вѣнецъ украшаетъ"... Царь долженъ „за православную вѣру стояти твердо не поколебимо, еретическая гнилая ученія удобно отрясающе, держати же еже апостоли научиша и еже отцы предаша"..., долженъ „въ той же истинны мудрованіи руководити и подъ нимъ вчиненныхъ, ничтоже таковаго тщанія и прилежанія неищевати честнѣйше". (См. Житіе митр. Филиппа въ рукоп. Сборн. Кіев. Дух. Ак. подъ знак. Т. 335, л. 349, 350, 351 об.). Въ другой разъ, при обличеніи преступныхъ дѣяній Грознаго, тотъ же митрополитъ говорилъ ему: „о самодержавный Царю! Чести всякія превышши имѣя санъ, чти паче всего сему тя сподобившаго Бога, яко по подобію небесныя власти данъ ти есть скипетръ земныя силы, да человѣки научиши правду хранити... Естествомъ убо тѣлеснымъ точенъ еси всякому человѣку, о царю, властію же сана подобенъ еси иже надо всѣми Богу, не имаши бо на земли вышши себе... Учиненъ еси отъ Бога еже разсуждати люди Божія въ правду, а не мучительски санъ держати, доброчестіе царя вѣнецъ украшаетъ... Аще убо царю и образомъ Божіимъ почтенъ еси, но персти земней приложенъ еси" (Ibid., л. 367 об., л. 368, л. 369 и об., л. 379 об. л. 372 об. и 380).

государства. Отмѣтили мы также роль митрополита въ непосредственно слѣдовавшихъ за смертію Василія Іоанновича обстоятельствахъ принесенія присяги на вѣрность малолѣтнему наслѣднику престола—будущему царю Грозному, при чемъ лѣтописный разсказъ объ этомъ дѣлѣ далъ намъ основаніе приписать митрополиту Даніилу главную инициативу попытки поставить отношенія удѣльныхъ князей къ великому на новыхъ, недоговорныхъ, началахъ.—Отмѣтили мы, наконецъ, факты прямого служенія интересамъ утверждавшагося на Руси въ лицѣ Государя Московскаго единодержавія и самодержавія со стороны знаменитаго іерарха русской церкви временъ Грознаго—Макарія. Въ санѣ Новгородскаго архіепископа онъ одновременно съ митрополитомъ Даніиломъ дѣйствуетъ въ пользу великокняжеской Московской власти по поводу ея столкновенія съ удѣльнымъ княземъ Андреемъ Старицкимъ. А въ санѣ всероссійскаго митрополита онъ принимаетъ самое живое и дѣятельное участіе въ томъ важномъ въ исторіи Государей Московскихъ событіи, какимъ было торжественное вѣнчаніе на царство Іоанна Васильевича Грознаго въ 1547 году. Въ отношеніи къ этому славному событію, представлявшему изъ себя какъ бы практическое завершеніе сложившейся на Руси теоріи о православномъ русскомъ царствѣ съ единымъ правослнымъ царемъ во главѣ,—въ отношеніи къ этому событію митрополиту Макарію, какъ нужно полагать на основаніи извѣстныхъ намъ данныхъ, принадлежала роль не только, такъ сказать, оффиціальнаго совершителя извѣстнаго церковнаго обряда, но и главнаго инициатора въ самой разработкѣ вопроса о царственномъ вѣнчаніи Государя Московскаго.

IV.

Государственно-политическія воззрѣнія „Заволжскихъ нестяжателей".

Мы видѣли, что на почвѣ борьбы съ ересью жидовствующихъ весьма ясно обнаружилось у насъ на Руси значеніе верховной государственной власти, какъ значеніе это опредѣлялось въ византійскомъ правѣ. Главный борецъ противъ ереси, игуменъ Волоцкій Іосифъ, не могъ вполнѣ достигнуть своей цѣли, пока не успѣлъ склонить на свою сторону Госу-

дарей Московскихъ—Іоанна III и Василія Іоанновича. По отношенію къ власти Государя Московскаго борьба съ еретиками наглядно показала, что эта власть со стороны присущихъ ей правъ и обязанностей, подобно власти византійскихъ императоровъ, простирается на всѣ сферы жизни ввѣреннаго ея попеченію государства, имѣетъ, въ частности, рѣшающее значеніе и въ дѣлахъ церковныхъ; отъ этой именно власти зависитъ главнымъ образомъ устроеніе угрожающихъ чистотѣ вѣры и благочестія опасностей. Стоитъ лишь Государю Московскому проявить свою волю въ видѣ суровыхъ наказаній по отношенію къ еретикамъ—и ересь будетъ уничтожена. Такія именно представленія о значеніи и силѣ верховной государственной власти должны были вызываться смысломъ всѣхъ тѣхъ усиленныхъ просьбъ и увѣщаній, съ какими постоянно обращались къ Государю Московскому борцы съ ересью, умоляя его принять свои всесильныя мѣры къ искорененію явившагося и распространившагося въ русской церкви зла (казнить еретиковъ).

Такимъ образомъ, вопросъ объ еретикахъ заключалъ въ себѣ, между прочимъ, и весьма важную государственно-политическую сторону, послужилъ почвой, на которой затрагивались представленія государственно-политическаго характера (въ пользу полическаго значенія Государя Московскаго). Но вмѣстѣ и рядомъ съ этой почвой явилась и существовала въ XVI в. и другая, также нечуждая оттѣнка политическаго (и въ томъ же направленіи). Это—вопросъ о правѣ монастырей на владѣніе землями и крестьянами,—правѣ, коимъ они пользовались въ самой широкой степени.

Изъ отшельническихъ келлій, разсѣянныхъ въ Бѣлозерскихъ лѣсахъ и имѣвшихъ близкія сношенія съ монастыремъ Кирилла Бѣлозерскаго, въ самомъ началѣ XVI в. вышли шумные протесты противъ монастырскаго землевладѣнія, въ причинной связи съ которымъ стоялъ упадокъ нравственности въ монашествѣ. Заволжскіе нестяжатели, съ Ниломъ Сорскимъ во главѣ, настойчиво проводили и защищали мысль о необходимости отобрать у монастырей села и вотчины и черезъ это уничтожить причины, такъ или иначе способствовавшія нрав-

ственной деморализаціи монашества. Но, въ виду преслѣдуемой нами цѣли, вниманіе наше въ данномъ случаѣ обращаетъ на себя то обстоятельство, что осуществленіе указанной мысли противники монастырской стяжательности поставляли въ зависимость отъ той же единой воли Государя Московскаго, съ проявленіями которой, какъ намъ извѣстно, связывали дѣло уничтоженія ереси жидовствующихъ борцы за чистоту вѣры и благочестія. И подобно тому, какъ эти послѣдніе, для достиженія своихъ цѣлей, постоянно, можно сказать, взывали къ власти Государя Московскаго, какъ верховнаго блюстителя церковно-религіозныхъ интересовъ, умоляя его проявить богодарованныя ему царственныя права для защищенія церкви отъ вкравшагося въ нее еретическаго зла; такъ представители и защитники „нестяжательности" не разъ обращались къ тому же царю—государю съ усиленными просьбами отнять у монастырей ихъ стяжанія, и такимъ образомъ уничтожить происходившее отсюда церковно-монастырское нестроеніе. Одинъ изъ списателей житія Іосифа Волоцкаго, неизвѣстный по имени, но, какъ по всему видно, близкій ко времени самого преподобнаго, вотъ что, между прочимъ, сообщаетъ намъ о Московскомъ соборѣ 1503 г. [1]): „бысть царскому повелѣнію, священныя мужи съ архіереи въ господствующій градъ сбирающу видѣти о словеси, монастыремъ села и нивы аще не пріятна суть? Нѣкоимъ бо отцемъ, иже безмолвіе и уединенное житіе проходящимъ и любящимъ [2]), и отеческая ученія о нестяжаніи черноризцемъ добрѣ внявшемъ, поболѣша о стяжаніи селъ

---

[1]) Цѣль созванія этого собора въ одномъ изъ письменныхъ памятниковъ того времени обозначена въ слѣдующихъ словахъ: „о еже како въ второе лѣто (не совсѣмъ ясное хронологическое указаніе) князь великій Іванъ Васильевичъ всея Россіи велѣлъ быти на Москвѣ святителемъ и Нилу и Іосифу, поповъ ради, иже дръжаху наложницы, паче же рещи: въсхотѣ отъимати села у святыхъ церквей и у монастырей". См. Обвинительные пункты Іосифа Волоцкаго противъ Нила и Вассіана, изложенные въ полемическихъ сочиненіяхъ послѣдняго. Правосл. Собесѣдн. за 1863 г., ч. III, стр. 206.

[2]) На соборѣ были оба главныхъ вождя заволжскихъ нестяжателей—старецъ Паисій Ярославовъ (воспріемникъ вел. кн. Василія III отъ св. купели) и его ученикъ Нилъ Сорскій, а съ нимъ и другіе пустынники Бѣлозерскіе. См. Посланіе неизвѣстнаго о враждѣ на Іосифлянъ („письмо о нелюбкахъ") Прибавл. къ Твор. св. о.о., ч. X, стр. 505.

монастыремъ, непщующе, яко суетно отреченіе міра сотворяютъ входящіи въ монастырь... И сихъ ради *молиша самодержца* (объ отобраніи у монастырей вотчинъ), аки имуще дерзновеніе къ нему, ради крѣпкаго жительства и добродѣтели множества“ [1]). Ревностный ученикъ Нила Сорскаго, инокъ—князь Вассіанъ Патрикѣевъ, принявшій на себя пропаганду идей своего учителя и нѣкоторое время занимавшій при дворѣ Василія III положеніе всесильнаго временщика [2]), въ своихъ полемическихъ противъ Іосифа Волоцкаго сочиненіяхъ самъ заявляетъ, что онъ не разъ „бесѣдовалъ съ боголюбивыми князи, плачуся и рыдая церковное нестроеніе“ и, несомнѣнно, убѣждалъ ихъ „у церквей и монастырей села отъимати“ [3]). Нельзя здѣсь также не отмѣтить интимныхъ бесѣдъ, какія велъ съ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ IV одинъ изъ заволжскихъ пустынниковъ, именно старецъ Артемій, во время соборныхъ засѣданій 1551 г. Какъ можно видѣть изъ свидѣтельства самого Артемія въ его посланіи къ царю Грозному, бесѣды касались именно вопроса о монастырскихъ владѣніяхъ. И вотъ что, между прочимъ, сообщаетъ названный сторонникъ „нестяжательности“ относительно частнаго содержанія этихъ бесѣдъ. „А всѣ нынѣ съгласно враждуютъ,—пишетъ онъ Грозному, будтось азъ говорилъ и писалъ тобѣ—села отнимати у манастырей, другъ другу сказываютъ. А отъ того мню, государъ, што азъ тобѣ писалъ на соборъ, извѣщая разумъ свой (т. е. высказывая личный взглядъ на дѣло), а не говорывалъ есми имъ (членамъ собора) о томъ, ни тобѣ не совѣтую нуженіемъ и властію творити что таково... А и то есми, государъ, писалъ азъ и говорилъ тобѣ о истиннемъ и непрелестнемъ пути Христовыхъ заповѣдей, и о томъ не ускори съблазнитися... А азъ въ томъ виноватъ предъ Богомъ, занеже безъ времене ино глаголахъ... Оплошился есми, государъ, притчею оною, еяже глаголахъ нѣкогда: аще царь земный поручиши нѣкоему имѣніе, повелѣвая дати сія, имже въсхотѣлъ еси дати, той же пріемый

---

[1]) Житіе Іосифа, напис. неизвѣстнымъ, изд. Невоструева, стр. 39.

[2]) См. въ сочин. проф. Павлова: „Историч. очеркъ секуляриз. церк. земель въ Россіи“, стр. 65, прим. 2.

[3]) См. Полемич. сочиненія инока—князя Вассіана Патрикѣева въ Правосл. Собесѣдн. за 1863 г., ч. III, стр. 197, 207.

отдастъ, имже самъ въсхотѣ, а не по твоему приказу. Не будеши-ли бранити? И ты, господарь, отвѣщалъ еси, яко не токмо бранити, но и мучити хощу его. И отъ того мнѣлъ есми, яко мощно разумѣти тобѣ, яко достоитъ хранити заповѣди Господня, якоже повелѣ, а не якоже мы хощемъ, умышляемъ человѣческими помыслы". Въ своемъ „иносказаніи" нестяжатель ясно намекнулъ государю на необходимость отъ его царской воли зависящаго устраненія тѣхъ нарушеній „заповѣдей Господнихъ", которыя обусловливались монастырскимъ землевладѣніемъ. „И нынѣ же,—какъ бы въ цѣляхъ полнаго выясненія своей притчи добавляетъ авторъ посланія, обращаясь къ царю,—якоже познаваю, дай разумъ твой отъ тогдашняа рѣчи, еяже глаголалъ еси" [1]).

Итакъ, по мысли „нестяжателей", для уничтоженія церковныхъ нестроеній, связанныхъ съ монастырскимъ землевладѣніемъ, главное и единственное средство—отобраніе у монастырей ихъ вотчинъ. А фактическое примѣненіе этого средства зависитъ исключительно отъ власти Государя Московскаго, который является верховнымъ вотчинникомъ всей русской земли и которому ео ipso принадлежитъ право распоряжаться всѣми, въ томъ числѣ и монастырскими, землями, по его волѣ, какъ найдетъ нужнымъ. Выраженіемъ такихъ именно мыслей о значеніи власти Государя Московскаго и служили отмѣченные нами факты обращенія къ царямъ—государямъ съ просьбами и мольбами объ отобраніи монастырскихъ вотчинъ со стороны Заволжцевъ-нестяжателей.

Но стремленія сторонниковъ нестяжательно-скитскаго мона-

---

[1]) См. Посланія старца Артемія въ Русс. Истор. Библіот., т. IV, столб. 1440—1441. Ученый святогорецъ Максимъ Грекъ, другъ и сторонникъ князя—инока Вассіана, въ своихъ „поучительныхъ главахъ начальствущимъ правовѣрно", посланныхъ имъ Іоанну Васильевичу IV (вѣроятно, въ самомъ началѣ его самостоятельнаго правленія), горько жалуется на то, что всѣ „имѣнія стяжанія, яже отъ правовѣрныхъ царей и князей возложена святымъ Божіимъ церквамъ", архіереи обращаютъ на „свои потребы преизлишнія и житейскія устроенія" и совершенно забываютъ о „нищихъ Христовыхъ, гладомъ и наготою и страданіемъ погибающихъ". Максимъ напоминаетъ Государю, что на немъ лежитъ обязанность „исправлять сицевыя священническія недостатки, по примѣру „древнихъ православныхъ царей—Константина, Ѳеодосія и Іустиніана великихъ". См. сочин. преподоб. Максима Грека, изд. при Казан. Дух. Академіи, ч. II, стр. 174—175.

шества склонить Государей Московскихъ къ фактическому осуществленію идеи секуляризаціи не имѣли въ данное время практическаго успѣха, и вотъ по какимъ причинамъ. Землевладѣльческія права церквей и монастырей опирались не только на освященныхъ вѣками традиціяхъ, но и на божественномъ правѣ, и неприкосновенность церковнаго достоянія съ точки зрѣнія этого права была однимъ изъ тезисовъ, получившихъ наиболѣе обстоятельную аргументацію въ древнерусской литературѣ. А порядокъ, складывавшійся и существовавшій въ теченіе вѣковъ и къ тому же запечатлѣнный характеромъ священности, уничтожить вдругъ, однимъ ударомъ, трудно и почти невозможно даже и для самодержавной воли государя. Это—во первыхъ. Во вторыхъ госудри московскіе, конечно, хорошо понимали всю трудность борьбы съ сильною и вліятельною партіею защитниковъ монастырскаго землевладѣнія, во главѣ которой послѣдовательно стояли такіе видные представители духовенства, какъ Волоколамскій игуменъ Іосифъ, митрополитъ Даніилъ, митрополитъ Макарій... Наконецъ, въ третьихъ, у московскихъ государей были и своего рода политическія соображенія, которыя удерживали ихъ отъ рѣшительнаго шага по планамъ нестяжателей. Дѣло въ томъ, что „вопросъ о церковныхъ и монастырскихъ вотчинахъ—скажемъ словами проф. Павлова—былъ вмѣстѣ вопросомъ объ отношеніи церкви къ государству, или, точнѣе, объ отношеніи духовной іерархіи къ мірскому правительству. Примѣръ Іоанна III (на московскомъ соборѣ 1503 г.) показалъ, что поднимать этотъ вопросъ значило только доставлять первый случай торжествовать надъ послѣднимъ. Между тѣмъ, вотчинный бытъ Церковной іерархіи ставилъ ее въ необходимую зависимость отъ свѣтскаго правительства, которая чувствовалась тѣмъ сильнѣе, чѣмъ чаще и рѣшительнѣе повторялась, вблизи самого великокняжескаго престола, мысль о неприличіи монахамъ владѣть селами и о неправильномъ употребленіи архіереями церковныхъ доходовъ. Чтобы обезопасить свои интересы, которымъ грозила проповѣдь нестяжателей, духовныя власти естественно должны были съ особеннымъ усердіемъ входить въ планы и виды правительства, помогать ему силою своего духовнаго

авторитета. Напротивъ, послѣдняя цѣль нестяжателей была именно та, чтобы поставить церковную іерархію, несвязанную никакими земными интересами, на прежнюю высоту духовной независимости отъ мірского правительства; они хотѣли бы видѣть въ пастыряхъ церкви, по примѣру стараго времени, „печаловниковъ земли русской", представителей нравственно-религіозной силы народа, предъ которыми склонялись бы Московскіе государи съ своими матеріальными силами и деспотическими тенденціями" [1]). Съ этой точки зрѣнія вполнѣ понятными становятся политическія причины, въ силу которыхъ великіе князья Московскіе, какъ ни соблазнительно было для нихъ присвоеніе богатыхъ церковныхъ и монастырскихъ имѣній, не рѣшались, однако, на секуляризацію этихъ имѣній, и склонны были къ реформѣ монастырей въ духѣ Іосифа Волоцкаго, а не Нила Сорскаго. Владѣніе вотчинами, которыя даны великимъ княземъ и которыя тѣмъ же княземъ могли быть и отобраны, поставляло духовенство въ сильную зависимость отъ великокняжеской власти, такъ или иначе дѣлало его ея служебнымъ орудіемъ. „Землевладѣльческія хлопоты—замѣчаетъ проф. Ключевскій—создавали тѣсную политическую связь между иночествомъ и главою государства, заставляли первое постоянно обращаться къ послѣднему съ просьбами и за милости поддерживать его всѣмъ своимъ нравственнымъ авторитетомъ" [2]). Наоборотъ, реформа нестяжателей, поставляя духовную іерархію въ независимое отъ великаго князя положеніе въ матеріальномъ отношеніи, вела къ независимости ея и въ другихъ отношеніяхъ, что вовсе не соотвѣтствовало разсчетамъ Государей Московскихъ, которые теряли бы въ этомъ случаѣ въ лицѣ большей части духовенства одну изъ сильныхъ поддержекъ для своихъ политическихъ стремленій.

И справедливость требуетъ сказать, что политическіе разсчеты великихъ князей Московскихъ на этотъ разъ были, какъ нельзя болѣе, вѣрны. Ревностное служеніе новымъ политическимъ идеямъ Москвы, преданность безусловному принципу Московскаго самодержавія, готовность поддержать само-

---

[1]) „Историч. очеркъ секуляриз. цер. земель въ Россіи", стр. 84.

[2]) „Боярская Дума древн. Руси", М. 1882 г., стр. 297.

властныя стремленія Московскаго Государя—вотъ черты, которыми отличались политическія отношенія вліятельныхъ представителей духовенства, стоявшихъ во главѣ сторонниковъ вотчинныхъ правъ церкви. Идеалъ царя—избранника Божія, земного бога, сосредоточивающаго въ своихъ рукахъ абсолютную полноту власти,—этотъ величественный идеалъ, очерченный въ литературно-публицистическихъ воззрѣніяхъ Іосифа Волоцкаго и его ближайшихъ послѣдователей, являлся, конечно, вполнѣ соотвѣтствующимъ личнымъ желаніямъ Государей Московскихъ, хотѣвшихъ быть именно такими, безусловно неограниченными самодержцами, судъ которыхъ уже нигдѣ и никѣмъ не можетъ быть „посужаемъ". Литературная проповѣдь подобныхъ политическихъ воззрѣній, въ связи съ неоднократными практическаго характера политическими услугами, какія оказывали тѣ же представители духовенства великокняжеской Московской власти,—безъ сомнѣнія, стоили того, чтобы не трогать старинныхъ вотчинныхъ правъ церковной іерархіи. Между тѣмъ, какъ ниже увидимъ, проповѣдь, да иногда и самое дѣло, выходившія изъ среды сторонниковъ нестяжательности, не всегда отзывались согласіемъ съ личными стремленіями Государей Московскихъ, всецѣло направленными на одинъ предметъ—достиженіе полнаго, никѣмъ и ничѣмъ нестѣсняемаго, самодержавія, грозная сила котораго чувствовалась бы во всѣхъ сферахъ жизни русскаго государства.

Въ первой половинѣ XVI в. рьянымъ противникомъ „Іосифлянъ" выступилъ ученикъ Нила Сорскаго, князь—инокъ Вассіанъ Патрикѣевъ, сторону котораго держалъ также и хорошо извѣстный въ исторіи русской церкви ученый святогорецъ Максимъ Грекъ. Этотъ-то князь—инокъ, человѣкъ, безъ сомнѣнія, сильный духомъ и словомъ, и рѣшился взять на себя литературную пропаганду взглядовъ Заволжскихъ пустынножителей на современные, волновавшіе тогда русскіе умы, вопросы церковно-государственной жизни (объ отношеніи къ еретикамъ, о монастырскихъ вотчинахъ). Но въ отношеніи къ личности Вассіана Патрикѣева для нашей цѣли важно въ данномъ случаѣ отмѣтить собственно то, что на почвѣ своей литературной борьбы съ „Іосифлянами" названный князь—инокъ

заявилъ себя не только горячимъ послѣдователемъ религіозно-церковныхъ идей своего учителя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сторонникомъ княжеско-боярскихъ политичесиихъ тенденцій,—заявилъ себя не только инокомъ—представителемъ партіи нестяжателей, но и княземъ—бояриномъ, который не сумѣлъ скрыть подъ иноческой одеждой своихъ политическихъ симпатій. Съ точки зрѣнія этихъ послѣднихъ Вассіанъ Патрикѣевъ можетъ быть названъ литературнымъ проводникомъ и сторонникомъ тѣхъ государственно-политическихъ идей, которыя нашли для себя болѣе сильное и рельефное выраженіе не такъ много времени спустя въ сочиненіяхъ другого князя и боярина—знаменитаго Андрея Курбскаго. Въ виду этого, раскрывая государственно-политическія воззрѣнія князя—инока Патрикѣева, мы сопоставимъ ихъ въ подлежащихъ пунктахъ съ воззрѣніями князя Курбскаго, а вмѣстѣ съ этимъ отмѣтимъ и ихъ отличіе отъ воззрѣній Іосифлянской доктрины.

Прежде всего, во взглядѣ на характеръ отношеній церкви и государства проходитъ замѣтная черта различія между воззрѣніями князя—инока Вассіана и его сторонниковъ и воззрѣніями Іосифа Волоцкаго и его послѣдователей. По взглядамъ „Іосифлянъ", государство ставится въ служебное отношеніе къ церкви, а церковь—въ служебное отношеніе къ государству, при чемъ верховная государственная власть является блюстителемъ всѣхъ церковныхъ интересовъ, за каковую услугу церковь съ своей стороны платитъ услугами государственной власти, поддерживая ее въ ея начинаніяхъ и дѣятельности. Тѣсный союзъ церкви съ государствомъ—вотъ основная мысль, которая красною нитью проходитъ чрезъ воззрѣнія Іосифа и его послѣдователей; содѣйствіе торжеству Московскихъ государственныхъ порядковъ—вотъ, сообразно съ политическими условіями времени, ближайшее слѣдствіе Іосифлянской доктрины. Между тѣмъ, въ литературно-публицистическихъ воззрѣніяхъ князя—инока Вассіана ясно просвѣчиваетъ общая у сторонниковъ монастырской нестяжательности цѣль—поставить церковную іерархію на ту высоту духовной независимости отъ свѣтскаго правительства, на какой она стояла во времена прежнихъ государственно-политическихъ порядковъ, когда

власть церковная представляла изъ себя силу, предъ которой съ полною покорностію склонялись носители власти свѣтской. „Не убо запустѣтися Божіимъ церквамъ хощемъ, выражаетъ Вассіанъ въ одномъ мѣстѣ своихъ полемическихъ сочиненій желанія свои и своихъ сторонниковъ, но исправитися правильнѣ и на первую духовную красоту и удобрѣніе възратитися желаемъ“ [1]). „Полна изначала Спасова церкві—заявляетъ онъ въ другомъ мѣстѣ—глаголавшихъ о злобѣ и добродѣтели и за истину възненавидѣныхъ бывшіхъ, не только архіереовъ и священниковъ и прочаго чина церковнаго, но и иноковъ и простцовъ, ревность Божію показавшіхъ, еще же иже на ны въ силу съ высоты облъкъшеся, о истинѣ мужественѣ подвігошася“ [2]). Въ этихъ словахъ, безъ сомнѣнія, заключается явный намекъ на ту перемѣну въ духѣ церковной іерархіи, какая замѣчалась съ тѣхъ поръ, какъ выступилъ въ полной своей силѣ грозный принципъ Московскаго самодержавія, предъ которымъ должна была склониться и церковная іерархія со всѣми своими старинными правами (въ томъ числѣ и правомъ печалованія), принципъ, который часто и представителей церкви обращалъ въ послушное орудіе для достиженія цѣлей Московскаго правительства. Недовольство наступившимъ порядкомъ дѣлъ, проглядывающее въ приведенныхъ словахъ князя—инока [3]), вмѣстѣ съ скрывающимися за этимъ

---

[1]) Полемич. сочин. Вассіана Правосл. Собесѣдн. 1863 г., ч. III, стр. 197.

[2]) Ibid., стр. 183.

[3]) Сторонникъ и другъ Вассіана, Максимъ Грекъ, имѣя, очевидно, въ виду современныя проявленія отношеній церковной власти къ власти государственной, въ одномъ мѣстѣ своихъ сочиненій жалуется, что среди русскихъ пастырей его времени нѣтъ „Самуила великаго, іерея Вышняго, противоополчившагося, со дерзновеніемъ, Саулу преступнику“; нѣтъ „подобныхъ Иліи и Елисею ревнителей, не стыдившихся беззаконнѣйшія насильники царя самарійскія“; нѣтъ „Амвросія чуднаго, архіерея Божія, неубоявшагося высоты царства Θеодосія великаго“; нѣтъ Василія Великаго,... премудрѣйшими ученіи ужасивша гонителя (церкви) Уалента (Валента); нѣтъ „Іоанна великаго и златаго языкомъ, сребролюбиву и лихоимницу царицу Евдоксію изобличившаго“. (См. Сочин. преп. Максима Грека, изд. Каз. Д. Акад., ч. II, стр. 336—337). Смотря, согласно византійскимъ государственнымъ теоріямъ, на „священство и царство“, какъ на „два величайшихъ блага, дарованныхъ отъ вышняя божественныя благости человѣкомъ“, какъ на двѣ силы, отъ взаимно-согласнаго дѣйствія которыхъ происходитъ великая польза для человѣчества, Максимъ Грекъ къ числу обязанностей, лежащихъ на представителяхъ церкви, относитъ и то, чтобы они „совѣты премудрѣйшими и всяческими

недовольствомъ желаніями и цѣлями церковно-государственнаго характера, выразилъ потомъ—только съ гораздо большей силой и рельефностію—другой бояринъ—писатель, князь Андрей Курбскій. Вотъ что писалъ, между прочимъ, въ одномъ изъ своихъ посланій этотъ представитель оппозиціоннаго боярства временъ царя Грознаго: „посмотримъ на священническій чинъ, въ какихъ обрѣтается,... не токмо душа своя за паству Христову полагаютъ, но и расхищаютъ, вѣмъ, яко бѣдно ми глаголати: не токмо расхищаютъ, но и учители расхитителемъ бываютъ, начало и образъ всякому законопреступленію собою полагаютъ; *не глаголютъ предъ цари, не стыдяся о свидѣніи Господни, но паче потаковники бываютъ*;... богатствы многими кипятъ, и корыстьми, яко благочестіемъ, украшаются. Гдѣ убо хто возпрѣти царю или властелемъ о законопреступленныхъ и запрѣти благовременно и безвременно? Гдѣ Илія, о Наѳѣевѣ крови возревновавый и мстя царю въ лице обличеніемъ? Гдѣ Елисей, посрамивый царя Израилева, сына Ахавова? Гдѣ лики пророкъ, обличающи неправедныхъ царей? Гдѣ Амбросій Медіоланскій, смиривый великаго царя Ѳеодосія? Гдѣ златословесный Іванъ, со зѣльнымъ прещеніемъ обличивый царицу златолюбивую? Гдѣ патріарховъ лики и боговидныхъ святителей и множества преподобныхъ, ревнующе по Бозѣ и нестыдно обличающихъ неправедныхъ царей и властелей въ различныхъ законопреступныхъ дѣлѣхъ?... Кто нынѣ нестыдяся словеса авангельская глаголеть?—азъ не вѣмъ хто!... Ни заступающаго, ни помогающаго нѣсть, развѣ Господа“ [1]). Та-

устроеніи... исправляли всегда царскія скипетры на лучшее“ (Ibid., стр. 162—163), чтобы такимъ образомъ они, чуждые унизительнаго раболѣпства предъ внѣшнею силою мірской власти, когда нужно, оказывали на эту послѣднюю умѣряющее, сдерживающее вліяніе. Замѣтимъ также, что въ сочиненіяхъ Максима Грека встрѣчается и мысль о превосходствѣ духовной власти надъ свѣтскою, священства надъ царствомъ. (См. сочин. Максима,... ч. III, стр. 155), та самая мысль, которая съ особенною яркостію и выпуклостію проведена въ извѣстной въ исторіи католичества дарственной грамотѣ, данной будто бы царемъ Константиномъ папѣ Сильвестру на владѣніе всей Италіей. Эта грамота тенденціознымъ образомъ помѣщена была патріархомъ Никономъ въ ряду дополнительныхъ статей къ печатной славянской Кормчей, и помѣщена при томъ въ самой обширной редакціи, сравнительно съ редакціями византійскихъ канонистовъ и сравнительно съ предшествовавшими русскими редакціями.

1) См. Правосл. Собесѣдн. за 1863 г., ч. II: „Три, доселѣ не изданныя, по-

кимъ образомъ и Курбскій, подобно Вассіану, желалъ бы видѣть въ представителяхъ церкви лицъ, которыя, не будучи связаны какою либо зависимостію отъ мірского правительства, спокойно возвышали бы свой голосъ противъ государственныхъ властителей.

Пропагандируя необходимость отнять у церквей и монастырей земли и вотчины, инокъ—князь Вассіанъ Патрикѣевъ и его сторонники стремились главнымъ образомъ именно къ тому, что-бы чрезъ подобную реформу порвать ту тѣсную политическую связь духовенства и иночества съ главою государства и ту зависимость первыхъ отъ послѣдняго, которыя создавались, благодаря земельно-вотчиннымъ правамъ церквей и монастырей, пользовавшихся этими правами въ самой широкой степени. Въ виду такого рода цѣлей, Вассіанъ хотѣлъ бы совершенно раздѣлить сферы церковную и государственную, хотѣлъ бы отнять у духовенства всякое право вмѣшательства въ свѣтскія дѣла. По его словамъ, царю нечего совѣтоваться съ иноками—этими „мертвецами", умершими для міра: „не съ иноки Господь повелѣлъ царемъ царство и грады съ волостьми держати" и „иноковъ отъ всего мирскаго достоитъ отставити" [1]); „всѣмъ владѣти уставлено и повелѣно заповѣдати о всемъ царемъ и имъ въ мирѣ и вездѣ властемъ мирскимъ владѣти, а не святительскому, ниже священническому чину, окромѣ ихъ святительскихъ властей въ правду о законѣ, и о благовѣріи, и о спасеніи мира сего Царьской небесной грозы" [2]). Такимъ

сланія князя Андрея Курбскаго", стр. 564—565; сн. Сказанія Кураабскаго, изд. Устряловымъ, стр. 291—292.

[1]) Представители иночества—писалъ въ одномъ изъ своихъ посланій упомянутый уже нами Заволжскій пустынникъ, старецъ Артемій—не должны „съ мірскими связатися"; „человѣческыя дружбы должны быть „чюжи" монашескаго „обѣщанія и толико отстояти отъ нихъ (иноковъ), еликоже видимъ мертвыя отъ живыхъ стоящя" Русск. Истор. Библ., т. IV, столб. 1261—1262.

[2]) См. „Разсужденіе инока—князя Вассіяна о неприличіи монастыремъ владѣть отчинами", изд. проф. Бодянскимъ въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. Россійск. за 1859 г., кн. 3. Принадлежность „разсужденія" названному князю—иноку, кромѣ проф. Бодянскаго, признаютъ: проф. Устряловъ (См. изданн. имъ „Сказанія кн. Курбскаго", СПБ. 1842 г., стр. 307—308, прим. 5), Невоструевъ (См. его „Разсмотрѣніе книги Хрущова: изслѣдов. о сочин. Іосифа Волоцкаго", стр. 64—65); Преосвящ. Макарій склоняется въ пользу принадлежности „разсужденія" перу Вассіана (Ист. русск. церкви, т. VII, стр. 259). Проф. Павловъ отрицаетъ про-

образомъ, не въ области дѣятельности государственной, а въ области дѣятельности чисто религіозно-нравственной—вотъ гдѣ, по воззрѣнію Вассіана, исключительно могутъ и должны проявлять свою компетенцію представители церкви.

Если обратимся теперь къ тѣмъ воззрѣніямъ князя—инока, которыя касаются собственно личности носителей верховной государственной власти, то и въ этомъ пунктѣ найдемъ нѣкоторыя черты отличія взглядовъ Вассіана отъ воззрѣній Іосифлянской доктрины.

Правда, принципъ царской власти у Вассіана тотъ же, что и у Іосифа Волоцкаго. Въ самомъ дѣлѣ, какъ на основаніе необходимости „покоряться благовѣрнымъ царемъ и великимъ княземъ,... во всемъ имъ прямити и Бога молити за нихъ,.. добра имъ во всемъ хотѣти, и за ихъ животомъ своимъ помирати и главы подкладати", князь—инокъ указываетъ на то, что цари суть „помазанники Божіи, Богомъ избранные", которымъ „свыше дана есть Богомъ власть надо всѣми" и которые „должны пещися за весь миръ,... да за всѣхъ станутъ ко отвѣту предъ Вышнимъ Царемъ" [1]). Но констатируя такія положенія относительно царской власти, Вассіанъ, тѣмъ не менѣе, далеко не склоненъ слишкомъ возвеличивать личность царя, какъ это, наоборотъ, замѣчается у Іосифа Волоцкаго и его ближайшихъ послѣдователей. Онъ не окружаетъ, подобно Іосифу, личность царя—государя ореоломъ божественности, не сравниваетъ его съ Богомъ, не уподобляетъ его „Царю Вышнему". Не на божественныхъ, такъ сказать, прерогативахъ царской власти останавливается главное вниманіе князя—инока, а на различныхъ недостаткахъ, какіе присущи носителямъ царской власти и которые бываютъ причиною великихъ несчастій, постигающихъ ввѣренныя ихъ попеченію государ-

---

исхожденіе названнаго сочиненія отъ князя—инока („Истор. очеркъ секуляриз. церковн. земель въ Россіи", стр. 136, прим. 2; Правосл. Собесѣдн. 1863 г., ч. III, стр. 95—96), а проф. Ключевскій считаетъ данное „разсужденіе" произведеніемъ неизвѣстнаго автора боярскаго происхожденія („Боярская Дума древн. Руси", стр. 304—305 и прим. 1-е). Но въ содержаніи „разсужденія" нѣтъ ничего такого, почему бы его нельзя было признать за произведеніе Вассіана.

[1]) См. указанн. „Разсужденіе инока—князя Вассіяна о неприличіи монастыремъ владѣть отчинами" въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. Россійск. 1859 г., кн. 3.

ства. Такъ, онъ горячо осуждаетъ русскихъ царей—государей за то, что они неправильно распоряжаются своими владѣніями и предоставляютъ церквамъ и монастырямъ то, чего они не должны имѣть. По его словамъ, цари, дарующіе инокамъ „волости со христіяны", обнаруживаютъ черезъ это лишь свою „царскую простоту", царское „небреженіе, неразсужденіе и святыхъ Божіихъ книгъ невниманіе"; такихъ царей онъ называетъ „царями малосмысленными, Христу противниками" [1]). Но что особенно представляется характернымъ въ политическихъ воззрѣніяхъ инока—князя Вассіана, представителя боярскаго сословія, и въ иночествѣ, очевидно, не оставившаго излюбленныхъ боярскихъ традицій,—это нескрываемое желаніе, чтобы цари—государи „всякія дѣла милосердно дѣлали со своими пріятели, князи и боляры, и съ прочими великородными и праведными людьми мірскими". Вотъ такимъ образомъ идеалъ государственнаго правленія, какой предносился сознанію автора „разсужденія о неприличіи монастыремъ владѣть отчинами". Во главѣ этого правленія долженъ стоять царь съ своимъ совѣтомъ: „царю достоитъ не простовати, со совѣтники совѣтъ совѣщавати о всякомъ дѣлѣ, съ бояры о всемъ совѣтовати, крѣпко-на-крѣпко думати" [2]). Одинъ только авто-

[1]) Ibid... Максимъ Грекъ также смѣло поставлялъ на видъ различные недостатки, замѣчавшіеся въ богомудренныхъ и благовѣрнѣйшихъ царяхъ—самодержцахъ", смѣло возвышалъ свой голосъ противъ тѣхъ, „иже благочестный санъ царскій растлѣваютъ всяческими своими неправдованіи и лихоиманіи и богомерскими блуженіи (разводъ вел. кн. Василія III), ихъ же ноги скорѣйши въ еже изливати крови, по неправедному гнѣву своему и ярости звѣрской" (Сочин. Максима, ч. II, стр. 327 и слѣд.; см. также стр. 157—184, 185—212).

[2]) Посвященный, несомнѣнно, своимъ другомъ (Вассіаномъ) въ неурядицы современной политической жизни Руси, которыя естественнѣе всего могли быть связываемы съ только что установившимся самодержавнымъ строемъ государственнаго правленія, Максимъ Грекъ также весьма несочувственно относился къ тому абсолютизму власти въ лицѣ Государей Московскихъ, къ какому стремились эти послѣдніе и который, дѣйствительно, не чуждъ былъ въ тѣ времена нѣкоторыхъ анормальностей въ своихъ проявленіяхъ. Какъ бы въ противовѣсъ политическимъ желаніямъ вел. кн. Василія Ивановича, который терпѣть не могъ разнаго рода совѣтниковъ, осмѣливавшихся говорить „на встрѣчу державному" (См. Ак. Арх. Эксп., т. I, № 172), Максимъ однимъ изъ первыхъ достоинствъ царя или князя выставлялъ имѣніе при себѣ „дивна совѣтника и доброхотна царствію" (Сочин. Максима, ч. II, стр. 162).—По словамъ старца Артемія, цари, хотя и облечены „дарованнымъ отъ Господа величествомъ", должны, однако, „съ всяцемъ тщаніемъ вопрошать людей вѣдущихъ" (См. Русск. Истор. Библ., т. IV, столб. 1386, 1388).

ритетъ выше думы государевыхъ совѣтниковъ—слово Божіе: „а святымъ божественнымъ книгамъ достоитъ царю всѣхъ свыше совѣтовъ внимати и почасту ихъ прочитати".

Итакъ, раздѣленіе верховной государственной власти между личностію царя и царскими совѣтниками, или, говоря иначе, отрицаніе самодержавно-неограниченныхъ правъ государя—вотъ наиболѣе характерная черта политическихъ воззрѣній Вассіана. Онъ не можетъ представить царя безъ полноправныхъ совѣтниковъ; въ его словахъ такъ и слышится симпатія къ отжившей старинѣ съ ея удѣльно-дружиннымъ или княжеско-боярскимъ строемъ политической жизни. Обличая неразумную „простоту" русскихъ царей, раздающихъ землю монастырямъ и не раздѣляющихъ своей власти съ князьями и боярами, авторъ „разсужденія" довольно, однако, искусно пріурочиваетъ свои основныя мысли къ возвышеннымъ понятіямъ самихъ Московскихъ властителей о политическомъ значеніи самодержавія: „непохвально есть—пишетъ онъ—царемъ таковое дѣло (т. е. раздача инокамъ волостей)... цари въ титлахъ пишутся самодержцы; таковымъ царемъ (раздающимъ инокамъ волости) не достоитъ писатца самодержьцемъ ни въ чемъ же, понеже пособники Богоданное царство и міръ, а не собою, ниже съ своими съ пріятели, съ князи и съ боляры, но не съ потребенными владѣетъ, мертвецы бесѣдуютъ". По его словамъ, „таковой царь лучше сдѣлаетъ, иже хто царьскій вѣнецъ съ собя отдастъ и не имѣетъ царьскаго имени на собѣ, и престола царьства своего подъ собою".

Солидарность сейчасъ изложенныхъ нами политическихъ воззрѣній инока—князя Вассіана съ политическими воззрѣніями князя Курбскаго внѣ всякаго сомнѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, если названный князь—инокъ, какъ мы видѣли, выставляя принципъ богоустановленности царской власти, далеко, однако, не склоненъ превозносить личность царя—государя, далеко не склоненъ окружать эту личность Іосифлянскимъ ореоломъ божественнаго величія, то въ свою очередь и князь Курбскій далекъ въ данномъ отношеніи отъ Іосифлянскаго образца. Подобно Вассіану, и Курбскій не идетъ далѣе констатированія такихъ положеній, какъ: „царь есть помазанникъ

Божій“, котораго главная обязанность—„прямо судити и царство, врученное ему отъ Бога, оброняти, отъ нахожденія варваровъ“ [1]), или: „Державные призванны есть и на власть отъ Бога поставленны, да судомъ праведнымъ подовластныхъ разсудятъ, и въ кротости и въ милости державу управятъ“ [2]). Но за то какъ щедръ онъ на самыя рѣзкія обличенія по адресу носителей самодержавной царской власти, и особенно по адресу того изъ этихъ царей—самодержцевъ, который въ перепискѣ съ Курбскимъ съ особенною настойчивостію поставлялъ этому опальному боярину на видъ свои самодержавныя права, смыслъ ихъ выразивъ словами: „а жаловати есмя своихъ холопей вольны, а и казнити вольныжъ есмя“. Если, далѣе, въ разсужденіяхъ князя—инока Вассіана ясно выражается мысль о необходимости для царя „съ бояры о всемъ совѣтовати, крѣпко-на-крѣпко думати“, то и въ разсужденіяхъ Курбскаго эта же мысль является основною. Основное положеніе Курбскаго, боярина и потомка лишенныхъ владѣнія князей, состоитъ именно въ томъ, что царь долженъ совѣтоваться съ боярами, что при Іоаннѣ (Грозномъ) и прежде тогда только было все хорошо, когда Московскіе государи слушались этихъ совѣтовъ, и все пошло дурно, когда они стали управлять сами, удаливъ совѣтниковъ. Эту свою основную точку зрѣнія онъ самъ такъ формулируетъ въ одномъ мѣстѣ своей „Исторіи Іоанна“: „царь, аще и почтенъ царствомъ, а дарованій которыхъ отъ Бога не получилъ, долженъ искать добраго и полезнаго совѣта не токмо у совѣтниковъ, но и у всенародныхъ человѣкъ: понеже даръ духа дается не по богатству внѣшнему и по силѣ царства, но по правости душевной“ [3]).

Раскрывая государственно-политическія воззрѣнія князя—инока Вассіана, какъ представителя извѣстной (противо-Іосифлянской) партіи, мы вмѣстѣ съ тѣмъ указывали попутно и черты различія ихъ отъ того же характера воззрѣній Іосифлянской доктрины. Эти черты различія могутъ быть сведены

---

[1]) См. „Сказанія кн. Курбскаго“ въ изд. Устрялова, „Исторія Іоанна“, стр. 63.

[2]) См. Правосл. Собесѣдн. 1863 г., ч. II: „Три, доселѣ не изданныя, посланія князя Андрея Курбскаго“, стр. 564.

[3]) „Сказанія Курбскаго“, изд. Устрялова,—„Исторія Іоанна“, стр. 45.

къ слѣдующему. На одной сторонѣ (въ воззрѣніяхъ „нестяжателей“) замѣчаемъ ясно проглядывающія желаніе и цѣль провести раздѣленіе между „священствомъ и царствомъ“, между духовною и свѣтскою властями, чтобы поставить первую въ полную независимость отъ послѣдней, возвратить ее на прежнюю „духовную красоту“, предъ которой преклонялись бы мірскіе властители съ ихъ деспотическими тенденціями. Напротивъ, на другой сторонѣ (въ воззрѣніяхъ „Іосифлянъ“) все такъ или иначе направляется къ провозглашенію тѣснаго союза между церковію и государствомъ, при чемъ глава государства поставляется въ положеніе верховнаго охранителя чистоты вѣры и благочестія, верховнаго блюстителя всѣхъ церковныхъ интересовъ, всего „церковнаго и монастырскаго“.—Далѣе, у представителей первой стороны не только замѣчается отсутствіе особенныхъ возвышенныхъ чертъ въ общемъ теоретическомъ представленіи образа носителя царской власти (одно простое констатированіе факта богоустановленности этой власти), но и, кромѣ того, въ это представленіе вносится такая черта, которая никакъ уже не могла подходить подъ желанія и вкусы современныхъ имъ Московскихъ государей, стремившихся, такъ сказать, съ безусловною полнотою воплотить въ своемъ лицѣ самодержавный строй государственнаго правленія. Эта черта—раздѣленіе царской власти между самимъ государемъ и его совѣтниками. Между тѣмъ, если мы соберемъ во едино черты, какими надѣляется личность государя въ воззрѣніяхъ Іосифа Волоцкаго и его ближайшихъ послѣдователей, то предъ нами предстанетъ образъ царя съ абсолютною полнотою власти, простирающейся на всѣ области жизни ввѣреннаго ему государства. Съ подобными взглядами Московскіе цари—государи могли быть и дѣйствительно были вполнѣ солидарны, ибо въ литературной пропагандѣ такого рода взглядовъ они находили вѣрную и твердую поддержку для своихъ политическихъ стремленій. Вспомнимъ, наконецъ, и то, что защитники „нестяжательности“, помимо своихъ литературно-публицистическихъ воззрѣній, и самымъ дѣломъ неоднократно заявляли себя не такъ, какъ хотѣлось бы Московскимъ „самодержцамъ“. Они осмѣливались иногда говорить

„на встрѣчу Державному", или же вставать на защиту всегда бывшихъ въ сильномъ подозрѣніи у Московскаго правительства удѣльныхъ князей. Извѣстно, какъ смѣло и рѣшительно инокъ—князь Вассіанъ возвысилъ свой голосъ противъ второго брака Василія Іоанновича III, на который этотъ вел. князь рѣшился въ цѣляхъ чисто политическихъ, и на который онъ такъ легко и скоро получилъ согласіе и разрѣшеніе со стороны одного изъ „Іосифлянъ"—митрополита Даніила, сумѣвшаго въ этомъ случаѣ войти въ политическіе планы своего царя—государя [1]). Другой послѣдователь взглядовь „нестяжателей", Троицкій игуменъ Порфирій, въ извѣстномъ уже намъ случаѣ съ удѣльнымъ княземъ Василіемъ Шемячичемъ (при Василіи III), также осмѣлился говорить „на встрѣчу Державному", выступивъ въ роли защитника этого удѣльнаго князя [2]). Государи Московскіе не любили подобныхъ „встрѣчъ", и къ людямъ, позволявшимъ себѣ такія, „встрѣчи", конечно, не могли питать своего расположенія.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Политическіе взгляды Московскихъ Государей, выразившіеся преимущественно въ литературно-публицистическихъ произведеніяхъ царя Грознаго. Соотвѣтствіе этихъ взглядовъ идеалу царской власти, обрисованному въ литературно-публицистическихъ воззрѣніяхъ представителей русскаго духовенства и монашества.

Одновременно съ раскрытіемъ понятій о государственной власти, верховнымъ носителемъ которой являлся государь—великій князь Московскій, ея аттрибуты принимаютъ все болѣе и болѣе опредѣленныя формы, соотвѣтствующія этимъ понятіямъ. Іоаннъ Васильевичъ III, покоритель Новгорода и освободитель Руси отъ иноплеменнаго ига, требуетъ (отъ Новгородцевъ) признать его неограниченнымъ государемъ [3]), и въ

---

[1]) См. „Выпись изъ государевой грамоты о сочетаніи второго брака и о разлученіи перваго брака чадородія ради. Твореніе Паисѣино, старца Ферапонтова монастыря". Чтен. Общ. Ист. и древн. Россійск. за 1847 г., № 8, Смѣсь.

[2]) „Сказанія Курбскаго", изд. Устрялова, стр. 127—128.

[3]) „Язъ князь великій,—категорично заявлялъ Іоаннъ III Новгородцамъ,—то вамъ сказалъ, что хотимъ государства на своей отчинѣ Великомъ Новѣгородѣ такова, какъ наше государство въ Низовской землѣ на Москвѣ; и вы нынѣча

дипломатическихъ сношеніяхъ не разъ титулуетъ себя: „Божіею милостію царь всеа Руси“ [1]), „Божіею милостію единъ правой осподарь всей Руси“ [2]), „Божіею милостію государь всеа Русіи“[3]). Формулой „Божіею милостію“..., при означеніи великокняжескаго титула, съ ясностію указывалось, что источникъ власти, сосредоточивающейся въ рукахъ великаго князя, заключается не въ комъ другомъ, а только въ Богѣ, что эта власть по своему происхожденію есть власть божественная. Іоаннъ III первый изъ Московскихъ князей принялъ и званіе „самодержца“. „Этимъ терминомъ въ титулѣ Московскаго Государя—по замѣчанію проф. Ключевскаго—чаще и яснѣе всего подсказывалась мысль о неосуществимости боярскихъ политическихъ притязаній. Именно съ Іоанна Васильевича III это слово было оффиціально введено въ постоянный титулъ Московскаго государя и освящено церковнымъ обрядомъ, благословеніемъ духовной власти“ [4]).

сами указываете мнѣ, а чините урокъ нашему государству быти, ино то которое мое государство“? А государство это, которое „Государи держатъ въ Низовской землѣ“, по словамъ Іоанна Васильевича, вотъ какое: вѣчю и колоколу не быти, посаднику не быти, а государство все намъ держати“. Государь самъ держитъ все государство, держитъ безъ всякаго „урока“, т. е. безъ всякаго ограниченія его власти. См. Полн. Собр. Лѣтоп., т. VI, стр. 213 и слѣд.; Никон. Лѣтоп., ч. VI, стр. 99 и слѣд.; Степенн. кн., ч. II, стр. 126.

1) См. Сборн. Императ. Русск. Истор. Общ., т. XXXV, № 21, стр. 97—99 (сношенія съ магистрами Ливонскимъ и Прусскимъ).

2) Ibid., т. XLI, № 36, стр. 161 (грамота къ Менгли-Гирею, царю Крымскому), стр. 162 (грамота къ Турецкому „салтану“), № 41, стр. 184 (грамота къ Менгли-Гирею).

3) Ibid., т. XXXV, № 21, стр. 95, 96; № 46, стр. 234; № 60, стр. 278; № 80, стр. 469; № 82, стр. 475 (сношенія съ Литвою).

4) „Боярск. дума древн. Руси“, М. 1882, стр. 270. Въ чинѣ вѣнчанія, совершенномъ въ 1498 г. надъ внукомъ Іоанна III, Димитріемъ, митрополитъ титуловалъ Іоанна Васильевича: „благовѣрнымъ и Богомъ избраннымъ царемъ—самодержцемъ“. См. этотъ чинъ въ Чтен. Общ. Ист. и древн. Россійск. за 1883 г., кн. I, стр. 33—38. У писателей изъ среды духовенства къ личности Іоанна III почти постоянно прилагается титулъ „царя и самодержца“. См. Послан. Архіеписк. Ростов. Вассіана Рыло на Угру въ Полн. Собр. Лѣтоп., т. VI, стр. 225 и слѣд...; см. также поученіе митр. Зосимы по случаю соборнаго осужденія еретиковъ Жидовствующихъ—Русск. Истор. Библіот., т. VI, столб. 786; см. еще отвѣтную рѣчь митр. Симона Государю, сказанную имъ при поставленіи на митр. каѳедру—Полн. Собр. Лѣтоп., т. VI, стр. 39—40. Идею о высотѣ верховной государственной власти, получающей всѣ свои полномочія только отъ „вышнея Божія десницы“ и потому въ полномъ смыслѣ самодержавной,—эту идею, которая такъ тщатель-

О сынѣ Іоанна, Василіи III, вотъ что, между прочимъ, сказано въ одномъ изъ хронографовъ русской редакціи: „бѣ мужественъ Государь царь и великій князь Василей Ивановичь всея Русіи и на супротивныя враги веліе храбръство показа, яко и цари окрестные мнози съ державами своими приходяще къ нему и покоряющеся служити ему, сего ради и титлу великия державы себѣ состави и тако въ посольскихъ грамотахъ и въ лѣтописныхъ исторьяхъ писати себѣ повелѣ, имъ же званьемъ въ русской земли даже и отъ великаго князя Рюрика никто отъ рода ихъ таковымъ самодержательствомъ не писашеся и не нарицашеся, якоже сице сей: Божіею милостию царь и великій князь... и всея Русіи Государь и обладатель“ [1]). Правда титулъ этотъ не новый: какъ уже отмѣчено нами, имъ не разъ пользовался и Іоаннъ III; но Василій Іоанновичъ чаще, чѣмъ его отецъ, употреблялъ этотъ титулъ во внѣшнихъ сношеніяхъ; онъ иногда титуловалъ себя царемъ даже въ обыкновенныхъ правительственныхъ грамотахъ [2]). Ревностный поборникъ самодержавной власти, безраздѣльно и во всей полнотѣ сосредоточивающейся въ рукахъ единаго государя московскаго, Василій III не считалъ уже нужнымъ сообразовать свои дѣйствія съ совѣтомъ и волею своихъ слугъ—бояръ, и, по нѣсколько каррикатурному изображенію опальнаго Берсеня-Беклемишева, „всякія дѣла дѣлалъ запершыся самъ—третій у постели“ [3]). Ино-

---

но разрабатывалась публицистической литературой, Іоаннъ III со всею ясностію выразилъ, въ примѣненіи къ себѣ, въ своемъ отвѣтѣ цесарскому послу на предложеніе выхлопотать у цезаря королевскій титулъ: „Мы Божіею милостію—говорилъ Іоаннъ—государи на своей землѣ изначала... и поставленіе имѣемъ отъ Бога, какъ наши прародители, такъ и мы, и просимъ Бога, чтобы и впередъ далъ Богъ и намъ и нашимъ дѣтямъ до вѣка такъ быть, какъ мы теперь есть государи въ своей землѣ, а поставленія ни отъ кого не хотѣли и теперь не хотимъ“. См. „Ист. Росс. съ древнѣйш. врем.“ Соловьева, т. V, стр. 1490.

[1]) См. „Изборникъ славян. и русскихъ сочинен. и статей, внесенныхъ въ хронографы русск. редакціи“ А. Попова, М. 1869 г., стр. 181—182.

[2]) См. его грамоту Псковскому Петропавловскому монастырю отъ 16-го февраля 1510 г. у Востокова въ „описан. русск. и словенск. рукопис. Румянц. музеума“, Спб. 1842 г., стр. 87. Въ этой грамотѣ употребленъ титулъ: „Василей Божиіею милостію царь и государь всеа Руски и Великии княз Владимерскии“...

[3]) См. отрывокъ слѣдств. дѣла о Иванѣ Берсенѣ и Ѳеодорѣ Жареномъ въ Акт. Археогр. Экспед., т. I, № 172, стр. 142.

странцы, посѣтившіе Россію въ это время и наблюдавшіе ея политическій бытъ, свидѣтельствуютъ о практическомъ примѣненіи тѣхъ началъ государственной власти, теоретическую сторону которыхъ мы разсмотрѣли выше. „Властію—говоритъ Герберштейнъ о великомъ князѣ Московскомъ (Василіи Ивановичѣ)—онъ превосходитъ едвали не всѣхъ монарховъ цѣлаго міра... Онъ имѣетъ власть какъ надъ свѣтскими, такъ и надъ духовными особами, и свободно, по своему произволу, распоряжается жизнію и имуществомъ всѣхъ... Всѣ открыто признаютъ, что воля князя есть воля Бога, и что князь дѣлаетъ, то дѣлаетъ по волѣ Божіей... Оттого самъ князь, когда его умоляютъ о какомъ нибудь заключенномъ, или въ другомъ важномъ дѣлѣ, обыкновенно отвѣчаетъ: будетъ освобожденъ, когда Богъ велитъ. Подобно тому, если кто нибудь спрашиваетъ о какомъ нибудь неизвѣстномъ и сомнительномъ дѣлѣ, обыкновенно отвѣчаютъ: знаетъ Богъ и великій государь“ [1]).

Сынъ и преемникъ Василія III, царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный, за свою громадную начитанность, почерпнутую, вѣроятно, въ счастливую для него эпоху вліянія іерея Сильвестра и митр. Макарія, пользовавшійся у современниковъ прозваніемъ „въ словесной премудрости ритора“ [2]), идетъ далѣе своего отца и дѣда: торжественно, при священномъ короновавніи, провозгласивъ себя царемъ, какъ преемникъ и наслѣдникъ православныхъ греческихъ церей—автократовъ, онъ самъ потомъ, подъ вліяніемъ тогдашней книжности, формулируетъ теорію власти, сосредоточивающейся въ особѣ государя всея Руси [3]). Теорія эта, какъ она выступаетъ предъ нами въ литературно-публицистическихъ воззрѣніяхъ Грознаго, даетъ намъ возможность судить, какія заимствованія могъ сдѣлать

---

[1]) См. „Записки о Московіи“ барона Герберштейна въ переводѣ Анонимова, СПБ. 1866 г., стр. 26, 28.

[2]) „Русск. Истор.“ Бестужева-Рюмина, т. II, СПБ. 1885 г., стр. 214; „Ист. Россіи“ Иловайскаго, М. 1890 г., т. III, стр. 175 и прим. 31.

[3]) Теорія царской власти Грознаго являлась отвѣтомъ со стороны внука Софьи Ѳоминичны, считавшаго себя преемникомъ царей греческихъ, на теорію князя Курбскаго, надменнаго родословнаго боярина, въ своихъ произведеніяхъ оч. настойчиво проводившаго задушевныя думы оппозиціоннаго боярства своего времени которое (боярство) недовольно было новымъ политическимъ порядкомъ.

ея царственный авторъ отъ своихъ предшественниковъ—публицистовъ въ области политической мысли.

Идея о богоустановленности власти и тѣсно связанное съ нею ученіе о покорности властямъ, не разъ, какъ мы видѣли, затрогивавшіяся и раскрывавшіяся представителями духовно-литературной публицистики, въ лицѣ царя Іоанна Васильевича находятъ для себя горячаго поборника. Обвиняя Курбскаго, какъ измѣника своему законному царю, Грозный, между прочимъ, пишетъ ему: „почто и апостола Павла презрѣлъ еси? Якоже рече: всяка душа владыкамъ предвладущимъ да повинуется: никая же бо владычества, еже не отъ Бога учинена есть; тѣмъ же противляйся власти, Божію повелѣнію противится. Смотри же сего и разумѣвай,—комментируетъ царь—авторъ приведенныя апостольскія слова,—яко противляйся власти, Богу противится; и аще кто Богу противится, сіи отступникъ именуются, еже убо горчайшее согрѣшеніе. И сіе же убо реченно есть о всякой власти, еже убо кровьми и браньми пріемлютъ власть: разумѣй же вышереченное, яко не восхищеніемъ пріяхомъ царство, тѣмъ же наипаче противляяся власти, Богу противится“ [1]) Полагая, соглосно съ ученіемъ апостольскимъ, назначеніе государственной власти въ томъ, чтобы служить съ одной стороны „въ месть злодѣемъ“, а съ другой „въ похвалу добродѣемъ“, Грозный замѣчаетъ, что царь, не примѣняющій на дѣлѣ заповѣди апостола о карающемъ и милующемъ мечѣ, „нѣсть царь“ [2]). Есть, впрочемъ, одинъ пунктъ, въ которомъ государь—публицистъ ограничиваетъ ученіе о безусловной покорности властямъ: „тѣмъ же и вся божественная писанія исповѣдуютъ,—заявляетъ онъ въ одномъ мѣстѣ,—яко не повелѣваютъ чадомъ отцомъ противитися и рабомъ господемъ, кромѣ вѣры“ [3]).

---

[1]) „Сказанія Курбскаго“, изд. Устрялова, стр. 159—160. Вслѣдъ за указанными апостольскими словами о богоустановленности власти и необходимости покоряться ей, Грозный ссылается на заповѣдь апостола о томъ, что рабы должны „послушать господей своихъ, не предъ очима точію работающе, яко человѣкоугодницы, но яко Богу, и не токмо благимъ, но и строптивнымъ“.

[2]) „Повсегда убо царемъ подобаетъ обозрительнымъ быти: овогда кротчайшимъ, овогда же ярымъ; ко благимъ убо милость и кротость, къ злымъ же ярость и мученіе; аще ли же сего не имѣя, нѣсть царь“. Сказанія..., стр. 168—169.

[3]) Сказанія..., стр. 160. Какъ намъ извѣстно, оговорка эта встрѣчается и у Іосифа Волоцкаго, и у митр. Даніила.

Источникъ власти, носителемъ которой является царь—государь всея Руси, заключается, по воззрѣніямъ Грознаго, исключительно въ Богѣ. Не отъ людей, а отъ Бога получаетъ государь всѣ свои полномочія, не людьми, а Богомъ избирается и поставляется онъ на царскомъ престолѣ, и не въ самочиніи подданныхъ, а лишь въ предписаніяхъ божественныхъ законовъ встрѣчаетъ для себя ограниченіе сосредоточивающаяся въ его рукахъ царственная власть. „Всемогущія и вседержащія десницы дѣланію держащаго всея земли концы Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, иже со Отцемъ и Святымъ Духомъ въ единствѣ поклоняема и славима, милостію своею благоволи намъ скипетры Россійскаго царствія смиреннымъ и недостойнымъ рабомъ своимъ, и отъ Его вседержавныя десницы христоносныя хоругви,—сице пишемъ мы, великій государь царь и великій князь“ и проч.,—такъ начинаетъ Грозный одно изъ своихъ посланій князю Курбскому [1]). Эту же идею о божественномъ источникѣ царской власти выражаетъ Грозный, когда не разъ въ своихъ отвѣтахъ Курбскому поставляетъ на видъ, что онъ „воцарился“ именно „Божіимъ изволеніемъ, Божіимъ велѣніемъ“ [2]), что онъ есть именно „Богомъ данный царь“ [3]), „Богомъ данный владыка“ [4]), „отъ Бога данный государь“ [5]); власть, которою онъ владѣетъ, есть „власть отъ Бога данная“ [6]); государство, имъ управляемое, есть „отъ Бога данная ему держава“ [7]); онъ строитъ свое царство „милостію Божіею“, „за помощію всесильнаго Бога“, „отъ Бога наставляемый“ и отъ „иныхъ разума не требуетъ“ [8]), въ себѣ самомъ сосредоточивая всю абсолютную полноту власти и всю полноту государственнаго разума; въ своихъ дѣйствіяхъ онъ никому, кромѣ Бога, не даетъ от-

[1]) Второе посланіе Курбскому. Сказанія..., стр. 222; сн. начало перваго посланія—Ibid., стр. 156. („Богъ нашъ Троица, иже прежде вѣкъ сый, нынѣ есть Отецъ и Сынъ и Святый Духъ,... имъ же царіе царствуютъ и сильніи пишутъ правду...).

[2]) Сказанія..., стр. 157, 225.

[3]) Сказанія..., стр. 168, 171.

[4]) Сказанія..., стр. 161.

[5]) Сказанія..., стр. 194.

[6]) Сказанія..., стр. 162.

[7]) Сказанія..., стр. 162.

[8]) Сказанія..., стр. 185, 218. Въ знаменитомъ посланіи къ Баторію Грозный назвалъ себя царемъ „по Божьему изволенію, а не по многомятежному человѣческому хотѣнію“. Русск. Истор.“ Бестуж.-Рюмина, т. II, Спб. 1885 г. стр. 296.

чета; кромѣ Бога, онъ не имѣетъ надъ собою иного судіи и властителя; кромѣ Бога, онъ „не судится ни передъ кѣмъ“ [1]). По отношенію къ нему всѣ остальные люди суть не болѣе, какъ его подданные, которые „самимъ Богомъ поручены ему въ работу“ [2]), суть „отъ Бога повинные ему рабы“: ихъ первая и главная обязанность—быть безусловно послушными своему, отъ Бога данному имъ, Государю и исполнять всѣ его велѣнія [3]).

Соотвѣтственно изложенному нами ученію представителей духовно-литературной публицистики о главнѣйшей обязанности государя—быть верховнымъ блюстителемъ и защитникомъ чистоты вѣры и благочестія, Грозный не разъ открыто заявлялъ, что эту именно обязанность онъ считаетъ для себя самою существенною, что ревностное исполненіе имъ этой обязанности требуется самымъ его положеніемъ, какъ „православнаго царя“, отъ Бога поставленнаго, какъ носителя „православнаго истиннаго христіанскаго самодержавства“ [4]). Вотъ что напр. говорилъ онъ предъ построеніемъ (въ 1551 г.) городка Свіяжска для защиты „отъ безбожныхъ Казанскихъ Срацинъ“: „всемилостивый убо Боже молитвами Пречистыя своея Матери и всѣхъ святыхъ... устроилъ мя земли сей православной и всѣмъ людемъ своимъ царя и пастыря, вожа и правителя еже правити людіе Его въ православіи непоколебимомъ быти, еже пасти ми ихъ отъ всѣхъ золъ находящихъ на ны. Воистину бо се есть пастырь добрый, иже душу свою полагаетъ за овца“ [5]). „Тѣмъ же азъ молю преподобіе ваше,—писалъ Іоаннъ Васильевичъ въ 1562 г. архимадриту и братіи Троицкаго монастыря,—да подвигнется со тщаніемъ на молитву, да вашихъ ради святыхъ молитвъ презритъ наша великая беззаконія и подастъ намъ оставленія грѣховъ, и даруетъ намъ разумъ и разсужденіе и мудрость,

---

[1]) Сказанія..., стр. 169: „Кто убо постави судію и властеля надъ нами?“..., стр. 195: „доселѣ русскіе владѣтели неистязуемы были ни отъ кого же... и не судился ни передъ кѣмъ (изъ подданныхъ).

[2]) Сказанія..., стр. 161.

[3]) Сказанія..., стр. 209—210, 218, 224.

[4]) Сказанія..., стр. 156, 157.

[5]) Никон. Лѣтоп., ч. VII, стр. 73.

якоже годѣ Его святой волѣ, правити и строити Богомъ преданное ми стадо Христовыхъ словесныхъ овецъ всего православнаго христіянства“ [1]). Эту же мысль высказалъ вѣнценосный публицистъ и своему литературному противнику—князю Курбскому, когда писалъ ему: „тщужеся со усердіемъ люди на истину и на свѣтъ наставити, да познаютъ единаго истиннаго Бога, въ Троицѣ славимаго, и отъ Бога даннаго имъ государя“ [2]). Хорошо знакомъ былъ царь Іоаннъ Васильевичъ и съ ученіемъ о той великой отвѣтственности, которую несетъ предъ судомъ божественнымъ представитель верховной государственной власти какъ за собственныя согрѣшенія, такъ и за грѣхи своихъ подданныхъ. „Азъ убо вѣрую,—писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ отвѣтныхъ посланій бѣжавшему отъ его гнѣва боярину,—яко о всѣхъ согрѣшеніяхъ вольныхъ и невольныхъ судъ пріяти ми, яко рабу, и не токмо о своихъ, но и о подвластныхъ мнѣ дати отвѣтъ, аще моимъ несмотрѣніемъ погрѣшатъ“ [3]). А предъ Казанскимъ походомъ 1552 г. тотъ же государь молился, чтобы Господь „не помянулъ юностныхъ его согрѣшеній, и не связалъ бы его грѣхомъ толика множества народа“ [4]).

Какъ видимъ, взгляды Грознаго на высоту сана верховной государственной власти, на права и обязанности государя, высказанные имъ главнымъ образомъ въ его полемической корреспонденціи съ родовитымъ бояриномъ, не заключаютъ въ себѣ чего либо новаго сравнительно со взглядами, какіе высказаны по данному вопросу предшествующими и современными ему публицистами, такъ-что его теорія власти въ основныхъ своихъ положеніяхъ слагалась, можно сказать, по готовымъ образцамъ. Существовавшимъ уже теоріямъ Грозный далъ лишь широкое практическое примѣненіе, и при этомъ вынужденъ былъ свою политическую практику защищать отъ горячихъ литературныхъ нападокъ одного изъ представителей боярской оппозиціи. Это послѣднее обстоятельство, въ

[1]) Акт. Арх. Экспед., т. I, № 260, стр. 286.
[2]) Сказаніе..., стр. 194.
[3]) Сказаніе..., стр. 209.
[4]) Никон. Лѣтоп., ч. VII, стр. 119.

связи съ специфическими особенностями душевнаго склада царя Грознаго, и были причиною того, что теорія самодержавнаго царства вышла у названнаго государя очень конкретной, но въ то же время и очень узкой. Среди широкихъ и часто весьма возвышенныхъ политическихъ воззрѣній у Грознаго съ діалектическимъ искусствомъ, хотя иногда и не безъ противорѣчій, развивается собственно одна идея, которую онъ непримиримо рѣзко, такъ сказать, самымъ остріемъ старается поставить противъ своихъ политическихъ противниковъ. Это — идея неограниченной царской власти, или идея самодержавія. „Россійское самодержательство" для него исконный фактъ нашей исторіи: по его словамъ, оно „Божіимъ изволеніемъ" началось „отъ великаго князя Владиміра, просвѣтившаго всю русскую землю святымъ крещеніемъ, и великаго царя Владиміра Мономаха, иже отъ грекъ высокодостойнѣйшую честь воспріемшу" [1]). Но это „самодержательство", въ пылу жаркой полемики, не облекается у него въ опредѣленный планъ государственнаго устройства, а сводится къ простой личной власти, къ тому простому заключенію, что государь имѣетъ неограниченное право казнить и жаловать своихъ слугъ по усмотрѣнію: „а жаловати есмя своихъ холопей вольны, а и казнити вольныжъ есмя" [2]). И этотъ грозный принципъ самодержавія Іоаннъ Васильевичъ съ пыломъ своей страстной и впечатлительной натуры стремился въ своей полнотѣ осуществить и дѣйствительно осуществилъ во всей политической дѣятельности. Съ этой стороны время его царствованія въ исторіи государей московскихъ выдѣляется слишкомъ замѣтными своеобразными чертами. Это именно время ознаменовалось тѣмъ пожаромъ лютости въ землѣ русской, тѣмъ гоненіемъ великимъ, на которые жалуется Курбскій; въ это именно время страшной развязкой разрѣшилась давнишняя борьба московскихъ государей съ ихъ притязательнымъ боярствомъ.

---

[1]) Сказанія..., стр. 156.
[2]) Сказанія..., стр. 179.

ОГЛАВЛЕНІЕ.